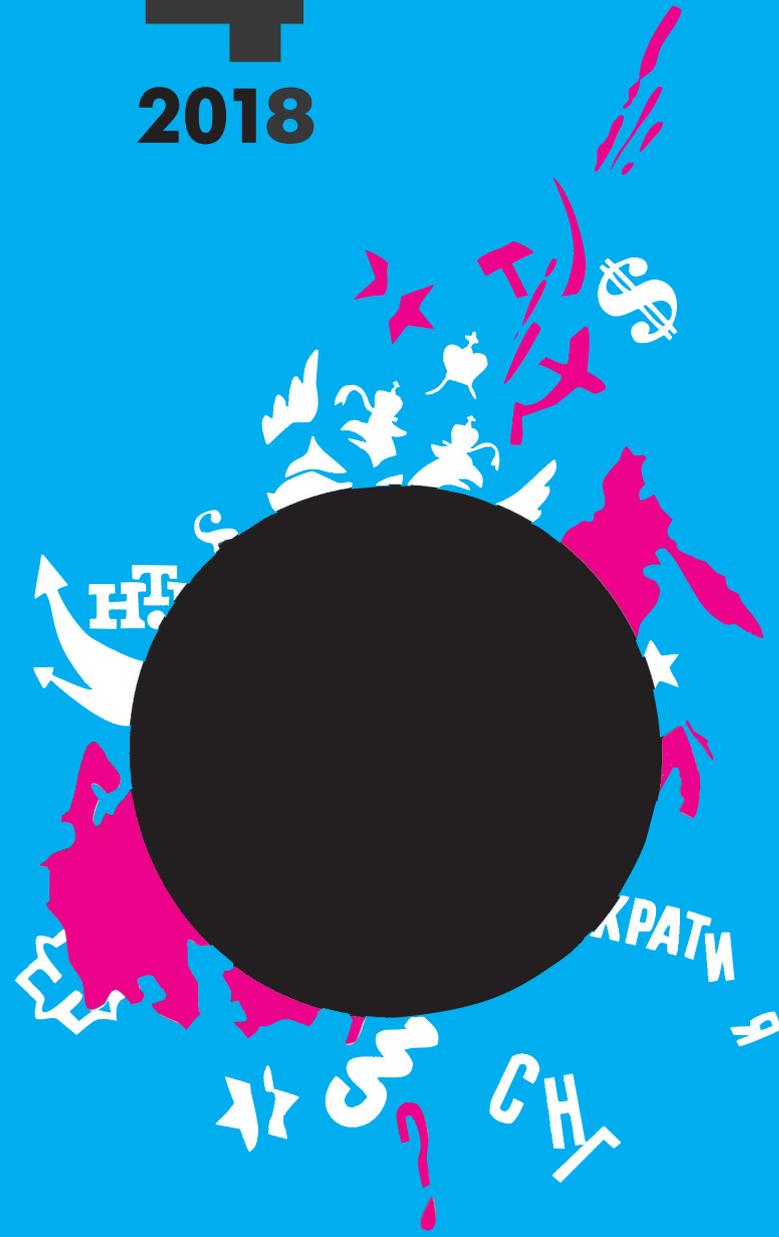

Индекс **П8643**

4
2018

РОССИЯ XXI 2018 4

РОССИЯ XXI

4. 2018 июль-август

Национальная доктрина

Салават Исхаков

Революционер, политик, государственный деятель
Ш.-И.Шагиахметов _____ **6**

Елена Жбанкова

Практическая реализация «советской системы»
физической культуры в 1920-е годы _____ **30**

Ресурсы нации

Наталья Менчинская

30 лет в ГИПРОВУЗЕ: от расцвета института
до его гибели _____ **52**

Грани катастрофы

Геннадий Костырченко

Генсек-столонячий: штрихи биографии
Константина Черненко _____ **80**

Пути духовных исканий

Андрей Караваикин

На границе эпох: литературная архаика
в книжности XVII в. (три примера) _____ **96**

Страницы истории

Исаак Розенталь

О некоторых тенденциях осмысления Первой
мировой войны, революции и большевизма
современниками (окончание) _____ **120**

Валентин Шелохаев, Кирилл Соловьев

Общественное движение в России
(методологические и историографические
проблемы) _____ **144**

Ярлыки и мифы

Андрей Юрганов

Модернистские романы начала двадцатого
века: о любви... или о насилии? _____ **170**

Contents in English look at the page 196

РОССИЯ ХХІ

Редакционный совет

Председатель – **Дегоев В.В.**, доктор исторических наук, директор Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Гриневский О.А., почетный доктор социологии Саутгемптонского Университета (Великобритания), чрезвычайный и полномочный посол в отставке;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России Московского государственного областного университета, главный специалист «Центра документальных публикаций» РГАСПИ;

Киянская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ; ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН;

Либих Андре, профессор истории, Школа международных исследований, Женева, Швейцария;

Мальков В.Л., доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН;

Милюков В.В., доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор Пятигорского государственного лингвистического университета, директор Института международных отношений ПГЛУ;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Розенталь И.С., доктор исторических наук, профессор;

Фридман Л.А., доктор экономических наук, профессор кафедры экономики Института стран Азии и Африки при МГУ;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России средневековья и раннего Нового времени РГГУ

Журнал «Россия XXI» включен
в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Каравашкин А.В.;
Ковалев М.В.;
Петрова И.Н.;
Фельдман Д.М.;
Хайлова Н.Б.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, истории, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России.

Направляемые в редакцию статьи должны соответствовать тематике журнала (**см. рубрикатор на сайте**), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям. Содержание статьи должно содержать разделы, касающиеся предмета и метода исследования, состояния объекта исследования на текущий момент и научной новизны работы. В конце статьи необходимо сделать выводы.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов).

Название статьи.

Аннотацию на русском и английском языках (500–900 знаков с пробелами).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова на русском и английском языках.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Постатейный (нумерованный) библиографический список, оформленный в соответствии с требованиями ВАК РФ.

В начале списка помещаются архивные материалы, затем публикации (по алфавиту).

Для книг указываются *издательства (типографии* – для дореволюционной поры) и *листаж*, для статей – *страницы в издании*.

Для электронных изданий обязательна *дата обращения*.

В тексте и в постраничных примечаниях (после содержательной части) ссылка дается в квадратных скобках:

Объем статьи, включая библиографический список, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в нескольких номерах журнала.

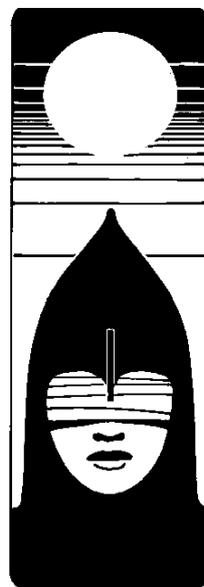
Статья представляется в редакцию на электронном носителе (MS Word).

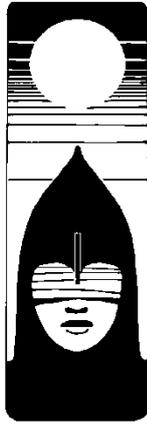
Каждый из нас сам вычеканивает цену своей личности; человек бывает велик или мал в зависимости от собственной воли.

Сэмюэл Смайлс

Будущее отныне принадлежит двум типам
людей: человеку мысли и человеку труда.
В сущности, оба они составляют одно целое,
ибо мыслить – значит трудиться.

Виктор Гюго

Салават Исхаков

**РЕВОЛЮЦИОНЕР,
ПОЛИТИК,
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ДЕЯТЕЛЬ
Ш.-И.ШАГИАХМЕТОВ**

НАЦИОНАЛЬНАЯ ДОКТРИНА

УДК
329.3:297

Статья посвящена одному из первых социал-демократов в Российской империи Ш.-И.Шагиахметову, представителю татарского дворянства, мусульманской интеллигенции. Сделана попытка анализа его биографии и общественно-политической деятельности до 1917 г. и в условиях Великой российской революции 1917 г. Особое внимание при этом уделяется его политической публицистике, вкладу в мусульманское движение, в становление самоопределения населения Туркестана.

The article is devoted to Sh.I.Shagiakhmetov, one of the first Social Democrats in the Russian Empire, representative of the Tatar nobility, Muslim intelligentsia. The attempt was made to analyze his biography and socio-political activity before 1917 and in the conditions of the Great Russian Revolution of 1917. Particular attention is paid to his political journalism, his contribution to the Muslim movement, his role in the formation of the self-determination of the Turkestan population.

Ключевые слова: 1917 год; революция; гражданская война; Россия; Туркестан; ислам; мусульмане; мусульманское движение; Ш.-И.Шагиахметов.

Key words: 1917; revolution; Civil War; Russia; Turkistan; Islam; Muslims; the Muslim movement; Sh.-I.Shagiakhmetov.

E-mail: rusrevref@mail.ru.

Великая российская революция 1917 г., русская гражданская война, распад Российской империи – период кардинальных перемен в обществе и в судьбах людей. Вопрос о степени влияния социалистических идей, которые распространились в начале XX в. по империи, в том числе среди мусульманской общественности, особенно среди представителей ее элиты, включая интеллектуальную, остается недостаточно изученным. Очень мало в историографии до сих пор известно о том, кем были первые социал-демократы, выходцы из мусульманской среды, и какова была их роль в политической борьбе в тех или иных частях империи.

Среди них был Шах-Ислам Султанович Шагиахметов, который в 1917–1918 гг. сделал блестящую политическую карьеру и стал одним из руководителей Туркестана того времени. Но, как ни странно для столь заметной политической фигуры, его жизнь и деятельность до сих пор не получили соответствующего освещения в научной литературе. О нем, разумеется, упоминали еще в публикациях советского периода, но лишь как о противнике большевиков.

Впервые его деятельность при самодержавии и в период революционных 1917–1918 гг. была показана в моих книгах [1][2]. Первая же краткая биографическая справка, основанная на архивных источниках, появилась в книге Л.Г. Протасова, посвященной депутатам Всероссийского Учредительного собрания, где он фигурирует как дворянин, сын статского советника, «оренбургский татарин», «ферганский мусульманин», «мусульманский лидер» [3, с.64, 143, 146, 419]. Затем появилась справка Д.М. Усмановой (Казань), где отмечается, что Шагиахметов родился 21 ноября 1882 г. в Оренбурге, что его отец был уроженцем Мензелинского уезда Уфимской губ., после окончания юридического факультета в 1876–1890 гг. работал преподавателем в Уфимской татарской учительской школе в Оренбурге, с 1890 г. вплоть до смерти в 1896 г. служил в судебных учреждениях Оренбургского края.

Гимназист Ш.-И. Шагиахметов.
Оренбург. 1905 г.

Его сын после окончания полного курса в Оренбургской мужской гимназии летом 1905 г. подал прошение о зачислении на Восточный факультет Санкт-Петербургского университета. Однако осенью 1905 г. он перевелся на юридический факультет того же университета [4, с.273–274]. В этой и других публикациях допущены были ошибки. Так, на самом деле он родился в 1886 г. [5, л.3, 23].

Дополнительные сведения о Шагиахметове появились в энциклопедии, посвященной Всероссийскому Учредительному собранию, которая была подготовлена Л.Г.Протасовым [6, с.504]. Что касается этнического происхождения Шагиахметова, то на этот счет имеются разные суждения. Так, О.Ю.Бессмертная (Москва) утверждает, что он был якобы горцем из Северного Кавказа [7, с.273]. В центрально-азиатской научной литературе его вовсе узбекизировали, изменив даже его фамилию на Шоахмедов.

Спустя почти 10 лет Усманова опубликовала расширенное сообщение о Шагиахметове [8, с.167]. Здесь уже исправлена ошибка относительно года рождения, кратко переданы его биографические данные, отражены отдельные эпизоды из жизни и деятельности Шагиахметова, но, главное, в нем обойден такой важный вопрос, как его общественно-политические взгляды, вклад в борьбу мусульманского населения за свои права.

Настоящая статья, основанная на впервые вводимых в научный оборот данных, посвящена политической биографии Ш.-И.Шагиахметова и его неординарной, с одной стороны, жизни, с другой, – типичной для революционной эпохи, а также его образу как представителя мусульманской интеллектуальной элиты начала XX века, как одного из идеологов и организаторов мусульманского движения в 1917 г. и руководителя Туркестана в конце 1917 – начале 1918 г.

Учеба в Петербурге

Приехав в 1905 г. из захолустного Оренбурга в столичный Петербург, юноша из привилегированной семьи впервые испытал воздействие новой и разнородной среды, столкнулся с бурной политической жизнью, которая происходила в столице в разгар Первой русской революции. Будучи студентом юридического факультета Петербургского университета, Шагиахметов увлекся социалистическими идеями. Став социал-демократом, он с 1907 г. попал под надзор полиции [3, с.143, 419].

Во время студенческой жизни Шагиахметов побывал в Европе. Об этом свидетельствует, в частности, его фотография (1908 г.), на которой имеется штамп «Emil Himmelsbache – Photograph – Davos-Platz» [5, л.19]. Эта чрезвычайно интересная деталь позволила установить следующее. Данное фотоателье находилось в г. Давосе (Швейцария), ее владельцем был приехавший сюда в 1906 г. из Германии некий немец Э.Химмельсбах, почти ровесник Шагиахметова. В этом городе имела типография, где печатались издания, которые были запрещены в России. С 1909 г. здесь находилась редакция меньшевистского литературно-научного и политического журнала «За рубежом», который издавала известная меценатка Е.Н.Скаржинская, уехавшая из России.

Студент Ш.-И.Шагиахметов.
Давос (Швейцария). 1908 г.

Факт поездки Шагиахметова в Давос позволяет сделать вывод о том, что у него были партийные связи со здешними эмигрантами. Секретарем меньшевистской группы в Давосе в это время был В.А.Аванесов (С.К.Мартиросян), который учился тогда в Цюрихском университете. В 1908 г. меньшевики, находившиеся в Европе, повели борьбу против большевиков. В августе 1908 г. в Женеве состоялись несколько заседаний ЦК РСДРП, а в Базеле в ноябре того же года меньшевики начали готовить съезд своих групп. Одним из вопросов при этом был вопрос о национальных организациях на местах. Надо полагать, что Шагиахметов, будучи выходцем из мусульманской среды, вполне подходил для подобной работы, что спустя несколько лет и произошло.

Летом 1909 г. он вступил в брак с дворянкой дочерью полковника Ольгой Викторовной Бенедской [5, л.43,44]. Она родилась в 1885 г. в болгарском городе Видин в семье капитана 21-го пехотного Муромского полка, в 1902 г. закончила Варшавскую 1-ю женскую гимназию, получив звание домашней учительницы, затем жила в Оренбурге, где служил ее отец, командир 241-го пехотного Орского полка, в 1905–1906 гг. училась в петербургском Повивальном (Еленинском) институте. В ян-

варе 1906 г. ей было выдано метрическое свидетельство для вступления в брак [9, л.1–3,5–8,12]. Скорее всего, молодые люди познакомились еще в Оренбурге и хотели пожениться еще в 1906 г., но что-то помешало этому.

Жизнь в Петербурге

К концу 1910 г. Шагиахметов завершил полный университетский курс и в январе 1912 г., получив выпускное свидетельство, подал документы о зачислении в Санкт-Петербургскую судебную палату. В августе 1912 г. его зачислили в помощники столичного присяжного поверенного Б.Г.Лопатина-Барта, выступавшего защитником меньшевиков на процессе по делу о Выборгском воззвании, позже вступившего в партию эсеров. В том же 1912 г. Шагиахметов выступил как один из инициаторов издания в Петербурге общественно-политической и литературной «Мусульманской газеты», в которой являлся автором статей на различные темы. Газета имела оппозиционный характер, отдельные номера арестовывались и уничтожались полицией. В 1913 г. он отошел от газеты, которая вскоре прекратила свое существование [8, с.168–170], что не остановило его партийную работу. При этом он продолжал совершать поездки в Европу.

Так, в 1913 г. он побывал в городке Нерви, близ Генуи¹. К тому времени здесь обосновалось много эмигрантов из России, финансовую поддержку этой колонии обеспечивал один из меньшевистских лидеров Г.В.Плеханов. Роль конспиративного центра здесь играла публичная клиника, основанная меньшевиком В.Е.Мандель-бергом. Очевидно, и эта поездка Шагиахметова была связана с партийными делами меньшевиков.

Ш.-И.Шагиахметов.
Нерви (Италия). 1913 г.

¹ <https://digitalcollections.hoover.org/objects/55727/chagiakhmetoff-tslam>. Дата последнего обращения 19.07.2018.

**Защитник прав
мусульманского населения**

Одновременно Шагиахметов продолжал и публицистическую деятельность, которая была направлена на борьбу с дискриминацией прав граждан-мусульман империи. Так, в

1913 г. в известном петербургском журнале «Современный мир», редактором которого являлся социал-демократ Н.И.Иорданский, было опубликовано обширное письмо Шагиахметова, посвященное мусульманскому вопросу в России. Приведем некоторые наблюдения, которые им были сделаны тогда. В мусульманских массах, по его мнению, «долго удерживалось убеждение, что обеспечение национальной и религиозной свободы находится в зависимости от возможно полного политического самоустранения». Но действительность революционного времени привела к другим соображениям [10, с.254]. Этому не помешало послереволюционное торжество реакционных сил, когда надежды на реформы принесли разочарование, не дали ощутимых результатов и для граждан-мусульман.

Особенное возмущение в мусульманских массах вызывала политика христианизации. Так, на Урале, например, «самый культурный способ миссионерской деятельности – проповедь печатным словом – превратился... в сплошное неприличное издевательство над чужой религией, религией двух десятков миллионов религиозных русских граждан» [10, с.252–253], – констатировал Шагиахметов, защищая соотечественников-мусульман в условиях обострявшейся общественной и правительственной реакции, фактической исламофобии, стремлением властей жестко управлять мусульманским населением, подавляя любые попытки к равноправию.

Шагиахметов объяснял русскому читателю, что мусульмане империи стремятся к овладению русским языком, европейской культурой, сохраняя при этом свои самобытность, культуру и традиции. Мусульмане, отмечал он, теперь уже сотнями насчитывали своих студентов в русских высших учебных заведениях страны, в которых часто встречались и мусульманки. Консерваторки-мусульманки в Саратове работали над возрождением национальной музыки, мусульманки выступали в качестве артисток в татарских спектаклях, начинали посещать различные курсы и т.д. Развитие народных университетов благоприятно было воспринято среди мусульманок в Астрахани, Казани, Уфе. Однако последовавшая после 3 июня 1907 г. «яркая националистическая политика чувствительнее всего должна была отразиться на психологии мусуль-

ман, больно затрагивая их религиозно-национальные чувства» [10, с.251–252], верно отметил Шагиахметов. «Реакционная правительственная политика, попадая на почву национального пробуждения, несомненно ускорит, – писал он в 1913 г., – процесс вступления мусульман в те ряды, которые стремятся к свободе и равноправию всех народов, населяющих Россию» [10, с.258]. Собственно, он писал о себе, объясняя свои мотивы увлечения политикой, революционными идеями. Его рассуждения отчетливо отражают его политические интересы, его стремление обосновать свои взгляды и придать им определенную форму.

В Туркестане: известный социал-демократ и журналист

В начале 1915 г. Шагиахметов приехал в Коканд, где стал работать помощником присяжного поверенного Скобелевского окружного суда [11].

За ним полицией сразу было установлено негласное наблюдение. Его приезд из Петрограда на эту далекую окраину империи вряд ли был его личным почином, а был, надо полагать, связан с партийным поручением наладить здесь работу среди местных мусульман, установить связи между меньшевиками и мусульманской общественностью Туркестана. С приездом Шагиахметова в Коканд связано появление газеты «Утро Ферганы». Будучи ее сотрудником и известным социал-демократом, он, по данным охраны, говорил, что у него есть связи с членами Государственной думы, которые выступают за введение земства в Туркестане [12]. В декабре 1915 г. он покинул эту газету, что произошло вскоре после приезда в Коканд военного губернатора Ферганской области, который вызвал нескольких меньшевиков, в том числе Шагиахметова, и пригрозил им карамми, если они не прекратят свою пропаганду [13] относительно введения земства в крае, поскольку это было, с точки зрения власти, недопустимой перспективой для данного региона.

В то время Шагиахметов являлся поверенным Кокандского отдела известной торговой фирмы «Треугольник» [6, с.504], которая была основана как «Товарищество Российско-Американской резиновой мануфактуры» в Петербурге в середине XIX в. В столице была построена по передовым зарубежным технологиям первая в России резиновая фабрика, а отделения у компании были практически во всех крупных городах Российской империи, в том числе в Ташкенте и Коканде.

В 1916 г. Шагиахметов стал секретарем мусульманского просветительского общества «Гайрат» («Энергия») в Коканде и редактором-

издателем новой общественной, политической, литературной и экономической газеты «Туркестанский край», которая появилась 5 апреля 1916 г. Газета объявила, что выступает за полное осуществление манифеста 17 октября 1905 г., проведение справедливого представительства от Туркестана в Государственной думе и Государственном совете и введение в крае городского и земского самоуправления. С точки зрения охранки, газета, несмотря на то что ее редактором была, как отмечалось офицером охранки, «личность левого направления», фактически выражала позицию левых октябристов [14;15]. Шагиахметов являлся, кроме того, сотрудником меньшевистской газеты «День» (Петроград), а также сотрудничал в газете «Ферганская жизнь», которая стала выходить в Коканде в 1915 г. и прекратила существование к весне 1916 г. [16].

В октябре 1916 г. после трехмесячного перерыва вновь стала выходить газета «Туркестанский край», редактором которой по-прежнему был Шагиахметов [17]. Но в ноябре 1916 г. эта газета была властями запрещена из-за оппозиционного характера. Шагиахметов к тому времени, по данным охранки, пользовался в Туркестане большой популярностью среди местных мусульман [18]. Именно он после вспыхнувшего летом 1916 г. во всей Центральной Азии, в том числе в Наманганском уезде Ферганской области, восстания являлся защитником его участников [6, с.504].

К 1917 г. прекрасно образованный Шагиахметов, владевший несколькими языками, в том числе немецким и французским, с ярким революционным прошлым, глубоко разбиравшийся в разных гуманитарных дисциплинах, был не только публицистом, аналитиком, но и опытным революционером.

Петроград – Ташкент

В первые дни Февральской революции 1917 г. Шагиахметов находился в Петрограде, наблюдая за тем, что творилось на улицах столицы, как революционные рабочие боролись с полицией. Будучи социал-демократом, он, по воспоминаниям очевидца, не поддерживал идею преобразования России в федеративное государство [19, с.113, 116]. Но затем Шагиахметов примкнул к Партии народных социалистов [3, с.143], которая поддерживала Временное правительство и выступала за право народов на самоопределение, в отличие от программы меньшевиков. Но и эта политическая позиция оказалась

для него недостаточной, и он стал одним из активных политиков, борющихся за права мусульманского населения.

В Петрограде в середине марта 1917 г. состоялось совещание мусульманских общественных деятелей, а также представителей мусульманского населения, специально прибывших на совещание. Среди них был Шагиахметов, который приехал из Коканда уже как представитель живущих в Туркестане татар. На этом совещании была поставлена задача подготовить не позднее 1 мая 1917 г. созыв всероссийского мусульманского съезда в Москве [20, 1917. №1]. На совещании он был избран членом Временного центрального бюро российских мусульман и в конце марта выехал в Туркестан. Таким образом, он присоединился к мусульманскому движению.

В Ташкенте с 16 апреля 1917 г. начал работу 1-й Всетуркестанский мусульманский съезд, делегатом которого стал Шагиахметов. Он тогда выступил противником национально-территориальной автономии, у которой были сторонники и среди мусульманских политиков [19, с.413]. На съезде было решено создать исполнительный орган – Туркестанский мусульманский центральный совет (другое распространенное название этого органа – Туркестанский краевой «Шура-и Ислам» (Мусульманский совет); Тукрамус, по принятой в то время аббревиатуре). Это был орган, нацеленный на переустройство жизни местных народов на европейских началах.

Всероссийский мусульманский съезд состоялся в Москве 1–11 мая 1917 г. В работе съезда приняли участие 900 делегатов от всех регионов страны. Среди участников были почти все депутаты четырех государственных дум, много офицеров и солдат, около 300 мулл, группа мусульманок со всех концов страны (около 100, почти 3/4 из них студентки и выпускницы высших учебных заведений), которые впервые на съезде мусульман явились его равноправными участниками. 11 мая, в последний день работы, съезд выбрал Всероссийский мусульманский совет из 30 человек, избравших свой Исполнительный комитет в составе 12 лиц с пребыванием в Петрограде.

Шагиахметов не принимал участия в этом съезде, исполняя обязанности временного председателя Туркестанского мусульманского центрального совета. В начале июля он прибыл в Петроград и участвовал в заседаниях Всероссийского мусульманского совета как его член, являясь уже представителем Туркестана. На заседании Всероссийского мусульманского совета 2 июля он был избран секретарем этого Совета и его Исполнительного комитета [21, 1917. 4 августа]. Д.М.Усманова

ошибочно пишет, что он стал секретарем Всероссийского мусульманского совета еще весной 1917 г.²

Во время правительственного кризиса и событий 3–5 июля 1917 г. в Петрограде, когда в столице произошли массовые демонстрации с требованием отставки Временного правительства и передачи всей власти Советам, вечером 3 июля состоялось частное совещание мусульманских политиков, на котором был поднят вопрос о необходимости принятия мер к тому, чтобы добиться включения в реорганизуемое коалиционное правительство представителей мусульманских народов страны.

В связи с этим утром 4 июля состоялось заседание исполкома с участием членов Всероссийского мусульманского совета, в том числе Шагиахметова. При обсуждении среди участников выявились разные подходы.

По мнению Шагиахметова, участие мусульман в коалиционном правительстве стало необходимым, так как требовалось поддержать и укрепить правительство. Споры могли возникнуть, считал он, при определении того, в чем конкретно выразится их участие в коалиционном правительстве. Со своей стороны он предлагал добиваться должности министра без портфеля; задача этого министра от мусульман состояла в политической и тактической работе.

В итоге несколько участников совещания, в том числе Шагиахметов, проголосовали за то, чтобы немедленно возбудить перед правительством вопрос о включении в состав коалиционного правительства представителей от мусульман. После голосования была выбрана делегация для ведения переговоров, причем оставался открытым вопрос о том, какой пост министра требовать у правительства. В состав делегации были избраны 4 человека, в том числе Шагиахметов, которым было поручено вести переговоры не только с членами Временного правительства, но и ВЦИК.

В тот же день на состоявшемся поздно вечером заседании исполкома с участием членов Всероссийского мусульманского совета был заслушан отчет о проведенных делегацией переговорах с правительством и ВЦИКом. Во время почти часовой встречи с членами делегации глава правительства Львов заявил, что он в принципе согласен с их предложением, поинтересовался, какие кандидатуры выдвигаются. Воодушевленные таким результатом, участники этого заседания решили обсудить

² [8, с.170]. Автор здесь ссылается на мою монографию, но на указанной ею странице нет таких данных.

кандидатуры. Шагиахметов высказался за министра без портфеля, поскольку, по его мнению, остальные министерские должности трудно получить. Министр без портфеля из мусульман, хотя и не примет активного участия в «созидательной работе», но будет участвовать в принятии общеполитических решений. В конце концов было решено добиваться предоставления постов министра государственного призрения (2 июля глава этого ведомства кн. Д.И.Шаховской вместе с другими министрами-кадетами ушел в отставку) и товарищей министров просвещения и земледелия [1, с.199–200]. Эти предложения не получили поддержки со стороны нового состава Временного правительства.

Вклад Шагиахметова в работу Всероссийского мусульманского совета был оценен. 9 июля на заседании его исполкома было решено оставить его в исполкоме уже в качестве заместителя председателя исполкома [21, 1917. 11 августа]. На заседании Временного правительства 11 июля 1917 г. было решено пригласить в состав членов Особого совещания по изготовлению проекта Положения о выборах во Всероссийское Учредительное собрание в качестве представителя сартов Шагиахметова [22, с.82]. На Особом совещании по выработке законопроекта о выборах в Учредительное собрание были приняты поправки представителей мусульманского населения, которые стремились приспособить этот законопроект к бытовым особенностям, в частности, скотоводческого населения и к своеобразию жизни мусульман вообще. Например, предлагалось создание передвижных урн в казахских степях и предоставление мусульманкам особого дня, чтобы они могли исполнить свой гражданский долг. Но, когда правительство подписало этот законопроект, данных поправок не оказалось.

2 августа в Петроград выехала делегация от двух всероссийских мусульманских съездов (одним из представителей от Всероссийского мусульманского совета являлся Шагиахметов) (гражданского и военного), состоявшихся незадолго до того в Казани, и в течение нескольких дней пыталась добиться приема у главы Временного правительства А.Ф.Керенского, чтобы передать три докладных записки. Первая касалась вопроса о формировании отдельных войсковых мусульманских частей. В ней указывалось, что солдаты-мусульмане в массе своей недостаточно владели русским языком: грамотных, по мнению мусульманских политиков и военных, насчитывалось не более 3–4%. Это сильно мешало выполнять требования, продиктованные военной обстановкой. Далее отмечалось, что пребывание мусульман в армии создавало затруднения в исполнении предписаний, налагаемых на них религией,

что приводило к внутренней напряженности среди воинов. Таким образом, среди воинов и среди населения настолько назрела потребность образования отдельных войсковых частей, что всероссийские съезды единодушно выступили в поддержку этого требования. Вторая записка была посвящена тяжелому положению мусульман в Туркестане, где они, как ни парадоксально, учитывая их численность, были лишены решающего влияния в вопросах краевого управления и местной жизни. Третья записка касалась положения мусульманского населения на Кавказе. Наконец, 8 августа делегацию принял заместитель премьера Н.В. Некрасов [1, с.295].

Переговоры с Некрасовым оказались крайне непростыми. Анализ ситуации, сложившейся вокруг создания мусульманских частей, был сделан Шагиахметовым, автором одной из этих докладных записок. Он писал в статье «Мусульманские полки и революция», что к этому вопросу можно подойти двояко: «с точки зрения интересов революции и "инородческой политики" новейшей формации». Революции нужна армия дисциплинированных воинов, писал он далее, а мусульмане-солдаты, согласно мнению военных экспертов, сохранили дисциплину и все необходимое для использования их как вооруженной силы государства. При этом в интересах военного дела желательно взаимное понимание солдат в воинских частях и «наиболее полное единство духа». Но этого нельзя добиться с сотнями тысяч мусульман-солдат, плохо знающих русский язык и распыленных по армиям. «Интересы мусульман и революционной демократии настолько совпадают в создании подлинно демократического государства, что разрешение всех этих вопросов едва ли будет расцениваться иначе, как только с точки зрения технических возможностей».

Шагиахметов отметил, что, с другой стороны, желание формировать отдельные воинские части стало трактоваться как «сепаратистская пантюркистская затея» нескольких лиц, без учета того, что в самый тяжелый момент кризиса, в «позорные дни» 3–5 июля, мусульмане выразили готовность не только поддержать правительство, но даже принять на себя часть ответственности за участь революции, за судьбу страны. Это, по оценке Шагиахметова, означало «правильную ориентацию мусульман в целом, в революционной ситуации и отчетливое сознание связанности своих интересов с интересами революции». Нет никакого преувеличения в его словах: «Если бы мусульмане хотели иметь для себя и только для себя опору в своей армии, то они уже давно сами образовали бы эту армию, ибо для этого достаточно было бы одного лишь простого распо-

ряжения мусульманских центров. Но мусульмане всегда исходили в своей политике из революционной государственной точки зрения» [21, 1917. 11 августа]. Такое соотношение собственных и государственных интересов лежало в основе поведения не только военных, но и всех российских мусульман, стремившихся к переменам, но выступавших при этом против анархии, беспорядка, хаоса.

Что касается корниловского выступления, то Шагиахметов писал в статье «Революционный парламент демократии. (К Демократическому совещанию в Петрограде)»: «Корниловщина, проявившая силы контрреволюции, осталась грозным признаком опасности справа, как и возросшая стихия анархии слева... Силен натиск слева, получивший начало от большевизма, но еще сильнее должен быть страх осязательной изоляции, растущей корниловщины и анархии». По его мнению, «огромные малосознательные слои народные получили... великий соблазн оценивать всю тяжесть своего положения в получении необходимых предметов потребления как вину руководящих органов революционной демократии» [23, 1917. 12 сентября].

На Всероссийское Демократическое совещание (14–22 сентября 1917 г.) в Петрограде были приглашены представители и от Всероссийского мусульманского совета. У них были надежды, которые вполне ясно выразил Шагиахметов, находившийся тогда в Ташкенте. В своей статье он, в частности, отмечал, что на «совещании течение коалиции получит со стороны, я уверен, национальных групп... поддержку, что и может сыграть решающую роль... Коалиция со своеобразным парламентом имеет большие шансы, но конструкция этой коалиции будет носить иной облик и, вероятно, с участием национальных групп. Но, как бы то ни было, если демократическое совещание придет к другому решению вопроса, то все, кто мог получить осуществление своих надежд от революции, пойдут за совещанием по силе положения и условий».

Анализируя итоги революционного процесса к осени 1917 г., Шагиахметов писал о необходимости «компромисса между стихией революции и разумом государственности». По его представлениям, «революция только тогда могла бы сохранить все свои действенные силы и развить свою творческую роль, когда вслед за разрушением всех типичных форм свергнутого строя могла бы немедленно проводить в жизнь самые широкие созидательные начала». Но, сожалел он, «стихийный размах революции соответствовал экономической отсталости страны, к тому же переживающей совокупность ряда тяжелых условий, созданных войной. В революцию все более и более начали вкрапываться анархические на-

чала и сообразно с этим и ослабляться власть». Развал усиливался, и уже начали заметно проявляться «симптомы нарастания реакционной психологии» [23, 1917. 12 сентября].

Все это настораживало теоретиков и практиков из Всероссийского мусульманского совета, в том числе Шагиахметова. «И не монархисты ведут страну к возрождению царизма, а то разложение и анархия, которые, пожалуй, более характерны для тыла, нежели для фронта... Народ настолько устал от беспорядка и своеволия, – писал в статье «Монархия приближается» Шагиахметов, – настолько чувствительно стал страдать в своих самых насущных потребностях от произвола, разрушающего законный порядок, что мы уже имеем сообщение о начавшемся среди населения приволжских губерний движении за возвращение царизма "для порядка"» [23, 1917. 21 октября]. Это была критическая оценка поведения части русского населения, настроенного консервативно. Такая действительность направляла мысль его в определенную сторону, и он занял умеренную политическую позицию в процессе общественных преобразований.

Автор первой конституции Туркестана

При участии Шагиахметова был созван 3-й Туркестанский краевой общемусульманский съезд (Ташкент, 8–11 сентября). На съезде присутствовало около 200 делегатов от всех областей края, а также представители Бухары и Хивы; делегаты представляли почти все народы населявших край мусульман. Съезд отметил, что считает правильной тактику и политику Всероссийского мусульманского совета, в частности единое выступление мусульманских представителей на Государственном совещании; подтвердил общемусульманскую позицию о необходимости коалиционной власти с участием всех «живых сил» страны с установлением тесного контакта власти с мусульманами. Именно Шагиахметов подготовил и выступил на съезде с проектом «национально-территориально-федеративной» автономии Туркестанского края [1, с.315]. Этот документ, заслуга 30-летнего юриста и политика, его важнейшее дело, которому, надо полагать, он придавал первостепенное значение в своей деятельности, вытекал из идеи политического освобождения, которую разделял он. Данный проект предназначался для представления во Всероссийское Учредительное собрание.

Осенью 1917 г. он участвовал в избирательной кампании во Всероссийское Учредительное собрание и стал его депутатом³. О его взглядах на будущее страны в тот момент можно судить по статье «Роль национальностей в революции» в ташкентской газете. В отличие от украинцев, решивших, по словам Шагиахметова, «отгородиться от России, дабы не быть вовлеченными в анархию и попытаться спасти, хотя бы для себя, то ценное, что могла дать революция», мусульмане заняли иную позицию. Они «полагали, что спасение революции единственно возможно при наивысшем напряжении сил всех и каждого». Он подчеркивал, что подобное «выступление мусульман неминуемо увлекло бы и все остальные национальности» по украинскому пути, но «в результате слишком уж реален крах революции». По этим соображениям они «заняли исключительно государственную линию поведения, зачастую даже в ущерб собственным интересам в настоящем». В качестве примера того, насколько мусульмане проявили, по его выражению, сдержанность, он указал на ситуацию, связанную с формированием мусульманских полков. В то время как в солдатских массах росла анархия, падала боеспособность частей, мусульмане-воины в целом сохранили необходимые для армии, а значит, и «для спасения революции» качества. Несмотря на то, что напор снизу был настолько, по его мнению, силен, что факт создания их частей мог быть свершившимся сам собой, мусульманские организации сдержали массу, ибо «жизненно необходимо было укрепление революционного правительства, поддержание его авторитета».

Шагиахметов считал, что само правительство фактически не смогло бы ни в чем воспрепятствовать мусульманам, так как они, кроме собственных, весьма больших реальных сил, располагали поддержкой и всех других народов, составляющих как в армии, так и в населении большинство. Но, понимая, что «оборона страны – оборона революции», гибель которой приведет к крушению надежд на свободное самоопределение народов, мусульмане стремились к легальным формам; противоположный подход способен создать для центральной власти настолько сильные центробежные стремления, что власть Временного правительства не сможет защитить Россию.

В результате анархии мусульманские народы, весьма мало втянутые в нее, в конце концов, будут вынуждены вместе со «здоровыми элемен-

³ Д.М.Усманова ошибочно пишет, что он был избран «делегатом» Всероссийского Учредительного собрания [8, с.170].

тами русского народа взять дело спасения страны в свои руки». Поскольку контроль над страной со стороны внешних сил, превращение ее в «больного» человека в Европе были вполне возможны для всех российских граждан, в том числе мусульман, было необходимо «величайшее напряжение сил в поддержании правопорядка и пробуждение сознания во всех умах, что страна катится в пропасть анархии». Власть, по его мнению, «должна быть коалиционной и опираться на все живые силы страны, т.е. всенародной». Он призывал к тому, чтобы «всенародность, коалиция всех живых сил страны, должна быть перенесена и на окраины, в частности и на Туркестан, где мусульманское большинство должно быть представлено соответствующим образом» [23, 1917. 30 сентября]. В рассуждениях Шагиахметова выражена его политическая мысль: он стремится к сильному государству, но не верит в силу как азиатского деспотизма, так и большевистской диктатуры. Его идеал – мирное торжество политического прогресса.

Самоопределение Туркестана Свержение Временного правительства и приход в Петрограде к власти большевиков вызвали критику со стороны Шагиахметова. 27 октября 1917 г. в ташкентской газете «Туркестанские ведомости» он в статье «Мятеж в Петрограде» писал, что каждый из этих «спасителей» России, «безумно толкающих страну к гибели, гордо провозглашающих гражданскую войну... прекрасно знает, чего они добиваются». Он прогнозировал: мятеж кончится, но «с большими жертвами и потрясениями по всей стране», что и произошло.

26 ноября 1917 г. в Коканде начал работу 4-й Чрезвычайный общемусульманский краевой съезд, который объявил в 12 часов ночи 27 ноября Туркестан «территориально автономным в единении с федеративной демократической Российской республикой, предоставляя установление форм автономии Туркестанскому Учредительному собранию»; 28 ноября было решено Туркестан именовать «Туркестани мухтариат» («Автономия Туркестана» или «Туркестанская автономия»), до созыва Туркестанского Учредительного собрания власть передавалась в избранный Туркестанский Временный совет (или Народный совет) в количестве 54 представителей и Туркестанское народное правление (Временное правительство автономного Туркестана из 12 человек). Одна треть мест в Туркестанском Временном совете была предоставлена немусульманскому населению.

Делегаты 4-го Чрезвычайного общемусульманского краевого съезда.
Коканд. 26–28 ноября 1917 г.

На этой уникальной фотографии, которую автору статьи удалось найти и ввести в научный оборот, очень трудно определить Шагиахметова, но, надо полагать, что он был одним из трех усатых участников, которые сидят в шляпах. Скорее всего, это тот, у которого светлая шляпа (почти в центре фотографии). На фотографии, которая выше дана, он в похожей шляпе. В темной шляпе рядом с ним сидит, скорее всего, депутат II Государственной думы, инженер-путеец, член Туркестанского комитета Временного правительства М.Тынышпаев. Другим представителем этой троицы являлся М.Чокаев, который сидит отдельно от Шагиахметова и Тынышпаева слева от центра. Такое расположение на снимке этих руководителей нового Туркестана вряд ли было случайным, свидетельствовало о том, что у Чокаева, также юриста, имелись какие-то противоречия с Тынышпаевым и Шагиахметовым.

В своем обращении 1 декабря Временное правительство Туркестана призвало всех граждан Туркестана – мусульман, русских, евреев и др., рабочих, солдат и крестьян, все населявшие край народы и племена, организации и союзы, учреждения сплотиться вокруг туркестанской народной власти [1, с.396–397]. Шагиахметов стал членом Туркестанского Временного народного совета и вошел в правительство автономного Туркестана, а также был редактором «Известий Временного правительства автономного Туркестана», которые стали выходить в декабре 1917 г.

Национальный состав этого правительства отражал демократические веяния. Первоначально правительство возглавлял министр-председатель и министр внутренних дел семиреченский казах М.Тынышпаев, его заместителем являлся Шагиахметов; управляющим отделом внешних сношений – казах М.Чокаев; управляющим отделом народной милиции и общественной безопасности – узбек У.Ходжаев; министром землеустройства и водопользования – узбек Х.Юргули-Агаев; министром продовольствия – узбек А.Махмудов; заместителем министра внутренних дел – казах А.Уразаев; министром финансов – еврей С.А.Герцфельд. В начале января 1918 г. в результате кадровых перемещений Шагиахметов перестал быть заместителем главы правительства и начал исполнять обязанности заместителя министра финансов, а Тынышпаев стал министром внутренних дел [24, с.98–99]. Д.М.Усманова ошибочно пишет, что Шагиахметов совмещал эти должности [8, с.171].

Смещение Шагиахметова с поста вице-премьера означает, что Чокаева, который возглавил новое правительство, автор туркестанской конституции не устраивал в качестве заместителя. Ясно, что конституция Шагиахметова возбуждала разнообразные мнения, страсти и оценки со стороны не только Чокаева, но и других представителей туркестанского населения. Дело в том, что в то время в местном мусульманском обществе усилились антитатарские настроения, что и было причиной подобных кадровых перестановок.

В январе 1918 г. это правительство Туркестана известило о намерении созвать вскоре свой парламент на основе всеобщего, прямого, равного, тайного голосования, гарантируя немусульманскому населению 1/3 мест в нем. Такой общетуркестанский парламент, сплотив

большинство туркестанцев, мог стать препятствием для советской власти.

Планы Москвы на Туркестан

Туркестан имел для советского руководства большое значение, так как в случае краха советской власти в Европейской России он мог стать убежищем для кремлевских руководителей. По сведениям Чокаева, в начале 1918 г. Совнарком выдвинул план эвакуации советской власти в Туркестан в случае крушения надежд на удержание Центральной России. Ленин, по сведениям французов, как-то заявил, что если наступление белых вынудит его покинуть Москву, то он отправится в Азию, где примется за создание нового большевистского движения. И конечно, он хотел бы жить в Туркестане, где мог оказать влияние на местных мусульман, а также на население Китая. Радиogramмы большевиков, полагал французский аналитик осенью 1919 г., свидетельствуют о том, с каким вниманием Кремль следит за событиями в Азии. Интенсивная пропаганда большевиков пыталась ориентировать мусульманские народы Азии в поддержку большевиков, против англичан. Сведения, добытые французской разведкой, находят подтверждение в донесении британского дипломата, телеграфировавшего 2 октября 1919 г. из Тифлиса в Лондон, что большевики обращают все больше внимания на Среднюю Азию и, если их выбьют из Москвы, они сделают Ташкент своей резиденцией [25, с.254–255]. Хотя позиция Кремля в этом случае до сих пор доподлинно неизвестна, эти сведения косвенно показывают, какое значение имел Туркестан для большевистского руководства не только как плацдарм для продолжения мировой революции. Оказывается, что высшее руководство Советской России вполне допускало возможность занятия белыми Москвы и перенос своей дислокации не куда-нибудь, а именно в Ташкент.

Ташкентские большевики по приказу из Петрограда приступили к подготовке ликвидации кокандского правительства. В феврале 1918 г. Кокандская автономия, просуществовав более двух месяцев, была ими разгромлена. Причем при обстреле Коканда большевиками использовалась не только артиллерия, но и аэропланы. В итоге этой ферганской трагедии погибло свыше 10 тыс. мирных жителей, а сам город был сожжен и разграблен. С политической точки зрения это была авантюра, повлекшая за собой тяжелые последствия. С этого момента началась

политика насильственного установления советской власти, что стало сопровождаться нарастанием народного сопротивления ей. После разгрома кокандского правительства на политическую сцену вышло басмачество.

**Сотрудничество
с большевиками**

В феврале 1918 г. Шагиахметов был арестован большевиками в Коканде, но в мае 1918 г. освобожден [8, с.172]. Очевидно, что большевикам в этой сложной ситуации нужны были

такие социалисты, как Шагиахметов, который имел связи с местными мусульманскими политиками, прекрасно разбирался в особенностях психологии местных жителей, имел популярность среди них. И он сумел добиться доверия большевиков. Достаточно указать, что, к примеру, в 1919 г. его статьи часто публиковали в таких официозных ташкентских газетах, как «Известия ЦИК Туркестанской Советской Республики» и «Туркестанский коммунист», в июне 1920 г. его направили на работу в Центральный Совет Народного Хозяйства Туркестанской республики [26], в сентябре 1920 г. он являлся членом Кокандского уездного городского ревкома, а затем даже стал членом ТуркЦИКа.

Между тем, по свидетельству очевидца, в 1919 г., в период правления в Сибири адмирала А.В.Колчака, именно через Шагиахметова была налажена система связи башкирских солдат, отправленных на Дальний Восток, с находившимися там офицерами-мусульманами, перешедшими на сторону белых и обосновавшимися в Маньчжурии [19, с.413]. Именно туда и решил отправиться Шагиахметов.

**Бегство из советского
Туркестана**

В конце 1920 г. – начале 1921 г. Шагиахметов скрылся из Туркестана и перебрался в Маньчжурию. Затем он попал в лагерь для русских беженцев под Пешаваром в Британской Индии.

Оттуда он, прося о помощи, написал в 1921 г. в Исполнительную комиссию частного совещания бывших членов Всероссийского Учредительного собрания, находившейся в Париже. В составе комиссии имелся, в частности, подотдел военнопленных и интернированных, куда он обратился. Член комиссии О.С.Минор, депутат Всероссийского Учредительного собрания, 27 мая 1921 г. написал сотруднику британского посольства в Париже М.Читему, что комиссия только что получила

письмо Шагиахметова, «преследуемого большевиками Туркестана за его политическое мнение», что его здоровье сильно подорвано. Отвечая Минору 2 июля, первый секретарь британского посольства в Париже М.Паларет интересовался, известен ли Шагиахметов лично ему или кому-то из его коллег. Он также сообщил, что посол Великобритании во Франции лорд Ч.Хардинг хотел бы, чтобы Минор предоставил описание Шагиахметова. 6 июля Минор ответил Читему, что Чокаев подтвердил, что знает Шагиахметова по Туркестану, и уверен, что Шагиахметов мог убежать из Туркестана в Индию. Кроме того, другой депутат Всероссийского Учредительного собрания С.Максудов (он тогда был в Париже) также знаком с Шагиахметовым. 8 июля Паларет вновь написал Минору, что нужно предоставить Читему описание Шагиахметова. 8 июля Минор ответил на это письмо, сообщив содержание полученной от Шагиахметова телеграммы, отметив при этом, что ее содержание «не оставляет сомнения, что он психически болен и нуждается в особом уходе». Минор также отправил этому дипломату письмо Чокаева, где тот сообщил, что Шагиахметов «небольшого роста, худощав, лысый, говорит жестикулируя», что 11 февраля 1918 г. он был арестован в Коканде большевиками как член Временного правительства Туркестана и до 1 мая 1918 г. содержался сначала в ташкентской тюрьме, а затем был переведен в психиатрическую лечебницу. «По сведениям, полученным мною, – писал далее Чокаев, – из Туркестана, Шагиахметов действительно должен находиться в Индии». 12 июля 1921 г. Минор ответил британским дипломатам, обещая вскоре предоставить информацию для подтверждения его личности. 28 июля Паларет написал Минору, что, получив информацию о Шагиахметове, министр иностранных дел Великобритании лорд Дж.Керзон поставил вопрос, может ли его комиссия получить от французских властей визу на въезд Шагиахметова во Францию, взять на себя расходы по проезду Шагиахметова в Париж и по его содержанию здесь. Причем дипломаты из британского посольства в Париже просили Минора дать ответы по этим вопросам как можно скорее, так как если эти вопросы могут быть разрешены, то Шагиахметова отправят во Владивосток с другими российскими беженцами, которым в ближайшее время следовало покинуть Британскую Индию. Отвечая британскому послу 1 августа, Минор указал, что поскольку родственники Шагиахметова, семья купца Агафурова, жили во Владивостоке, то комиссия просит направить Шагиахметова в этот город [27, л.1–5 об., 7, 8, 11–12 об.,14]. Агафуровы, очень богатые татарские коммерсанты из Екатеринбурга, были известны в конце XIX – начале XX в.

мусульманской общественности всей страны. Во время гражданской войны все члены большого этого семейства покинули город вместе с белыми войсками, оказавшись сначала в Сибири, затем во Владивостоке, а потом в Харбине.

В Париж Шагиахметов не приехал. Его судьба по-прежнему очень интересовала Чокаева, который жил в Париже и Берлине. В январе 1931 г. в берлинском эмигрантском журнале «Яш Туркестан» («Молодой Туркестан») Чокаев опубликовал статью «Шах-Ислам Шах-Ахмед-бей», где вспомнил, что в ноябре 1917 г. Шах-Ислам избрали заместителем председателя туркестанского правительства и министром финансов, что именно по его проекту это правительство приступило к выпуску краткосрочного государственного займа в 30 млн руб. Дальше Чокаев писал: «По моей просьбе, обращенной к индийскому правительству, Шах-Ислам был выпущен и отправлен во Владивосток, к родным. У меня хранятся письма Шах-Ислама из индийской больницы, и по ним видно, что там он находился в состоянии весьма тяжелого больного. В 1922 году уже в Париже я встретил родную сестру Шах-Ислама и от нее узнал о все продолжающейся его болезни. С тех пор у нас нет никаких сведений о нем. Жив ли он? Или уже умер, ничего мы не знаем» [28, с.79–80]. Чокаев, таким образом, решил приписать себе заслуги в его освобождении из лагеря, скорее всего, чтобы показать туркестанской и мусульманской эмиграции свое значение.

В 1923 г., по свидетельству другого эмигранта, который также был знаком с Шагиахметовым, тот жил в Кабуле, имея при этом тесные связи с эмигрантами-мусульманами в Пешаваре [19, с.413]. В 1937 г. еще один эмигрант, вспоминая о революционных событиях в Петрограде и заслугах Шагиахметова, написал в другом берлинском эмигрантском журнале «Яна милли юл» («Новый национальный путь»), что тот уже умер [29].

Таким образом, изучение разносторонней публицистической, общественно-политической, государственной деятельности Ш.-И. Шагиахметова в первое двадцатилетие XX в. позволяет считать его активным участником мусульманского движения, развивавшегося в то же время в России. Его демократические взгляды очевидны, он был противником самовластия и деспотизма. Приветствуя наступившую после падения самодержавия эру свободы, он в то же время решительно был против анархии, хаоса, якобинцев-большевиков, возврата к прошлому. При этом он не отрывался от религиозной основы своего воспитания. Выступая за республику, за равноправие, он порвал с отжившей феодально-дворянской

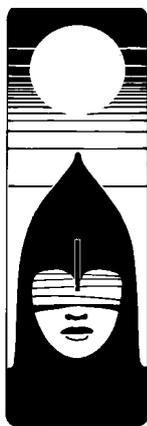
традицией, представителем которой был сам, как и многие другие революционеры. Имея склонность к анализу действительности, к теоретическому мышлению, он стал создателем проекта первой конституции Туркестана. Его сотрудничество с большевиками в Туркестане в 1918–1920 гг. закончилось, как и многих других, решением бежать от них. Дальнейшая его судьба, скорее всего, связана с Пешаваром. Очевидно, что потребуются немало усилий и времени на более или менее тщательное исследование необыкновенной биографии Ш.-И.Шагиахметова, особенно эмигрантского периода, которая, несомненно, заслуживает дальнейшего изучения.

Библиографический список

1. Исаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). М., 2004.
2. Исаков С.М. Первая русская революция и мусульмане Российской империи. М., 2007.
3. Протасов Л.Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М., 2008.
4. Усманова Д.М. Шагиахметов Шахислам Шагисултанович // Ислам в Санкт-Петербурге: энциклопедический словарь. М., 2009.
5. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф.14. Оп.3. Д.43526.
6. Всероссийское Учредительное собрание. Энциклопедия. М., 2014.
7. Бессмертная О. Мусульманский Азеф, или Игра в Другого: метаморфозы Магомет-Бека Хаджетлаше // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 2007–2009. М., 2012.
8. Усманова Д.М. Ислам Шагиахметов: забытые герои 1917 г. // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2017. № ¼.
9. ЦГИА СПб. Ф.469. Оп.1. Д.215.
10. Шагиахметов И. Политика и мусульмане. (Письмо в редакцию) // Современный мир. 1913. №6.
11. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.102. Оп.245. Д.5. Ч.84 Б. Л.116; Д.20. Ч.115 Б. Л.34.
12. ГАРФ. Ф.102. Оп.245. Д.20. Ч.115 Б. Л.25 об.
13. ГАРФ. Ф.102. Оп.245. Д.5. Ч.84 Б. Л.110 об., 111 об.
14. ГАРФ. Ф.102. Оп.245. Д.167. Ч.84. Л.199 об., 200.
15. ГАРФ. Ф.102. Оп.246. Д.5. Ч.84 Б. Л.36.
16. ГАРФ. Ф.102. Оп.246. Д.20. Ч.84 Б. Л.72 об.
17. ГАРФ. Ф.102. Оп.246. Д.74. Т.3. Л.126 об.
18. ГАРФ. Ф.102. Оп.245. Д.20. Ч.115 Б. Л.34.
19. Тоган З.В. Воспоминания. Борьба мусульман Туркестана и других восточных тюрок за национальное существование и культуру / Пер. с тур. М., 1997.

РЕВОЛЮЦИОНЕР, ПОЛИТИК, ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ Ш.-И. ШАГИАХМЕТОВ

20. Известия Временного центрального бюро российских мусульман (Петроград).
21. Известия Всероссийского мусульманского совета (Петроград).
22. Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т.IX. Журналы заседаний Временного правительства: Март – октябрь 1917 года. В 4-х т. Т.3. Июль – август 1917 года. М., 2004.
23. Туркестанские ведомости (Ташкент).
24. Туркестан в начале XX века: К истории истоков национальной независимости. Ташкент, 2000.
25. Гражданская война в России и мусульмане. Сборник документов и материалов. М., 2014.
26. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф.122. Оп.4. Д.114. Л.4.
27. ГАРФ. Ф.Р-5804. Оп.1. Д.285.
28. Шокай М. Шығармаларынын толық жинағы: Он екі томдық. Алматы.
29. Исхаки Г. Сочинения. В 15 томах. Т.12. Казань, 2012. Б.102. (на татарск. яз.).

Елена Жбанкова

**ПРАКТИЧЕСКАЯ
РЕАЛИЗАЦИЯ
«СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ»
ФИЗИЧЕСКОЙ
КУЛЬТУРЫ В 1920-е годы¹**

НАЦИОНАЛЬНАЯ ДОКТРИНА

УДК
37.035.7

В СССР после окончания гражданской войны существовали четкие официальные идеологические установки на работу по внедрению «физкультурного оздоровления масс» в быт советских граждан. Однако практическое распространение физкультуры оставяло желать много лучшего. Несмотря на активнейшую деятельность ВСФК, Главполитпросвета, Пролеткульта, пролетфизкультуртов, профсоюзов, комсомола, рабочих клубов и других организаций и ведомств, массовой физкультуризации в СССР в 1920-е гг. не наблюдалось.

In the USSR there were precise official ideological attitudes to the implementation of physical recovery of the people in to the Soviet everyday life. However, dissemination of the physical education was not at the best level. Despite the activity of VSFK, Glavpolitprosvet, Proletkult, proletphyskults, trade unions, Komsomol and other organizations, the spreading of PE in the USSR in 1920-s did not happen efficiently.

Ключевые слова: резолюция; кружок физкультуры; физкультурная секция; единая трудовая школа; рабочий класс; крестьянство; комиссия; проверка.

Key words: resolution; PE; labour schools; working class; peasantry; commission.

E-mail: evzbankova@mail.ru.

¹ В статье продолжается развитие темы, поднятой в №3-2018, где рассказывалось о теории «советской системы» физической культуры.

«СОВЕТСКАЯ СИСТЕМА» ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В 1920-Е ГОДЫ

Физкультуру необходимо рассматривать не только с точки зрения физического воспитания и оздоровления и как одну из сторон культурно-хозяйственной и военной подготовки молодежи, но и как один из методов воспитания масс (развитие воли, настойчивости и других качеств) и вместе с тем как средство сплочения широких рабочих и крестьянских масс вокруг тех или иных партийных, советских или профессиональных организаций, через которые рабочие-крестьянские массы вовлекутся в общественно-политическую жизнь.

(Из резолюции Оргбюро ЦК ВКП (б)
«О задачах партии в области физкультуры»,
июль 1925 г.)

Если говорить о каких-то практических результатах деятельности по организации физической культуры в СССР, то начинать нужно с цифр. По итогам работы Всевобуча на 1923 год, в СССР было создано около полутора тысяч ячеек физкультуры [2, д.4, л.3], в чем, по мнению официальных органов, отразилось «нарастание массового стремления молодежи к физкультуре». Эта цифра была приведена в тезисах по физической культуре, принятых партийным совещанием МГСПС в 1923 г. Тогда же журнал «Физическая культура» опроверг эти данные. По его свидетельству, еще в 1922 году насчитывалось более двух тысяч ячеек физкультуры, созданных Всевобучем на территории Республики [2, д.4, л.4]. На самом деле, противоречия в информации нет, так как действительно с 1923 года началось уменьшение количества кружков физкультуры в стране в связи с окончанием гражданской войны и изменением направления деятельности Всевобуча. Тем не менее задача «всеобщей физкультуризации» граждан СССР с повестки дня не снималась.

Одной из самых сложных проблем в деле организации массовой физкультуры было отсутствие профессионалов. Дореволюционные специалисты в области физкультуры и спорта не всегда охотно шли на контакт с советской властью. Принявшие идеи нового государства привлекались к работе даже на руководящие посты. Таковыми были, например, В.Гориневский, один из последователей П.Лесгафта, член Президиума НТК ВСФК (Научно-технический

В.В.Гориневский, член
Президиума НТК ВСФК

комитет Высшего Совета по Физической Культуре), и Н.Филитис, преподававший в Институте физкультуры в Москве и руководивший секцией по пляске НТК ВСФК [2, д.4, л.4–6].

Новой интеллигенции, воспитанной в духе советской идеологии, в 1920-е гг. еще не было. Поэтому зачастую создаваемые ячейки и кружки физкультуры были лишены профессиональных инструкторов-руководителей.

Рабочий клуб и физкультура

Самая активная работа по организации физического воспитания населения страны велась в 1920-е гг. в клубах. Именно в них претворяли в жизнь свои теоретические представ-

ления о физкультуре массовые общественные организации – профсоюзы и комсомол. Клуб был серьезной структурой, имевшей свой устав и строившей свою работу в соответствии с ним. К примеру, Устав рабочего клуба при фабрично-заводских предприятиях и учреждениях Москвы был утвержден Президиумом МГСПС (Московского городского совета профсоюзов). Его основной задачей называлось объединение рабочих предприятий на почве совместной культурно-творческой работы, с основной целью пробуждения и развития среди рабочих революционно-классового, коммунистического самосознания [2, д.4, л.63].

Обычный вечер в рабочем клубе

«СОВЕТСКАЯ СИСТЕМА» ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В 1920-Е ГОДЫ

Кроме того, рабочий клуб должен был решать задачи политического развития рабочих, их профессионального просвещения и привлечения к участию в профсоюзной деятельности.

В круг его задач также входила борьба с неграмотностью и малограмотностью, повышение общеобразовательного уровня знаний рабочих. Клуб был призван искоренять обывательские мещанские навыки, традиции и понятия в рабочем быту и в области искусства. Важнейшей его задачей считалось предоставление рабочим разумного отдыха и развлечений и забота о физическом развитии рабочих [2, д.4, л.64].

Занятия физкультурой в клубе советского санатория

Иными словами, мы видим, что физическое воспитание пролетариата не было самоцелью работы клуба. Физкультура была лишь небольшой частью целого комплекса идеологических, нравственных и воспитательных целей, которые ставились перед клубом. В результате клуб должен был сформировать всесторонне развитую личность, но на советский лад. Эта личность должна была, в первую очередь, быть политически подкована, иметь отличные знания, прежде всего из области своей профессии, быть эрудированной, разбираться в искусстве, безжалостно изгонять из своего быта мелкобуржуазные и мещанские привычки и, наконец, быть физически крепкой. Набор качеств, прямо скажем, очень неплохой. Проблема состояла в том, что возможно ли было, в принципе, достижение подобных целей средствами клубной работы?

Для разрешения всех поставленных задач клуб должен был организовать массовую и кружковую работу. Массовая работа состояла из проведения лекций, диспутов, митингов, чтений и бесед, концертов, вечеров самодеятельности, торжеств в честь разных событий, киносеансов, спортивных празднеств, инсценировок и т.п. Кроме того, клуб должен был устраивать разного рода экскурсии, заниматься организацией устной и стенной газеты, библиотек-читален, выставок по вопросам производства, профдвижения, изучению труда и быта рабочих, санаториев профгигиены и пр.

В области кружковой работы клуб должен был создавать разнообразные кружки, в обычный перечень которых входили: кружок политграмоты, кружок по изучению профдвижения, научно-технический, марксистский, по изучению советского строительства, библиотечный, литературный, драматический, музыкально-хоровой, изобразительных искусств и обязательно спортивный [2, д.4, л.63–65].

Эти сведения получены из Устава клубной деятельности, утвержденного МГСПС. Подобные уставы были приняты и в других профсоюзных организациях. Еще раз подчеркнем, что создание кружков физкультуры было только небольшой составной частью работы клуба.

Что такое Пролетфизкульт?

Организацией работы по целенаправленному внедрению только физкультуры в быт рабочих занималась структура, названная Пролетфизкульт [2, д.4, л.98].

Первый Пролетфизкульт был организован при Институте физкультуры в июне 1922 года [5, с.39]. Он начал вести широкую организационно-учебную работу по проведению уроков физкультуры на фабриках и заводах Москвы. Всего к началу 1923 г. в Москве насчитывалось 77 пролетфизкультур с общим количеством 6 610 человек и 81 инструктором [2, д.4, л.98]. Координационной деятельностью пролетфизкульты занимался «Муравей» – орган Центрального Совета пролетарских обществ физкультуры при МК РКСМ (Московский комитет Российского Коммунистического Союза Молодежи), имевший свое издательство «Красные всходы». В №1 издания «Муравей», вышедшего в ноябре 1922 года, был объявлен «Октябрь в области физкультуры», что было весьма созвучно тогдашней эпохе [2, д.4, л.211].

«СОВЕТСКАЯ СИСТЕМА» ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В 1920-Е ГОДЫ

«Муравей» – орган Центрального Совета пролетарских обществ физкультуры

Так как основным принципом советской физкультуры была объявлена коллективность, то из форм, вызванных к жизни 1920-ми годами, наиболее распространенной стали парады и праздники физкультуры, названные позднее Спартакиадами.

Именно их организацией занимался «Муравей», считая, что подобные коллективные действия как раз и есть революция, или «Октябрь в физкультуре». Первый Всесоюзный праздник физкультуры состоялся в сентябре 1923 года в Москве. В показательных и соревновательных частях праздника участвовало более 40 губерний [3, с.3].

Подобные праздники в Москве проводились ежегодно. Интересно, что, по сведениям того времени, примерно одна треть участников спортивных состязаний не выполняла необходимых норм. Нормами (для мужчин) в определенных видах спорта назывались: 14 секунд для бега на 100 м, пять минут для бега на 1500 м и 125 см для прыжков в высоту [4, с.299].

Пресса по этому поводу писала, что главное в соревнованиях не личные рекорды, развивающие «антисоциальные чувства в молодых участниках», а массовость и коллективность, то есть главное – не победа, а участие [3, с.3]. Это также является косвенным свидетельством того, что, несмотря на появление кружков физкультуры, польза от них в

физкультурном отношении была небольшая. Однако с идеологической задачей объединения людей в коллектив они справлялись.

Физкультурный парад на Красной площади

Пролеткульт и физкультура

Кружки физкультуры открывались также в системе Пролеткульта. Здесь физкультура была также частью работы клубов. Одним из первых был основан Московский Пролет-

культ на конференции Московских культурно-просветительных организаций еще в феврале 1918 года. Исполнительный комитет конференции на своем заседании в марте 1918 года принял Временное Положение Пролеткульта, которым определялись его цели и задачи [6, д.1, л.82–83].

Главными из них были названы стремление дать пролетариату цельное и законченное мировоззрение, «проникнутое боевым социалистическим духом, и воспитать сильных средствами сердца и разума, духом неутомимых борцов за грядущий социализм», а также деятельность по выявлению «новых достижений пролетариата в области науки, изящной литературы и искусства». Физкультурное воспитание было частью решения этих задач, для осуществления которых Пролеткульт организовал школы грамотности, курсы по различным отраслям знания, рабочие клубы и пр. [6, д.3, л.1].

В 1919 г. произошло объединение Московского Пролеткульта с губернским, и в нем были сформированы клубный отдел и отдел культработы, которые отвечали за организацию кружков физкультуры в Московской губернии. При районных Пролеткультах, которых в Московской губернии насчитывалось 12, было открыто восемь клубов [6, д.15, л.35].

К 1922 году клубов, находящихся в ведении Московского Пролеткульта, было уже 20. Они были в профсоюзе металлистов (клуб при заводе «Дукс», клуб «Труд и творчество» Симоновских металлических заводов, объединенный клуб при протезном заводе, рабочий клуб в г. Подольске), в профсоюзе текстильщиков (клуб им. Загорского, при фабрике Цинделя, Прохоровской мануфактуры, фабрики Рабинек, фабрики Четверикова), в профсоюзе печатников (Центральный клуб печатников, клуб при 1-й образцовой типографии, при типографии Гознак), в профсоюзе коммунальщиков (клуб при газовом заводе), в профсоюзе пищевиков (объединенный клуб пекарей, клуб при фабрике Абрикосова), в профсоюзе химиков (клуб при фабрике Ралле, фабрике «Каучук»), в профсоюзе швейников (клуб при Арбатских швейных мастерских), в профсоюзе кожевников (клуб им. Парижской Коммуны), в профсоюзе железнодорожников (клуб им. Каляева) [6, д.18, л.14].

Здесь нужно обратить особое внимание на то, что среди клубов кружки физкультуры были далеко не во всех. Количество участников также было разным. К концу 1922 года в кружке физкультуры завода Дукс, например, насчитывалось 15 человек, в клубе протезного завода – 17 человек, фабрики Цинделя – 40, Прохоровской мануфактуры – 45, в клубе печатников – 35, 1-й типографии – 35, в клубе пекарей – 50, Парижской Коммуны – 20 человек, в клубе им. Каляева – 58 человек. [6, д.18, л.15–19]

Получается, что всего в Московской губернии в системе Пролеткульта занималась физкультурой к концу 1922 года только 280 человек.

Журнал «Московский Пролеткульт»

Мы видим, что, несмотря на конкретные установки на распространение физкультуры в широких массах, дело практического внедрения ее шло совсем не быстрыми темпами. Руководство Пролеткульта пыталось как-то объяснить причины этого явления.

При подведении итогов работы Московского Пролеткульта за 1922–1923 г. было отмечено, что, благодаря клубной работе и, в частности, деятельности кружков физкультуры, среди рабочих масс наметился перелом в сторону устремления к повышению культурного уровня. Однако повышенная требовательность аудитории часто встречалась с неподготовленностью культработников, которые не смогли как следует организовать клубной деятельности. Поэтому в большинстве клубов физкультурная работа часто сводилась к проведению танцев, так как это было наиболее просто и отвечало требованиям молодежи [6, д.18, л.33].

Танцы в рабочем клубе

Иными словами, вся ответственность была возложена на клубных работников, которые, действительно, были малокомпетентны в своей профессии.

В докладе организационному отделу ЦК РКП(б) в 1923 г. Московский Пролеткульт особенно подчеркнул, что в условиях нэпа при большой дороговизне и высоких налогах клубы начинали изыскивать средства для своей работы в организации платных балов, заменяя ими физкультурную работу. Руководители были категорически против этого, Пролеткульт настаивал на том, что строить клубную работу на утвер-

ждении «клуб место отдыха и развлечения» чрезвычайно вредно и опасно для перспективной деятельности Пролеткульта [6, д.18, л.97].

В кружках физкультуры работа часто велась без должной координации деятельности друг с другом и без единых планов, несмотря на официальные установки о необходимости единой системы в организации культурно-массовой работы. Все зависело от того, кто в данном клубе исполнял роль инструктора. Если это был человек хоть как-то подготовленный, то деятельность кружка выстраивалась в соответствии с его умениями. Если человек имел слабую физкультурную подготовку, то в таком случае кружок ориентировался на теоретические установки и публикации в физкультурной печати, что не всегда приводило к реальным достижениям членов кружка.

Проблема подготовки инструкторов физкультуры для клубов стояла очень остро. Ею занимался Главполитпросвет, в ведении которого находились курсы для инструкторов клубной физкультуры, а также МОНО (Московский Отдел Народного Образования), который готовил работников физкультуры для изб-читален, клубов политпросвета и мест заключения [7, д.44а, л.95].

В ведении физкультурной секции МОНО было несколько показательных клубов для взрослых. В это время секция имела в своем распоряжении шесть крупных физкультурных площадок в Москве, 25 второстепенных, семь катков и лыжных станций и клуб физкультуры «Муравей» [7, д.44а, л.93]. В 1924–25 гг. инспекцией физкультуры Соцвосо (подотдел социального воспитания МОНО) была проведена работа в домах заключения Московской губернии, в частности в Алексеевской колонии, и по результатам выработана программа занятий по физкультуре для этих домов [8, д.114, л.290].

**Физическая культура
в Единой трудовой школе**

Физкультура в обязательном порядке должна была охватить детей и подростков, обучавшихся в Единой тру-

Обложка физкультурного журнала

довой школе. Школа в 1920-е гг. имела две ступени: I – для детей от 8 до 12 лет (пятилетний курс) и II – для детей от 13 до 17 лет (четырёхлетний курс).

В 1923 г. были изданы печально знаменитые комплексные программы ГУСа (Государственный Ученый Совет) для школ I ступени. Сущность этих программ состояла в построении всего обучения на основе комплекса, при котором отпадало предметное преподавание; вместо учебных предметов прорабатывались темы, изучающие трудовую деятельность людей, окружающую природу как материальную базу человеческого труда и организацию общества как результата трудовой жизни людей [7, д.44а, л.35].

С этой точки зрения найти место физкультуре в учебном процессе было довольно сложно. В школах отменялись уроки и перемены, нарушался привычный ритм школьной жизни, не хватало преподавателей по разным предметам, в том числе и по физкультуре. Программа ГУСа предлагала для физкультуры один час в неделю, что было, безусловно, мало. Во многих школах физкультура даже не была введена в учебный план из-за отсутствия подходящего помещения и преподавателей [7, д.44а, л.95].

Занятия физкультурой в Единой трудовой школе

Организацией физкультуры для школы на уровне Москвы и губернии занимался МОНО, а также секция физкультуры при Губполитпросвете (Губернский отдел политического просвещения). Подготовка преподавателей физкультуры велась на краткосрочных курсах при Инсти-

«СОВЕТСКАЯ СИСТЕМА» ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В 1920-Е ГОДЫ

туте физкультуры, а также в Центральном клубе физкультуры путем организации специальных групп, семинаров и курсов [7, д.44а, л.96].

В 1925 г. была проведена конференция школьных преподавателей физкультуры, на которой обсуждалась программа преподавания и методические рекомендации [8, д.114, л.290]. Результатом этой конференции стало признание необходимости работать над единой школьной программой, которая должна была основываться на «советской системе» физкультуры.

«Советская система» физкультуры

В 1920-е гг. существовал особый термин, которым почти официально пользовались для обозначения работы в области физкультуры. В соответствии с классическим принципом

называть какую-либо методику в сфере физического движения словом «система», а также в противовес известным дореволюционным школам было введено понятие «советской системы» физкультуры, как сложившейся теоретической, методологической и практической формы внедрения физкультуры в массы под общим руководством ВСФК.

«Советская система» физкультуры, говорилось в тезисах о ней, составленных А.Зигмундом в 1924 г., предполагала осуществление ряда мероприятий, направленных на оздоровление личного труда и быта широких масс рабочего класса и крестьянства и на борьбу за поднятие общего культурного уровня этих масс. «Целью физического воспитания в рабоче-крестьянском государстве является всестороннее воспитание личности и подготовка к труду и обороне страны» [2, д.4, л.59].

«Система советской» физкультуры включала в себя:

- *гигиену труда и быта;*
- *естественные силы природы,*
- *физические упражнения. Под физическими упражнениями понимались игры, гимнастика, спорт, экскурсии и трудовые навыки.*

Занятия по физкультуре должны были проводиться на постепенном нарастании психофизической нагрузки организма. Система делилась на дошкольную, школьную, внешкольную (клубную), военно-прикладную и лечебно-профилактическую. Каждая часть имела свою методику. «Советская система» путем методических регулярных занятий должна была привести к эффективному гигиеническому, экономичному (имелась в виду экономия движений), педагогическому (воспитание решительности, коллективизма и т.д.) влиянию на человеческий организм.

Занятия должны были проводиться под постоянным врачебным контролем. Вся работа по физкультуре должна была проводиться в формах:

- уроков в школе (в общей системе учебы) и в Красной Армии (в процессе военных занятий),
- кружков – главным образом по профсоюзной линии и внешкольной,
- массовых экскурсий, гуляний и т.п.

Предполагалось, что цель массового втягивания в физкультуру всех трудящихся, кроме массовых форм, должна была достигаться тем, что каждый член физкультурного кружка должен был обучить известным ему физкультурным упражнениям и остальных своих товарищей по работе, не состоящих в кружке.

По методическим указаниям в кружке физкультуры должно было быть постоянное количество учащихся. Нормальный урок ограничивался временем 30–80 минут один–три раза в неделю. «Система советской физкультуры» основывалась на традиционных физкультурных школах, называемых «буржуазными», выбирая из них только то, что соответствовало идеологическим установкам. По влиянию на организм и по социальному назначению физические упражнения делились на:

- естественные,
- аналитические,
- корректирующие,
- боевые,
- эстетически-ритмические,
- моторные для передвижения [2, д.15, л.62].

В теоретическом изложении эта система выглядит стройно и логично, как, впрочем, и большинство теоретических выкладок 1920-х годов. Однако в попытке претворения идей в жизнь далеко не всегда все обстояло гладко.

Проверка «советской системы» физкультуры инспекцией НКРКИ

Летом 1926 г. было проведено обследование состояния физкультурного движения в СССР, называемого массовым оздоровлением трудящихся, и всей «советской системы» в

целом. Это было сделано силами инспекции НКРКИ (Народный Комиссариат Рабоче-Крестьянской Инспекции) РСФСР и местными РКИ, в соответствии с плановыми заданиями центра в Ленинградской и Костромской губерниях и Новосибирском округе.

«СОВЕТСКАЯ СИСТЕМА» ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В 1920-Е ГОДЫ

Обследование имело целью «изучение постановки дела массового оздоровления трудящихся и выяснение условий дальнейшего развития и укрепления физкультуры» [2, д.15, л.42].

В итоговых документах проверки было отмечено, что начало физкультурного движения в СССР относится ко времени гражданской войны, когда для ее целей через органы Всевобуча проводилась допризывная подготовка, впервые наметившая основы и методику массового оздоровления трудящихся. Однако с 1923 г. это дело, переходившее с ликвидацией Всевобуча под руководство сначала ВЛКСМ, затем профсоюзов, носило не вполне организованный, иногда стихийно-неплановый характер, когда нередко отдельные кружки физкультуры самостоятельно возникали в рабочих клубах, на фабриках и заводах, часто оставаясь вне всякого руководства. Каждая из организаций, пытавшихся охватить своим влиянием отдельные части этого движения, стремилась приспособить его исключительно для целей своей организации. Такое состояние столь крупного общественного движения, безусловно, требовало от политических и государственных организаций особого руководства и правильного направления в идеологическом, программно-методическом и организационном отношениях. Актом, давшим физкультурному движению идеологическое обоснование, была признана резолюция Оргбюро ЦК ВКП(б) «О задачах партии в области физкультуры», вышедшая в июле 1925 г.

В партийной резолюции цели и задачи физкультурного движения определялись следующими словами: «физкультуру необходимо рассматривать не только с точки зрения физического воспитания и оздоровления и как одну из сторон культурно-хозяйственной и военной подготовки молодежи, но и как один из методов воспитания масс (развитие воли, настойчивости и других качеств) и вместе с тем как средство сплочения широких рабочих и крестьянских масс вокруг тех или иных партийных, советских или профессиональных организаций, через которые рабочие-крестьянские массы вовлекутся в общественно-политическую жизнь.

Развитие физкультуры в СССР имеет большое значение для международного рабочего движения, поскольку спортивно-гимнастические связи трудящихся нашего союза с рабочими организациями зарубежных стран еще более укрепляют международный рабочий фронт.

Физкультура должна составлять неотъемлемую часть общеполитического, культурного воспитания и образования и должна быть включена в общий план деятельности соответствующих организаций». Необходимо было обеспечить политическое руководство физкультурным движе-

ем, не допуская его отрыва от массовых политических и профессиональных организаций, и придать «этому движению массовый характер с вовлечением в него не только рабочих, но и крестьян, и не только молодежи, но и взрослых рабочих и работниц» [2, д.15, л.42–43].

Проверка показала, что в 1924 и 1925 гг. наблюдался определенный рост физкультурного движения, однако число им охваченных по сравнению с общим количеством населения СССР в возрасте от 8 до 40 лет продолжало оставаться недостаточным, что не давало возможности характеризовать его как массовое. Кроме того, частичные сведения за 1926 г. по двум губерниям (Костромской и Ленинградской) говорили о приостановке дальнейшего роста и даже понижении темпов развития физкультурного движения. В отношении социального состава охваченных физкультурным движением отмечался низкий процент рабочих и крестьян и преобладание служащих и учащихся, то есть, по терминологии тех лет, мелкобуржуазных слоев населения. Взрослые слои населения (старше 30 лет) были вовлечены в физкультурное движение в крайне незначительном объеме. Партийная и комсомольская масса была втянута в минимальном количестве, что тогда было признано самым негативным [2, д.15, л.58].

Итоговые документы по результатам проведенной проверки в нелицеприятных выражениях критиковали «советскую систему физкультуры», обращая внимание на то, что обоснование «советской системы» было слишком теоретичным, надуманным, не учитывавшим конкретных условий действительности. Не считаясь с тем, что главным объектом физкультуры должны были быть, по мысли большинства руководителей, массы рабочих и крестьян, «советская система» все же фактически строила все свое содержание, методику и формы работы в расчете на индивидуальный организм или на небольшие группы занимающихся. Критике подверглись сложные схемы предлагаемых физических упражнений и их названия (корректирующие, эстетически-ритмические и т.п.). Главная претензия к системе заключалась в том, что предпочтительное внимание к кружковой форме работы было признано совершенно непригодным и неприменимым для широких трудящихся масс с их бытовыми особенностями, своеобразными склонностями и привычками. Было особо подчеркнуто, что «уложить массы в кружки с пассивными гимнастическими упражнениями по сложной методике является задачей до очевидности нереальной» [2, д.15, л.61].

Большим недостатком «советской системы» признавалось отсутствие в ней учета особенностей крестьянского быта СССР, который, так

«СОВЕТСКАЯ СИСТЕМА» ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В 1920-Е ГОДЫ

же как и рабочий, не предполагал кружковой работы, а мог предполагать только массовую. Было подчеркнуто, что система не могла бы рассчитывать на успех и среди зарубежных народных масс, так как она по сути своей представляла синтез отдельных упражнений из тех же буржуазных систем.

Политический плакат конца 1920-х – начала 1930-х гг.

«Советская система» недооценила, по мнению контролеров, что вне учета эмоционально-воспитательной стороны, создающей настроение, подъем, интерес у участников и пробуждающей в них инициативу и самостоятельность, вне тесной увязки этой работы с политпросветработой, нельзя рассчитывать на охват спортом и гимнастикой широких масс. Кружок этих условий, как показало обследование, не давал. «В кружке мало уделяется внимания эмоциям занимающихся, кружок рассчитан на небольшое количество участников, располагающих достаточным количеством свободного времени, метод выполнения формальных уроков по командным приемам мало способствует развитию активности и инициативы у кружковцев. Содержание его занятий совершенно не увязывается с общественно-политической и культурно-просветительной работой этого клуба или той организации, при которой он существует» [2, д.15, л.63]. Методика массовых занятий физкультурой «советской системой» не была разработана совсем, они рассматривались как второстепенный, дополнительный момент к кружковой работе.

Все сказанное о целях, задачах и методике «советской системы» в отношении их небольшой пригодности для охвата широких трудовых масс нашло свое подтверждение в целом ряде цифровых данных фактического состояния физкультурного движения в СССР. Как указывается там, процент вовлеченных в физкультуру по отношению к взрослому населению страны был слишком мал, еще меньшим являлся процент рабочих и крестьян. «Классовое лицо занимающихся физкультурой говорит за преобладание среди них мелкобуржуазных (служащие, учителя) элементов, рост физкультурного движения затормозился, и тенденции к дальнейшему его развитию не выявляются» [2, д.15, л.61].

Главный вывод, который был сделан в результате проверки, состоит в том, что сеть СФК (Советов физкультуры) не оправдывает полностью свое назначение и нуждается в реформировании. «Советская система» нуждалась в коренной доработке и пересмотре многих своих положений [2, д.15, л.89].

Нам представляется, что выводы комиссии, с точки зрения государственных установок тех лет, были логичными и верными, но это не означает, что «советская система физкультуры» в теоретическом отношении была действительно ошибочной. Если не принимать во внимание самого названия системы и сформулированных целей ее, вполне идеологически выдержанных, то, по сути, она представляла собой добротную схему формирования действительно всесторонне развитого человека. Система составлялась профессионалами–физкультурниками, воспитанными еще в дореволюционных традициях. Поэтому и с научной, и с результативной точек зрения система представляется рациональной. Но, с другой стороны, стояла серьезная проблема ее практического воплощения в жизнь, невозможного как в силу претензий, предъявляемых к ней по результатам проверки, так и в силу общей инертности масс. Массе, в большинстве своем, никакая система физкультуры не была нужна, так как она вовсе не стремилась к «всестороннему совершенствованию». Главная причина недовольства «советской системой» состояла, по нашему мнению, в ее принципиальной ориентации на отдельного человека, на развитие индивидуальных способностей. Именно о таком подходе мечтали до революции теоретики русской физкультуры. В советской действительности, когда в противовес «индивидуализму» выдвигался «коллективизм», подобный подход изначально был обречен. Во многом из-за результатов этой проверки и других проверок, состоявшихся в последующие годы, система СФК была подвергнута реорганизации. В 1930 году ЦИК СССР, признав всю работу в области физической культуры делом первостатейной государственной важно-

«СОВЕТСКАЯ СИСТЕМА» ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В 1920-Е ГОДЫ

сти, дал ВСФК (Всесоюзному совету по физической культуре) при ЦИК СССР права органа государственного контроля и руководства физической культурой и призвал все наркоматы и ведомства усилить внимание к делу развития физической культуры. В этом же году профсоюзные кружки физкультуры были реорганизованы в производственные коллективы физической культуры, а впоследствии реорганизована и вся сеть СФК [9, с.189].

Статистика о занимающихся физкультурой в середине 1920-х гг.

Комиссия для иллюстрации своих выводов предложила некоторые цифры. В середине 1920-х годов в СССР существовало 102 административные единицы (с правами не ниже губернии), которые имели в своем составе 578 уездов. В этих 102 административных единицах 89% имели СФК. Количество занимающихся физкультурой, по результатам проверки 1926 г., составило 630 188 чел. (мужчин 67%, женщин 33%).

Население в СССР составляло 133 504 432 человека. При сопоставлении общего числа занимающихся физкультурой к населению в возрасте 8–40 лет, что составило 65 017 172 человека (49%), втянутость в занятия физкультурой определялась в 0,37% [2, д.16, л.2].

Это несмотря на многолетнюю деятельность сначала Всевобуча, а затем и ВСФК.

Количество кружков физкультуры составляло 2 482. В этих кружках занималось 244 267 человек, то есть 46% от общего количества занимающихся физкультурой. В числе этих людей было 74% мужчин и 26% женщин. Если говорить о специализированных кружках, то гимнастикой, например, занимались лишь в 348, что составляло 15% от общего количества кружков [2, д.16, л.2].

По данным ЦСУ СССР к 1925 г. школ I ступени было 69 388, II ступени 1475, семилеток 16 910, девятилеток 813, прочих учебных заведений 2 500, детских домов 4 610. Всего учебных заведений в СССР насчитывалось 95 696. Физкультура была введена всего в 823 школах, в которых занималось физкультурой 319 035 человек. Из них мальчиков было 59%, а девочек 41%. Кроме того, существовало 2 482 школьных кружка физкультуры [2, д.16, л.3].

Разными были социальный и возрастной состав занимающихся физкультурой. Крестьяне составляли всего 48 618 человек, то есть 8%. Рабочих насчитывалось 97 575 человек – 17%, служащих 31 22 человек –

4%, учащихся 359 014 человек – 63%, прочих социальных категорий 48 053 человек – 8%.

По возрастному признаку из числа занимающихся физкультурой в 630 188 человек детей было 339 393 человек (54%), из них мальчиков – 63%, девочек – 37%; взрослых – 290 795 человек (46%), из них мужчин 69%, женщин 31%. Детей до 16 лет было 54%, юношей 16–19 лет – 23%, молодых людей в возрасте 19–20 – 12%. Взрослые 20–23 лет составляли 9%, 23–35 лет – 2%. Статистики на занимающихся физкультурой в возрасте после 35 лет не было [2, д.16, л.4].

По мнению комиссии, наиболее неудовлетворительным итогом проверки был выявленный факт об отсутствии физкультуры в подавляющем большинстве школ [2, д.6, л.2–8].

Комиссия причины отсутствия интереса к физкультуре видела в мелкобуржуазности и мещанстве, в недостаточности пролетарского влияния, отсутствии единых и хороших программ преподавания физкультуры, квалифицированных преподавателей, помещений и т.п.

**Общество строителей
международного Красного
стадиона (ОСМКС)**

Комиссией в противовес неудачной «советской системе» был предложен более успешный, на ее взгляд, результат работы среди рабочих масс Москвы Общества строителей Междуна-

родного Красного стадиона (ОСМКС). Этому обществу предписывалось завершить научное обоснование своей деятельности и закончить доработки программ для их последующего широкого внедрения в жизнь.

Успешность ОСМКС, по мнению проводивших проверку, основывалась на учете особенностей рабоче-крестьянского быта, степени культур-

ности и потребности масс в простейших видах спорта, забавах, развлечениях вместе с естественными силами природы. Формы, которые обрела физкультурная работа ОСМКС, были исключительно массовыми. Обществом было организовано более 200 рабочих гуляний с привлечением к ним нескольких сот тысяч рабочих разных возрастов [1, д.427, л.129].

Членский билет ОСМКС

«СОВЕТСКАЯ СИСТЕМА» ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В 1920-Е ГОДЫ

Общество строителей «Красный стадион» возникло в октябре 1920 года в ходе закладки самого «Красного стадиона» на Воробьевых горах. Учредителями общества явились Всевобуч, ВЦСПС, центральные комитеты отраслевых профсоюзов, промышленные, общественные и научные учреждения и организации. Делегаты III конгресса Коминтерна осенью 1921 г. предложили уточнить наименование, назвав его Обществом строителей Международного Красного стадиона.

Устав общества был утвержден постановлением ВЦИК и СНК РСФСР 3 августа 1922 г. и зарегистрирован в Моссовете 15 мая 1923 г. Основной целью общества являлось «создание Международного Красного стадиона, пропаганда и развитие физкультуры трудящихся». Председателем правления был Н.И.Подвойский. В 1929 г. оно было переименовано в научно-методическое общество «Международный Красный стадион». В 1933 г. оно прекратило свое существование [1, д.427, л.2].

Итак, мы видим, что в 1920-е гг. сложившаяся ситуация в области физической подготовки советских граждан мало соответствовала задачам, стоявшим перед физкультурой. Несмотря на четкие идеологические установки и стройные теоретические положения, официально утвержденные советской властью, на активнейшую работу по внедрению «оздоровления масс» в быт граждан СССР, практическое распространение физкультуры оставляло желать много лучшего. Рабочий класс, являвшийся опорой государства, был мало охвачен физкультурным движением, крестьяне – в еще меньшей степени. Дети – будущее страны, те, из которых должны были впоследствии сформироваться «гармонически развитые личности», достойные жить при социализме, – практически не имели уроков физкультуры в школе. Так что массовой физкультуризации в СССР в 1920-е гг. не наблюдалось, она пока что оставалась только в проектах.

Библиографический список

1. ГАРФ. Ф. 4346. Оп.1. Д.427.
2. ГАРФ. Ф. 7576. Оп.28. Д.4.
3. Кальпус Б. Первый Всесоюзный праздник физкультуры // Физическая культура. 1923. №7–10. С.3–15.
4. Кун Л. Всеобщая история физической культуры и спорта. Пер. с венг. М.: «Радуга», 1982. – 399 с.
5. Пролетарское общество физической культуры «Муравей» // Физическая культура. 1922. №4–5. С.35–39.
6. ЦГАМО. Ф.880. Оп.1. Д.1.
7. ЦГАМО. Ф.966. Оп.1.
8. ЦГАМО. Ф.966. Оп.3. Д.114.
9. Энциклопедический словарь по физической культуре и спорту. Т.1. М.: «Физическая культура и спорт», 1961. – 390 с.

Для того, чтобы упорядочить жизнь свою,
учиться на неприятностях, знать,
как существовать дальше – необходимы
мысли, память и воспоминания...

Иоганн Готфрид Гердер

Воспоминания – это единственный рай,
из которого мы не можем быть изгнаны.

Жан-Поль Рихтер

Наталья Менчинская

30 ЛЕТ В ГИПРОВУЗЕ

**ОТ РАСЦВЕТА ИНСТИТУТА
ДО ЕГО ГИБЕЛИ**

УДК
82-94

В сокращенном варианте одной из глав мемуарной книги архитектора и литератора Натальи Менчинской повествуется об обстановке и творческой жизни в крупном архитектурно-проектном Институте «Гипровуз», в котором она проработала 30 лет. Как и большинство подобных Институтов, он прекратил свое существование после перестройки.

The abridged version of a chapter taken from recollection of Natalia Menchinskaya, an architect and a writer relates peculiarities of atmosphere and creative life in a major architecture and designing institution, "Giprovouz" where the author worked for 30 years. Like major part of similar institutions, "Giprovouz" ceased to exist upon the perestroika.

Ключевые слова: МАРХИ (Московский архитектурный институт); ГИПРОВУЗ (Государственный институт по проектированию вузов); приватизация; ваучеры; перестройка.

Keywords: MARKHI (Moscow institute of architecture, "Giprovouz" (the State Institute for the higher education institutions designing); privatization; vouchers; restructuring (perestroika).

E-mail: menchin@yandex.ru.

**Первое знакомство
с Гипровузом**

Все мы, выпускники МАрХИ, смотрели на наше профессиональное будущее довольно пессимистично. Мы полагали, что отныне нас ждет унылое и безрадостное прозябание

от звонка до звонка, лишённое какого бы то ни было интереса, если не считать чрезвычайно скромного материального вознаграждения – молодые специалисты получали 90, в лучшем случае – 100 рублей в месяц. Многим казалось, что с окончанием института жизнь потеряет смысл: придет конец творчеству, полету фантазии, архитектурным идеям – всему, что воспитывали и развивали в нас замечательные педагоги МАрХИ. И все же немногие решались «вылететь из обоймы» и уйти в свободные художники.

Меня, единственную со всего курса, распределили в «Гипровуз» – Государственный институт по проектированию вузов, туда же, где я проходила преддипломную практику. В те годы за выпускниками нашего института прямо-таки охотились: во многих проектных организациях была потребность в архитекторах, а МАрХИ был практически единственным в Союзе учебным заведением, сохранившим архитектурную школу и выпускавшим полноценных архитекторов.

Иногородных выпускников, как правило, посылали на периферию. Нас же, москвичей, и тех, кто успел в Москве «зацепиться», женившихся или выйдя замуж, обычно не трогали: в Москве, помимо громадного «куста» Моспроектов были сосредоточены почти все специализированные проектные институты, подобные «Гипровузу», работавшие на города и республики Союза. Наш институт был монополистом на проектирование вузов по всей стране и за рубежом – в тех странах, которые «опекал» тогдашний СССР: Алжире, Марокко, Сирии, Кении, Вьетнаме и других.

Не слишком робея – институт воспитал в нас уверенность, что мы повсюду желанные гости, – я пришла в один из корпусов «Плешки» на Стремянном, где тогда располагались основные подразделения «Гипровуза», к главному архитектору института В.П.Бондаренко. Бондаренко удивил и обрадовал меня полным отсутствием начальственной важности. Чуть поразмыслив, он направил меня в мастерскую №1, в бригаду Ирины Вячеславовны Гомелиной, рекомендовав ее как человека опытного, любящего молодежь, архитектора, у которого многому можно научиться.

Ирина Вячеславовна была энергичной, творческой и настолько поглощенной проектированием, что с трудом верилось в существование у нее какой-то другой личной жизни. Она постоянно задерживалась на работе допоздна, однако, будучи человеком мудрым, никому не навязывала своих привычек, мягко подтрунивая над слабостями подчиненных, «гонявших чай», пулей срывавшихся с места по окончании рабочего дня или норовящих удрать в магазин.

Так было и тогда, в 1968-м году, и позже, когда вскоре после моего поступления в Гипровуз институт переехал в новое 12-этажное здание на Люсиновской улице, как раз между Добрынинским и Даниловским универмагами, в которых довольно часто что-то «давали». Утром, придя на работу, сотрудники обменивались свежими новостями. Слухи разносились по всем 12-ти этажам мгновенно. Вскоре все женское население и наиболее активная часть мужского выходили на охоту за дефицитом. Тогда это занятие не казалось унижительным, оно было неотъемлемой частью нашей жизни, превращая ее в некую азартную игру, в постоянную погоню за удачей.

Несмотря на то, что обстановка в бригаде была неплохая и сама Гомелина относилась ко мне очень доброжелательно, я работала без особого энтузиазма: рабочие чертежи – не самый интересный этап проектирования для начинающего архитектора. Все же я решила, что Гипровуз – не самое худшее место. Гомелина характеризовала меня начальству с самой лучшей стороны, запрос был послан в МАрХИ, и я получила желаемое распределение.

Итак, прогуляв после защиты диплома 5 месяцев и приготовившись получить выволочку за опоздание, я явилась в Гипровуз. На этот раз я предстала пред очи директора, Александра Алексеевича Потокина, о котором слышала, что он, не в пример Бондаренко, весьма крут. Но, вопреки моим опасениям, на этот раз он был снисходителен и даже улыбался. Правда, его улыбка больше походила на гримасу людоеда перед тем, как полакомиться человечинной, но такое уж у него было лицо: жесткие, как бы рубленые черты, резкие морщины от носа ко рту, черные, несколько взъерошенные волосы почти без седины, хотя ему было уже под 60.

Потокин знал, что на практике я работала у Гомелиной, но предложил идти не к ней, а в только что организовавшуюся новую мастерскую №5, чему я, честно говоря, была рада: мне хотелось поработать в более молодом коллективе.

В 1969 году Гипровуз еще не имел своего здания – отдельные подразделения института были разбросаны по Москве. Благодаря содействию Министерства, а также личным контактам А.А.Потокина с ректорами столичных вузов, Гипровузу были выделены площади в Плехановском, в Менделеевском и других учебных заведениях. А новую 5-ю мастерскую временно поместили в актовом зале школы на Плющихе, летом пустующей, в которую я тут же и отправилась.

Зал был уставлен чертежными столами, за которыми сидели, стояли, рисовали, чертили, между которыми перемещались, что-то с жаром обсуждая, над чем-то смеясь, а иногда беседуя на посторонние темы, множество людей, по большей части молодых, и преимущественно мужского пола. Всего в зале было человек 35–40.

Начальник мастерской, Лев Николаевич Афанасьев, человек лет сорока, выше среднего роста, стройный, смуглый, темноволосый, поначалу показался мне симпатичным. Правда, в его небольшой головке было что-то, отдаленно напоминающее череп (темные, глубоко посаженные глаза, выступающие скулы, курносый маленький нос, запавший тонкогубый рот), но такая зловещая ассоциация возникла у меня не сразу.

Далеко не сразу я начала ориентироваться в ситуации и понимать, что к чему.

Тем, кто не работал в проектной системе, поясню, что архитектурная мастерская состоит из нескольких бригад, в каждой из которых есть свой ГАП (Главный архитектор проектов), свой ГКП (Главный конструктор проектов) и свои объекты. Иногда бригады бывают достаточно самостоятельными и в их работу руководитель почти не вмешивается. Но чаще всего именно он определяет уровень, качество и стиль проектной работы в мастерской. Он должен быть признанным лидером, уважаемым архитектором, своего рода арбитром, которому доверяют.

Афанасьев таким лидером не был. Как я поняла позже, он был слабым архитектором и бездарным руководителем, но его только что назначили на эту должность, и его профнепригодность не сразу стала очевидной. К тому же, стараясь скрыть свое творческое бессилие и неспособность организовать работу, Афанасьев все время отчаянно блефовал. Блеф – это была его стихия, в его характере присутствовала немалая доля авантюризма. Он был прирожденный шулер, «артист», и в этом, а совсем не в архитектурном творчестве он был талантлив.

Афанасьев руководил только архитекторами (другие сотрудники мастерской – конструкторы, инженеры и техники – его не интересовали), причем отношения с ними развивались по одному и тому же сцена-

рию. Приглашая человека на работу, он соблазнял его интересными объектами, высокими денежными премиями и окладами, а главное – заграничными командировками. Наивные пришельцы, как один, верили его обещаниям.

Первый этап для новичка был радостным. Полный надежд, он с энтузиазмом брался за выполнение творческой задачи, «горел» на работе, у него рождались новые оригинальные идеи, дело спорилось, Афанасьев одобрительно кивал и со всем соглашался. Наконец, когда работа была завершена, начинался следующий этап, менее веселый.

Архитектор, довольный собой и Афанасьевым, которому, казалось, все нравится, ждал обещанного ранее – если не командировку, то хотя бы денежную премию или повышение оклада. Но тут происходил, как теперь выражаются, «облом»: он ничего не получал. Его энтузиазм улечивался, творческая активность падала, но он еще надеялся на лучшее и продолжал работать.

И тут начинался последний этап, самый драматичный для архитектора и самый приятный для Афанасьева, который, получив от несчастного все, что хотел, начинал операцию по его выжиманию из мастерской. После разнообразных оскорблений, издевательств и насмешек – Афанасьев был большой мастер находить у человека самые болезненные места – архитектор увольнялся. Афанасьеву этого и надо было, так как теперь он мог спокойно и безнаказанно присвоить все его достижения и идеи и выдать их за свои.

Важной частью архитектурной и творческой жизни института были Архитектурно-технические Советы. Они проводились довольно регулярно – раз в две недели. Ни один проект не мог выйти за стены института, не получив одобрения Совета. Чтобы стало яснее, что определяло обстановку на Совете, я должна кое-что добавить к характеристике главного действующего лица Совета, Александра Алексеевича Потоккина, нашего уважаемого директора.

По профессии Потоккин был инженером-конструктором. Однако главное его качество, для Гипровуза ставшее судьбоносным, состояло в том, что он был настоящим Хозяином. Именно таким мне представляются первые российские предприниматели, начинавшие с нуля и создававшие заводы и мануфактуры. Человек в высшей степени неравнодушный и страстный, он имел привычку «рубить с плеча» и далеко не всегда был справедлив, но никто и никогда не рискнул бы подвергнуть сомнению его право на такое поведение. Он производил впечатление человека не слишком культурного и образованного, но имел железную

хватку, быструю реакцию, безошибочную интуицию, знал людей и прекрасно понимал, кто силен, а кто слаб, кто достоин уважения, а кого можно, грубо говоря, размазать по стенке. И он это делал с полной уверенностью в своей правоте.

Гипровуз был созданием Потокина, его детищем. Он существовал и до Потокина, но сначала это был совсем небольшой проектный институт, малоизвестный и не пользовавшийся большим авторитетом, хотя в нем короткое время работали такие выдающиеся личности, как Жолтовский и Мельников.

На Архитектурно-технических Советах Потокин, как всегда и везде, чувствовал себя хозяином положения, хотя там обсуждались главным образом архитектурные стороны проектов. Будучи человеком в художественном отношении не слишком образованным, он считал не просто возможным, но и необходимым давать указания архитекторам. В состав Совета входили все руководители мастерских и отделов и наиболее опытные и заслуженные архитекторы Гипровуза. Помимо постоянных членов Совета, на нем присутствовал, конечно, в полном составе весь авторский коллектив обсуждаемого проекта, а также все желающие, количество которых резко возрастало, если по Гипровузу проносился слух, что проект интересный или спорный и предстоит скандал.

Номинально Председателем Совета был главный архитектор института В.П.Бондаренко. Он вел Советы в свойственной ему обтекаемой манере. Но, как только появлялся Потокин, Бондаренко уходил в глубокую тень. Помню, однажды он все-таки попытался высказать мнение, с которым директор был не согласен. Тогда тот подошел к своему заместителю и насильно, нажав ему на плечи, усадил на стул, чем тут же вынудил замолчать. Нередко случалось, что Потокин улавливал в проекте что-то главное и по большому счету бывал прав. Из того, что говорилось на Совете, он, благодаря своему звериному чутью, выбирал наиболее существенное. То же чутье подсказывало ему, кто убежден в своей правоте, а кто блефует. Первых он уважал, вторых разоблачал. Кроме того, некоторым архитекторам (очень немногим) он доверял и считался с их оценкой. Все это и формировало его мнение.

Несмотря на горе-руководителя Афанасьева и на постоянную текучку, наша мастерская вполне успешно существовала и считалась не самой худшей. Дело в том, что у Афанасьева был очень сильный заместитель, который исполнял все организационные обязанности, оставляя Афанасьеву «творческое» руководство. Это был главный инженер мастерской, Алексей Николаевич Филатов, личность довольно типичная

для своего времени. Филатова и Афанасьева связывала давняя дружба, но при этом они являлись полными антиподами. Меня всегда поражал этот тандем. В отличие от откровенно хулиганствующего Афанасьева, Филатов стремился быть во всем безупречным. Он был подчеркнуто вежлив, честен, отзывчив, брался разрешить любую проблему, ответить на любой вопрос. Идти к Филатову за советом было одно удовольствие – так внимательно он выслушивал любого, вникая во все мелочи и выбирая всегда наилучшее решение. В его стремлении быть образцовым во всем: в семье, в работе, в партийной жизни, в отношении к подчиненным – было что-то трогательное. При этом он был человеком принципиальным и требовательным, сторонником жесткой дисциплины. Но главным его недостатком, на мой взгляд, было не это, а полное отсутствие чувства юмора, чего нельзя сказать об Афанасьеве, у которого, правда, юмор был довольно специфический. В частности, невзирая на присутствие подчиненных, он любил поиздеваться над своим старым другом. Филатов, с трудом понимавший и принимавший шутки, от Афанасьева терпел все.

Тогда мне казалось удивительным, что добропорядочный Филатов словно не замечал, как Афанасьев издевается над людьми, и никогда не пытался ему препятствовать в этом. Со временем я стала подозревать, что они держатся друг за друга неспроста. Ясно, что Афанасьеву был полезен Филатов, как умный, опытный человек, который практически тащил на себе все руководство мастерской. Но позже я поняла, что Афанасьев также был нужен Филатову, несмотря на его выходки. На него всегда можно было перевести недовольство подчиненных, гадости делал Афанасьев – Филатов оставался чистеньким; у них было распределение ролей, устраивавшее обоих.

**Первое десятилетие
моей работы в Гипровузе
(1970-е годы)**

После прихода в 5-ю мастерскую с Афанасьевым я проработала не слишком долго – уже спустя несколько месяцев я оказалась в бригаде Игоря Борисовича Клешко, что во

многом определило мою профессиональную судьбу.

Е.Б.Новикова, которую многие считали лучшим педагогом МАрХИ [1; 2], советуя мне идти в Гипровуз, упоминала о своих учениках, Клешко и Ульяницком, успешно работающих в этом институте. Из выпуска 1960-го года в Гипровузе, кроме этих двоих, было еще несколько человек, все они были людьми творчески одаренными, увлеченными,

полными новых идей. Я застала их еще совсем молодыми – им было по 32–33 года, последующее десятилетие стало периодом их зрелости и расцвета. Несмотря на убогость массового строительства и крайне ограниченные возможности, они ухитрились каким-то образом «под шумок» проталкивать свои идеи, а иногда где-то на периферии или в республиках Союза даже осуществлять их, пользуясь стремлением местных властей опередить Москву, «сделать не хуже, чем в центре». Кроме того, они проектировали для зарубежья, где допускалось и даже поощрялось более высокое качество архитектуры, да и возможности были несравненно шире. Для нас, окончивших институт на 9 лет позже, они были старшими товарищами, к которым мы относились с большим пиететом.

Я никогда не решилась бы сама попроситься в бригаду к Клешко, хотя в глубине души, конечно, хотела этого. В течение первого месяца моей работы, когда мы сидели все вместе в актовом зале школы, я с завистью наблюдала, как увлеченно и азартно «клешковцы» проектируют, с жаром обсуждая эскизы, в которых постепенно вырисовывалось нечто новое и необычное. Это был проект Института тонкой химической технологии на проспекте Вернадского.

Бригада Клешко состояла из четырех человек, причем все они были молодые ребята. Не только в этой бригаде – в мастерской Афанасьева, кроме меня и еще двух коллег, все остальные архитекторы – человек 12 – были мужчины. Присутствие мужчин в проектно-коллективе – признак его расцвета. Как только ситуация ухудшается, мужчины куда-то рассеиваются с необычайной быстротой, и спасать положение приходится женщинам.

Клешко был одарен во многих областях: имел абсолютный слух, прекрасно рисовал и неплохо этим зарабатывал, сотрудничая в газете «Вечерка» и журнале «Работница», легко сочинял стихи «на случай», постоянно придумывал и изобретал какие-то остроумные, красивые и полезные штучки. Он принадлежал к разряду архитекторов, которые умеют не только рисовать, но и убедительно говорить. Но наиболее полно он смог выразить себя в архитектуре. Это было абсолютно точное попадание в профессию. То, что он делал, всегда было логично, остроумно и при этом красиво, но главное – в любом его эскизе, не говоря уж о проекте, всегда присутствовала какая-нибудь нетривиальная идея. Именно этому учила нас Елена Борисовна, и он оказался толковым учеником. Поскольку и для меня при разработке проекта это было самым главным, мы с ним сразу поняли и оценили друг друга и скоро составили неразрывный творческий союз.

Эскизный проект Института тонкой химической технологии, за проектированием которого сначала я только наблюдала, получался довольно интересным, по тем временам даже революционным, однако вскоре обнаружилось, что его необходимо переработать, существенно сократив объем. Меня перевели в бригаду Клешко как раз в тот момент, когда приступали к новому этапу проектирования комплекса МИТХТ. Для меня эта работа оказалась настоящей школой. Невозможно перечислить, сколько всего я узнала, о чем ранее и понятия не имела. Ведь во время учебы в институте мы имели очень отдаленное представление о различных нормах и правилах, которых существует огромное множество. Свободное владение ими при проектировании так же необходимо, как для пианиста владение фортепианной техникой, а для художника – техникой живописи. Не менее важно учитывать и другие ограничения: например, требование вписаться в конкретный участок, увязать архитектурно-планировочные и фасадные решения с окружающей застройкой. Но самое главное – не допустить, чтобы все эти, действительно, очень важные вещи заслонили, разрушили первоначальную идею.

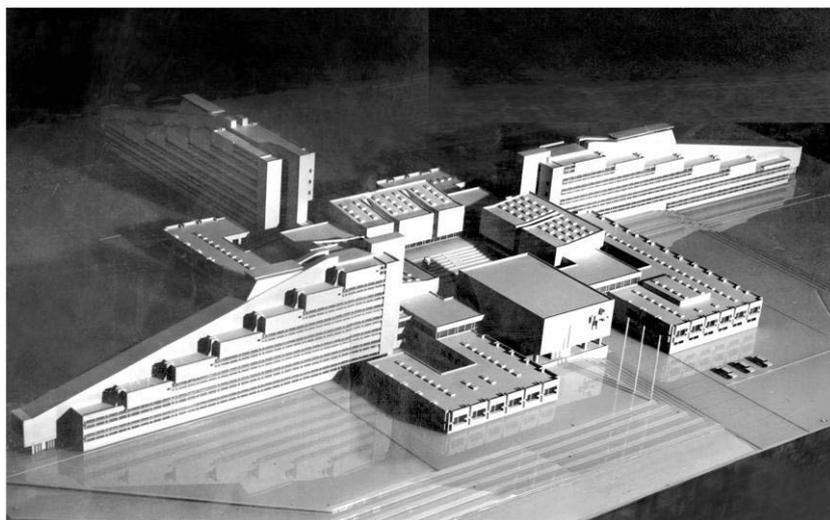
В проекте МИТХТ идею первоначального эскизного проекта удалось сохранить и даже усилить. Главным для нас был, конечно, архитектурный облик сооружения, венчающего холм около бывшей деревни Тропарево, на плавном изгибе проспекта Вернадского. Проект вызвал большой интерес архитектурной общественности [3]; [4]. Выразительный силуэт нашего комплекса с поднимающимися к центру ступенчатыми корпусами был виден издали при подъезде из центра Москвы. Однако, к большому сожалению, вскоре после завершения строительства он был заслонен торговыми павильонами, сгрудившимися у метро, а позади него возникли жилые районы, на фоне которых он совершенно потерялся.

Идея магистрального архитектора района, Евгения Николаевича Стамо, заключавшаяся в том, что вдоль проспекта Вернадского вблизи метро Юго-Западная должен появиться целый конгломерат вузовских комплексов, разнообразных по архитектуре, вкрапленных в парковую зону, оказалась несостоятельной. Стамо был человек талантливый и опытный градостроитель. Но разве мог он предугадать, что в стране начнется дикий капитализм и удержать свободную территорию, сохранить парковую зону, о которой он мечтал, окажется совершенно невозможным.

Маленький, смуглый, невероятно экспансивный и взрывной, он был нашим ярым защитником. Он да еще одна яркая, обаятельная личность

30 ЛЕТ В ГИПРОВУЗЕ – ОТ РАСЦВЕТА ИНСТИТУТА ДО ЕГО ГИБЕЛИ

– Леонид Павлов, к которому все прислушивались, хотя и считали его безумцем и мечтателем, фактически отстояли наш проект на Градостроительном совете города Москвы, несмотря на сопротивление М.В.Посохина. Сыграл свою роль и ректор МИТХТ Большаков, пришедший на Совет в орденах и заверявший всех, что только такой вуз им и нужен, а ступенчатые корпуса просто крайне необходимы. Мы победили, но это было только началом долгого пути.

Макет комплекса МИТХТ. Стадия Проект, начало 1970-х

Тем временем в мастерской началось проектирование Горьковского Политехнического института. Сначала за это взялся сам Афанасьев. К делу были подключены лучшие силы мастерской. Делались варианты, с которыми выезжали в город Горький – и все безуспешно, проект не клеился. Проектирование велось уже 2 года, все деньги были «съедены», мастерская оказалась в отчаянном положении.

Тогда Афанасьев решил прибегнуть к последнему средству: невзирая на то, что с Клешко у него были весьма натянутые отношения, он был вынужден попросить его спасти положение. К его просьбе присоединилось и руководство Гипровуза. Клешко, естественно, привлек к работе меня.

В довольно сжатые сроки мы с Клешко придумали и претворили в чертежи и макет комплекс, который, в отличие от предыдущих вариантов, отталкивался от рельефа и градостроительной ситуации. Участок,

отведенный институту, представлял собой пологий холм на берегу Волги, окруженный глубокими оврагами, формирующими что-то вроде полуострова, связанного с «сушей» только со стороны шоссе. На этом и была основана наша идея. Центром комплекса, как и в МИТХТ, должна была являться площадь – студенческий форум. Вокруг нее выросли концентрические кольца главного учебного корпуса с лекционными аудиториями, обрамляющими площадь. От них лучами расходились лабораторные корпуса, плавно спускавшиеся по рельефу. Композиция выглядела очень цельно и убедительно.

Схема генерального плана с расположением вузов в г.Горьком

1. Горьковский Политехнический институт. 2. Жилой район. 3. Горьковский Госуниверситет (автор Н.Менчинская). 4. Военно-медицинская академия. 5. Перспективное развитие вузов

Афанасьев, Клешко и я отправились в Горький. Это была моя первая командировка. Заказчик – проректор Политехнического института – встретил нас безо всякого энтузиазма: он уже потерял надежду, что Гипровуз сделает что-то приемлемое. Надо отметить, что на местах всегда очень ревниво относились к предложениям проектировщиков из Москвы, защищать проекты на градостроительных Советах городов было непросто. Москвичей не любили и часто встречали, что называет-

ся «мордой об стол». Конечно, заказчикам приходилось нас защищать, и с ними не могли не считаться: ведь крупные вузы во многих городах – это почти градообразующие факторы, а их ректоры и профессора – самые уважаемые люди в городе. Однако заказчика тоже надо было завоевать и убедить. Предыдущие проекты были настолько неудачными, встретили в городе такое негативное отношение, что Институт потерял к Гипровузу доверие. Нас даже поселили не в гостинице, как дорогих гостей, а в студенческом общежитии, что являлось признаком крайнего неуважения.

На следующий день был назначен Градостроительный совет, который признал нашу полную и безоговорочную победу, нам даже не пришлось никого убеждать: настолько убедительным само по себе являлось наше проектное предложение. Ошавший от счастья заказчик теперь не знал, как выразить нам свое уважение и восхищение. Первым делом он переселил нас из позорного общежития в лучшую гостиницу города. На следующий после Совета день он организовал банкет в специально отведенном для таких празднеств месте – укромной избушке, запрятанной среди заводов, с берегами, поросшими высокими травами и полевыми цветами. Эта избушка явно предназначалась для гуляний представителей городской власти и приближенных к ним лиц, а также для приемов высоких гостей, в число которых на этот раз попали и мы.

Впоследствии мне приходилось ездить в командировки неоднократно, сначала – в Горький, затем появились объекты в Иваново, Саранске и даже в Семипалатинске. Эти поездки совсем не были увеселительными: ехать приходилось чаще всего ночным поездом, приехав рано утром, добираться до гостиницы или общежития самим по еще спящему городу – в такую рань нас никто не встречал. Часто я ездила одна и тогда чувствовала себя еще более неуютно и одиноко. Бывало, приехав на один день и дождавшись на лавочке в парке (если было лето) или на вокзале (если была зима) начала рабочего дня, я направлялась напрямик по делам. Весь день проходил в хлопотах, а ночью поездом я возвращалась домой совершенно разбитая и потрепанная после двух бессонных ночей. К тому же нередко приходилось везти с собой планшеты с демонстрационными материалами и макеты. Но главное – очень часто возникали неприятные сюрпризы, конфликтные ситуации, которые приходилось разрешать на месте своими средствами. Это была настоящая проверка на прочность!

В середине 1970-х Клешко послали за границу, в Алжир. Он очень стремился туда, и его ничто не могло бы остановить. Как известно, за-

граничные поездки поднимали статус специалиста необычайно высоко. Они не только обеспечивали его материальное процветание, но и давали возможность интересной самостоятельной работы вдали от невеселых реалий советской архитектурной практики. Кроме всего прочего, они способствовали ускорению карьерного роста: специалист, успешно прошедший испытание за границей, мог рассчитывать на существенное повышение в должности.

Считалось, что Клешко уезжает на полгода, но полгода превратились в полтора. Для меня это стало тяжелейшим испытанием. Практически мне пришлось выполнять функции ГАПа, к которым я была еще не готова. Вскоре после того, как Клешко вернулся, он получил желаемое – место руководителя мастерской №3, освободившееся после ухода на пенсию прежнего руководителя. После его ухода меня назначили ГАПом – фактически я уже давно выполняла эти обязанности. А через год Клешко все-таки перетащил меня в свою мастерскую.

В начале 1980-х институт потрясло известие – Потокина сбила машина. У него были повреждены обе ноги, при этом одна почти раздроблена. Ее после многих операций удалось спасти. Гадали – вернется ли он в институт. Вернулся, но все-таки что-то в нем надломилось, с этого момента он начал медленно, но верно сдавать позиции. А еще через год–два у Потокина обнаружился рак. Были операции, он продолжал бороться, проявляя свойственную ему стойкость. Каждый раз он возвращался в Гипровуз как хозяин: здесь была его жизнь. Только за несколько недель до его кончины Бондаренко с Филатовым, который к этому времени уже стал главным инженером института, съездив домой к умирающему, уговорили его написать заявление об уходе на пенсию. По-моему, это был довольно жестокий и бессмысленный поступок. Возможно, они боялись безвластия – наступали беспокойные времена.

Директором стал Бондаренко. Это было началом конца Афанасьева: ведь Потокин, несмотря на свое чутье, Афанасьеву покровительствовал, а Бондаренко его не переваривал, и эта неприязнь была взаимной. К тому же теперь в мастерской не было Филатова, ушедшего на повышение, а без него Афанасьев был беспомощен. Вскоре его перевели в Технический отдел – место ссылки старых и заслуженных работников, которым уже не могли найти применения. Его друг Филатов не делал попыток спасти его, думаю, просто не захотел, хотя мог бы, так как был главным инженером Института, человеком весьма влиятельным, к мнению которого прислушивались.

Параллельная жизнь

В Гипровузе не только и не столько работали, сколько отвлекались от работы всеми возможными способами. Не будь этой параллельной жизни, все обстояло бы намного скучнее.

Теперь я могу сравнивать обстановку в проектных институтах в 1970–1980-е, в беспокойные 1990-е и, наконец теперь, в 2000-е годы и должна заметить, что самый первый период был несравненно насыщеннее и разнообразнее, чем второй, не говоря уж о третьем. В годы так называемого застоя именно эти отвлечения и развлечения скрашивали серую действительность, смягчали ощущение несвободы. В сущности, они были одной из форм проявления инициативы, давали выход творческим силам, не нашедшим применения в профессиональной деятельности.

Чем же, кроме работы, мы занимались в Гипровузе?

Очень большое место в нашей жизни занимали праздники и юбилеи, которым предшествовала долгая, тщательная, творческая подготовка. Отмечались они с большим размахом. Юбилеи делились по категориям: от довольно скромных, носящих локальный характер, если они касались рядовых работников, до юбилеев руководителей мастерских и отделов, празднование которых выходило за пределы их подразделений. Кроме официальных поздравлений дирекции, организовывалось какое-нибудь действо со стихами, плакатами, подарками (особым образом оформленными, иногда самодельными), подготовленное и сыгранное группой артистически одаренных сотрудников – такие в коллективе находились почти всегда. Архитектурные мастерские тут были вне конкуренции: они придумывали и оформляли свои поздравления чрезвычайно изобретательно и остроумно. Завершалось все грандиозной пьянкой в банкетном зале столовой, куда приглашались лишь избранные.

Но этим, достаточно пышным празднествам было далеко до юбилеев руководства, отмечавшимся не просто в масштабе института, но значительно шире – чуть ли не в масштабе страны. Помимо представителей трудового коллектива, множество народа приходило извне: чиновники высокого ранга из Министерства, вручавшие награды и ценные подарки, делегаты из филиалов Гипровуза, разбросанных по всей стране, приезжавшие, конечно, тоже не с пустыми руками, ректоры вузов... представители строительных организаций... райкомовские деятели...

В отличие от юбилейных, законных, праздничных застолий внутри мастерской приходилось организовывать потихоньку от начальства. Загодя копили продукты – несмотря на пустоту в магазинах, столы были

обильными. Самым сложным было успеть сделать все к нужному часу. Дело в том, что начальство мастерской нам запрещало этим заниматься, опасаясь нагоняя от сурового директора. А стол приходилось готовить не маленький – в мастерской было более 50 человек. В результате готовили и резали, скрываясь по углам, чуть ли не в туалете, срочно пряча все при появлении трусливых шефов. В лучшем случае они делали вид, что ничего не замечают, в худшем – начинали требовать: убрать и прекратить. Не тут-то было. Всем, и им в том числе, было ясно, что процесс не остановить. Водки всегда не хватало – скидывались, посылали кого-нибудь помоложе, опять пили, постепенно доходя «до кондиции».

В эти годы у нас на глазах происходила медленная, но неуклонная деградация мужской части коллектива, которую все шире охватывало пагубное пристрастие к алкоголю. Пьянство в рабочее и вне рабочее время было чрезвычайно распространено, причем начальство относилось к этому снисходительно, так как само злоупотребляло спиртным. Пили не только на многочисленных праздниках и юбилеях, но также отмечая дни рождения сотрудников, по случаю завершения проекта, в день получки, не говоря уж о премии, пили, само собой, в командировках и на приемке объекта, «обмывали» получение первого места в соцсоревновании... Поводы находились все время. В результате многие, особенно неподготовленная молодежь, которая по этой части «в подметки не годилась» старшему поколению, спивалась, плавно переходя из разряда изредка выпивающих в разряд алкоголиков. Часто это происходило как раз с наиболее способными и симпатичными ребятами, что было очень обидно.

С некоторых пор наш Гипровуз, бывший в райкоме на хорошем счету, в порядке поощрения был удостоен привилегии участвовать в демонстрациях. Члены партии и комсомольцы должны были идти в обязательном порядке, чему никто из них почему-то не радовался. Демонстрациям, проводившимся дважды в год, предшествовало длительное и кропотливое изготовление бумажных цветов. Из подразделений выделялись, как правило, одни и те же умельцы, которые достигли совершенства в этом ремесле. Ах, какие удивительные гигантские гиацинты выходили из их рук, какая сирень! Просто чудо! Райком был очень доволен.

Перед особо ответственными демонстрациями, когда Гипровуз должен был проходить близко к трибунам, проводились репетиции под руководством райкомовской тети пенсионного возраста, напоминавшей мне Собакевича в юбке. Она со священным трепетом и без всякого

юмора относилась к своей миссии – научить бестолковых проектировщиков по ее сигналу дружно и слаженно выкрикивать различные лозунги и речевки. Даже директор и главный инженер вынуждены были участвовать в этой уморительной процедуре. Наблюдать за этим было и стыдно, и смешно.

Много времени отнимала работа на овощных базах, от которой никто не освобождался, и в колхозах, куда направлялись или самые беззащитные, неспособные противостоять начальству, или наоборот – те, кто сам предпочитал тяжелый труд на лоне природы скучной проектной работе. Кроме того, как известно, в колхозах происходило множество романов, нередко заканчивавшихся браками, что также привлекало туда холостую молодежь.

В колхозе я никогда не была – очевидно, меня берегли для работы, – но на подшефную овощную базу около метро Варшавская мы ходили регулярно всей мастерской, включая начальство. Грустные воспоминания! Грязь, гниль, которую мы обирали с несчастной капусты, вообще множество гнилых загубленных овощей, ужасающий запах, грубые работницы, которые всячески выказывали нам свое пренебрежение, направляя в самые безнадёжные места, где сами не хотели работать... Все это было ужасно!

Необычайно волнующими, долго обсуждавшимися событиями, в этот век повального дефицита, были розыгрыши и распределения различных благ от туристических путевок до продуктовых заказов и – что было особенно вожеленным – одежды и обуви. Помимо самого процесса распределения, чрезвычайно забавными были его последствия. Значительная часть дамского населения Гипровуза оказывалась обутой и одетой почти одинаково, так что в любом районе Москвы и за ее пределами мы издали безошибочно узнавали «своих». Особенно запомнились плащи защитного цвета – утепленные, спортивного покроя с множеством карманов и фирменными металлическими пуговицами. В них была одета каждая вторая. Был такой и у меня. Плащи оказались теплыми, удобными и практически вечными. Конечно, вблизи Гипровуза нам было несколько неудобно: группы одинаково одетых женщин несколько напоминали то ли военнообязанных, то ли заключенных. Зато во всех других местах мы чувствовали себя в них вполне комфортно, так как знали, что такой вещи мы ни на ком, скорее всего, не встретим – очевидно, это были какие-то прямые поставки в организации по профсоюзной линии, минуя магазины.

Отдельного рассказа заслуживают заграничные туристические поездки. Чтобы попасть в такую поездку, помимо существенных по тому времени материальных затрат, надо было преодолеть множество препятствий. Пожалуй, самым неприятным был обход всех врачей для получения медицинской справки и визиты в три диспансера: психоневрологический, венерологический и туберкулезный. Другое препятствие, глупое и нелепое, было прохождение райкома. Даже тем, кто собирался в какую-нибудь дружественную страну вроде Болгарии, даже самым достойным и проверенным людям, которые уже много раз ездили в длительные заграничные командировки, приходилось представлять перед дурацкой райкомовской комиссией. В комнату, в которой сидело 5–8 мужчин и женщин – партийных работников, как правило, пенсионного возраста, все заходили по одному. Суровые, важные от сознания своего могущества – ведь от них зависело: пустить или не пустить испытуемого, – они все, как один, устремляли свое бдительное и недремлющее око на вошедшего, пытаясь проникнуть в самую глубину его души. Под их недоброжелательными и подозрительными взглядами было весьма неуютно, казалось, в каждом они видят потенциального нарушителя. Затем они начинали задавать вопросы, порой самые неожиданные. Готовясь к визиту в райком, все зубрили сведения о стране, в которую собирались. Но члены комиссии об этом спрашивали довольно редко, так как, я думаю, сами мало что знали. Зато они могли спросить имя и отчество какого-то из членов Политбюро или сколько в СССР республик или в каком году был какой-нибудь съезд комсомола... Привязывались по разным поводам, могли осудить манеру одеваться, макияж и украшения вызывали у них возмущение. У нашего добродушного и добродетельного архитектора Вити Савицкого поездка за границу сорвалась из-за бороды. Очевидно, они сочли ее признаком распущенности, и Витю «завернули». Вместо него поехал кто-то другой, безбородый.

В 60-е – 70-е годы, когда «железный занавес» приподнялся, стали организовываться специализированные поездки от Союза архитекторов. У нас в Гипровузе была довольно мощная секция Союза, которая отстаивала интересы наших членов, следила, чтобы их включали в правление, в состав делегатов съездов СА. Секция давала рекомендации молодежи для вступления в СА. Эта же секция выдвигала самых заслуженных работников в состав групп, выезжающих в страны, наиболее интересные для любого архитектора. Среди них были Франция, Финляндия, Япония и другие. Эти поездки выгодно отличались от обычных не только продуманными маршрутами, рассчитанными на интересы

специалистов, но и тем, что Потокин полностью оплачивал их из своего директорского фонда – это была неслыханная, беспримерная щедрость, не встречавшаяся ни в одном другом проектном институте. Это было удивительным еще и потому, что Потокин вообще-то архитекторов недолюбливал. Счастливики, попавшие в заграничные туристические поездки, по возвращении обязательно отчитывались и показывали слайды.

В выходные и праздничные дни устраивались почти бесплатные экскурсии по разным городам Союза, чаще всего автобусные. Теперь я понимаю, что в советские времена мы имели весьма существенные преимущества по части путешествий. Особенно мне нравился вариант экскурсий, когда мы полностью были предоставлены себе, но нас обеспечивали бесплатным проездом и проживанием в общежитиях институтов, с которыми были налаженные связи по всей стране – ведь Гипровуз участвовал в проектировании многих из них.

Перечислю коротко, чем еще мы занимались в нашем Гипровузе.

Некоторые члены коллектива обладали выдающимися талантами. Они демонстрировали их на праздниках и юбилеях. Регулярно устраивались выставки рисунка и живописи. В них участвовали многие архитекторы, как правило, прекрасно владеющие карандашом и кистью, а также те из конструкторов, которые, считая себя в глубине души несостоявшимися архитекторами, стремились творчески выразить себя. Выпускалась общеинститутская газета, она делалась по очереди соперничавшими архитектурными мастерскими очень изобретательно и на чрезвычайно высоком художественном уровне.

В актовом зале изредка проводились встречи с выдающимися артистами и писателями. Помню замечательный вечер выдающегося переводчика и поэта Вильгельма Левика, которого пригласила одна наша сотрудница, знавшая его лично.

А еще были ежегодные выставки детского рисунка, приуроченные ко дню 8 марта, устройство детей сотрудников в пионерские лагеря, санатории и «зеленые школы» – и все это практически бесплатно. В рабочее время проводилась всеобщая диспансеризация, сотрудники регулярно проходили осмотры и лечение у стоматолога, кабинет которого, оборудованный по последнему слову техники, находился в нашем здании на 12-м этаже. Рядом был кабинет медицинской сестры, которая делала уколы всем, кто в этом нуждался, и могла оказать первую помощь. Помимо секции Союза архитекторов работали комсомольская и партийная организации, проводились политинформации, массовая сдача

донорской крови, для чего к нам прибывала с соответствующим оборудованием бригада из института Вишневского, расположенного неподалеку...

Я утомилась от одного перечисления и при этом упомянула далеко не все, что составляло ту самую «параллельную жизнь» любого проектного института в те уже далекие времена.

Новые времена

После «пятилетки великих похорон» (Л.И.Брежнева в ноябре 1982 г., Ю.В.Андропова в феврале 1984 г. и К.У.Черненко в марте 1985 г.) наступила эпоха перестройки, всколых-

нувшая всю страну и Гипровуз в частности. Трудно сейчас восстановить хронологию событий, в памяти отложились лишь отдельные эпизоды, не всегда самые значительные, но характерные для этого удивительного времени.

Я не соглашусь с утверждением мудрых китайцев: «Не дай вам бог жить в эпоху перемен». Жить в такую эпоху беспокойно, но чрезвычайно увлекательно.

Кажется ли мне сейчас, спустя десятилетия, или действительно в воздухе начала 1980-х, в духовной атмосфере, в головах людей постепенно накапливалось ощущение, что близятся перемены. Выезжая за рубеж, в Европу, даже в страны соц. лагеря, наши соотечественники не могли не видеть, что разрыв между нами и ими – между нашей скудостью и их изобилием, нашим привычным бытовым хамством и их культурой общения – увеличивается в геометрической прогрессии. Разница была вопиющей во всем: в уровне производства, в качестве товаров и услуг, уж не говоря об архитектуре – области наших профессиональных интересов. Тем не менее всем или почти всем казалось, что порядок, сложившийся за много десятилетий в нашей стране, незыблем, а если и грянут какие-то изменения, основной структуры государства они не затронут. Но маховик перемен, как колодезный вал с сорвавшимся вниз ведром, стал раскручиваться с все увеличивающейся быстротой, катастрофически и неотвратимо. Было весело и азартно следить, а иногда и участвовать в этом процессе. Был ли страх? Да, боялись, но не перемен, а вполне конкретных вещей – голодухи, стрельбы, хаоса.

Нельзя сказать, что жизнь изменилась резко в один момент. Изменения происходили быстро, но все же они были растянуты во времени и делились на некие этапы. Стали появляться, чем дальше, тем больше, публикации, которых раньше и быть не могло. «Огонек» под предводи-

тельством Коротича переживал новое возрождение. «АиФ» читали от корки до корки – достоянием гласности становились вопиющие факты. Вернулся Сахаров, который для интеллигенции олицетворял совесть страны. Ему предоставляли возможность высказаться. Стали выходить ранее запрещенные литературные произведения, сначала в толстых журналах, затем в отдельных изданиях. Словно выскочила какая-то затычка, и информация посыпалась как из рога изобилия.

Вскоре стало не до строительства новых зданий вузов, бюджетные средства на это выделяться перестали. Несколько позже перестали выделяться деньги и на проектирование. Министерству высшего и среднего специального образования, при котором Институт состоял многие годы, он стал не нужен.

Еще до этого стали происходить очень существенные изменения внутри института, перевернувшие весь привычный уклад, складывавшийся десятилетиями. Это касалось, прежде всего, распределения средств между подразделениями, а также между сотрудниками внутри каждого подразделения. Как известно, в советское время царил уравниловка: люди «сидели» на окладах, которые различались незначительно. Тем, кто хорошо проявлял себя, кого ценили и старались удержать, оклады повышали, но не чаще, чем раз в год и не более, чем на десятку. Несмотря на то, что таких работников быстрее продвигали в должности, да и премии, которые назначались руководством с учетом реального участия каждого сотрудника, вносили некоторую дифференциацию, все же зарплата тех, кто «плевал в потолок», и тех, кто «вез» на себе всю работу, не отражала их вклада в общее дело. Такой порядок казался несправедливым, он слабо стимулировал проектировщиков, хотя надо сказать, что «трудоголики» вкалывали просто потому, что не могли иначе. Но вот вскоре после начала перестройки этот порядок был изменен. Тогда все радовались этому и даже не предполагали, какой джинн при этом был выпущен из бутылки.

Все отделы и мастерские перешли на хозрасчет. Теперь деньги, полученные институтом, должны были распределяться между подразделениями. Сразу возникли вопросы – по каким правилам это должно происходить? Норм, определяющих стоимость разных разделов, еще не существовало. Начались обиды, разборки. Усилилась всегдашняя, носившая ранее латентную форму конфронтация между архитекторами и конструкторами. Поскольку «во главе угла» в Гипровузе стояли ГАПы (бригадиры), организующие весь процесс проектирования, они и стали главными лицами не только в проектировании, но и в распределении

средств. Это произошло не сразу. В течение многих лет главной проектной единицей была мастерская. Теперь стало очевидным, что основной проектной и экономической единицей должна стать бригада – дорогостоящая «надстройка» в виде руководства, секретаря и экономиста никому не нужна. ГАПы начали добывать работу сами и тем самым стали играть еще большую роль в процессе проектирования. Кому-то из них это удавалось, и их бригады существовали сносно, кому-то нет – и тогда люди разбегались, и бригада таяла. Причем самыми жизнестойкими оказались совсем не те, кто раньше считался хорошими архитекторами и сильными руководителями. В передовые выдвинулись другие персоны, ранее незаметные и, казалось, ничем не выдающиеся: для нового времени потребовались совсем иные качества: хватка, напор, неразборчивость в средствах, умение договориться с заказчиком, заинтересовать его и удержать, несмотря на сложности, неизбежно возникающие в процессе проектирования, согласования проекта и строительства.

Далеко не всегда такие руководители «новой формации» были симпатичными, порядочными людьми и способными архитекторами. Эти качества ценились в «прежней жизни», в этой было важнее другое. Лишь небольшим из гипровузовских ГАПов удалось сохранить коллективы и в дальнейшем организовать собственные фирмы или перевести свои проектные группы в крупные проектные институты.

К этому времени Гипровуз значительно уменьшился – от 1000 человек осталось меньше половины. Множество проектировщиков ушло во вновь организовавшиеся кооперативные фирмы: малые предприятия в тот период почему-то освобождались от значительной части налогов. В результате работать там оказалось значительно выгоднее.

Не буду подробно описывать голодные годы, когда из магазинов исчезло практически все и появились карточки на основные продукты питания, которые еще надо было ухитриться отоварить, выстояв огромные очереди. Особенно впечатляли «водочные» очереди. Люди, стоявшие в них, чтобы отоварить свои водочные карточки, по большей части пьющими не были, просто водка была своего рода валютой, за которую можно было получить то, что ни за какие деньги не достанешь.

Собственно говоря, к дефициту нам было не привыкать: он был неизбежным следствием советской плановой экономики. Но таких катастрофических форм этого явления, как в конце 80-х – начале 90-х, мы, дети послевоенного времени, еще не переживали. Правда, выезжая на периферию в командировки или на экскурсии, мы видели ужасающую пустоту в магазинах задолго до того, как она докатилась до Москвы.

Голодать мы, конечно, не голодали, но самые необходимые продукты, такие как хлеб, молоко, яйца, муку, сахар, крупу, масло, не говоря уж о мясе, приходилось добывать, иногда с боем. Очень волнующим моментом был розыгрыш заказов. Кому-то чаще везло, кому-то реже. «Везунчиков» пытались ограничить, отстранить от последующего розыгрыша. Приходилось прорабатывать систему наиболее справедливого распределения. Иногда, в особо голодные периоды, делили один заказ на двоих.

Мы всерьез опасались голода. И не только мы – тогдашние власти и общественные организации тоже не знали, как могут повернуться события. Только этим можно объяснить нелепую акцию – предоставление поля вблизи Суханово членам Союза архитекторов под посев корнеплодов, главным образом картофеля. Поле было не маленькое, площадью около 12 га. Каждому желающему члену Союза предоставлялось по 1–2 грядки метров 100 длиной. Некоторые «члены», особенно способные к сельхозработам, ухитрялись собрать немалый урожай. Мне же сделать это за 2 или 3 года не удалось ни разу.

Несмотря на то, что заботы о пропитании отнимали массу времени, мы очень активно участвовали в политической жизни. Помимо чтения и обсуждения газет и публицистики в многочисленных журналах и альманахах, помимо переживаний у радио и телевизора во время съездов и других животрепещущих событий политической и общественной жизни, мы участвовали в разнообразных демонстрациях, шествиях, акциях протеста или, напротив, одобрения. Помню, что я даже таскала туда малолетнего сына.

Что же вспоминается в первую очередь о лихих 90-х?

Карикатурное, обреченное ГКЧП на фоне «Лебединого озера», связанное с нешуточными страстями и жертвами, с эйфорией после легкой победы, и, как следствие этой победы, народная любовь (а у многих, напротив, ненависть) к победителю ГКЧП Ельцину. Возвращение Горбачева и его семьи из Фороса (трясущиеся губы бедной Раисы, которую почему-то многие недолюбливали) в сопровождении бравого Руцкого, уход Горбачева от власти, патетически преподнесенный талантливим журналистом «Итогов» Евгением Киселевым.

Крушение Союза, от чего всем было как-то не по себе, безудержный парад суверенитетов, разгул национализма, революции в республиках, нередко кровавые. Было очень огорчительно, что пространство нашей страны значительно сузилось, что в отделившихся союзных республи-

как мы уже не могли чувствовать себя «как дома». Как теперь ясно, от этого никто не выиграл, кроме верхушки республик, пришедшей к власти.

Конфронтация Думы и правительства, приведшая к политическому кризису 1993-го, сопряженного с большими потерями (в двух знакомых мне семьях погибли сыновья). Многие считали безответственными, даже преступными, призывы Гайдара – участвовать в защите демократии, в расстреле Белого Дома. Тут никакой победной эйфории не было, превалировало тяжелое и мрачное настроение, было ясно – что-то происходит не так.

Огромное количество разнообразных пирамид, внесших в жизнь наших соотечественников элемент азарта, риска, как потом оказалось, неоправданного. Удивительно, как оказались падки люди на тот самый бесплатный сыр, который, как известно, бывает только в мышеловке. Причем обманывались они многократно, раз за разом так ничему и не научаясь. Сколько трагедий и погубленных судеб!

Приватизация

Только теперь, по прошествии 20-ти лет, я могу оценить те поворотные в жизни страны события и понимаю, что приватизация была не так уж нелепо и преступно организована, особенно если сравнить ее с реалиями сегодняшнего дня: ведь теперь приватизации происходят по более жестоким правилам или совсем без них. А тогда трудовым коллективам предоставлялась возможность получить бесплатно 51% акций приватизируемого предприятия. Кроме того, дирекция могла рассчитывать еще на 5%. Учитывая, что государству принадлежало 25%, сохранить контрольный пакет акций было вполне реально, конечно, при наличии сильного руководства.

Вот в этом и была главная загвоздка. Очень немногие из директоров старой закалки могли, а главное, хотели руководить предприятием в изменившихся условиях. Наше руководство в лице Бондаренко и Филатова было абсолютно деморализовано и растеряно. Эх, если бы был жив Потокин! Вот кто мог использовать ситуацию «на все сто» и сохранить Институт. Но человека, подобного Потокину, во всем Институте, тогда еще довольно многочисленном, так и не нашлось: никто не хотел становиться «козлом отпущения». Длительный период застоя, которому предшествовала еще более долгая эпоха террора, не способствовал формированию героев и лидеров – никто не хотел «высовываться».

Даже самые умные и информированные не понимали, как себя вести, чтобы не прогадать. Так, двое из руководителей отделов при распределении отказались от дополнительных ваучеров, на которые имели полное право, так как посчитали их совершенно никчемными, и прогадали. Итак, сотрудники разбогатели – теперь у них были ваучеры. Но что с ними делать, никто не знал.

Были, однако, люди, которые знали, и очень хорошо. Представители «Российского агентства инвестиций и недвижимости» пришли к нашему начальству и пообещали им всё, о чем те мечтали: что в случае, если они будут сотрудничать с РАИНОм, Агентство предоставит Институту проектную работу в любом количестве, что они сохранят за директором и главным инженером их должности, что сохранят нам рабочие места в нашем здании... Условие исполнения всех этих обещаний было одно – способствовать продаже РАИНу акций, принадлежащих сотрудникам Института. И дирекция тут же начала способствовать.

На общем собрании коллектива А.Н.Филатов поведал, что перспективы у Института никакой нет и сохранить коллектив вряд ли удастся. Затем представителям РАИНа предоставили кабинет, примыкающий к дирекции, после чего ни у кого не осталось сомнений, что дирекция с ними заодно.

Скупив то количество акций, которое позволяло получить контрольный пакет, РАИН стало хозяином и Института, который ему, собственнo говоря, совсем не был нужен, и здания, которое когда-то мы строили чуть ли не своими руками, после чего прекратило покупку. Особенно недоверчивые и осторожные так и остались со своими непроданными и никому теперь не нужными ваучерами.

Вскоре состоялось собрание акционеров Гипровуза. Оно проводилось в большом зале Текстильного института, снятого специально для этого события. Зал заполнили сотрудники Института, среди которых были и давно уволившиеся; всем, проработавшим в Институте более 6 или 7 лет, тоже полагались ваучеры. Они продать их, конечно, не успели. Люди, многие из которых давно друг друга не видели, оживленно обменивались новостями. Но в зале было 2 человека, нам совершенно незнакомых. Они молча сидели поодаль.

Собрание объявили открытым. На повестке дня было несколько вопросов, из которых главный – выбор Совета директоров Гипровуза и Генерального директора. Наше начальство сидело в президиуме вместе с кем-то из РАИНа. Мы предполагали, что выберут кого-то из них. Кто-

то был за Бондаренко, кто-то – за Филатова, назывались и другие известные нам фамилии.

Не помню деталей и последовательности процедуры выборов, помню лишь всеобщий шок, когда оказалось, что ни Филатова, ни Бондаренко в списках нет, а главное – что количество голосующих акций всей нашей многочисленной компании в сумме значительно меньше, чем у одного представителя РАИНа, тихо сидевшего в сторонке. Была объявлена фамилия нового директора. Наше, теперь уже бывшее начальство было обескуражено. Они, как и мы, не сразу поняли, что произошло. А когда поняли, почувствовали себя обманутыми и униженными. Мне их совсем не было жалко, поделом им. Новый директор по фамилии Ланге незамедлительно приступил к своим обязанностям, а наше прежнее начальство исчезло, как не бывало.

Ликвидация

Как-то, придя на работу, мы узнали, что ночью в результате разборки между собственниками Ланге был смещен со своего поста и у нас теперь новый директор с вызывающей неприятные ассоциации фамилией Суслов. Ланге больше мы не видели. Новый директор был неприятен не только своей фамилией, но и манерами, стилем поведения и подлой сущностью, которая то и дело давала себя знать. Потом мы узнали, что он кгебшник, связист и что его хозяевами перед ним была поставлена конкретная задача – ликвидировать в Институте проектное направление.

Этим он и занялся, выполняя свою миссию с видимым удовольствием, имеющим садистский оттенок. Наступление на проектировщиков шло по двум направлениям. С одной стороны, все более урезался процент зарплаты от стоимости проекта, в результате чего добывать работу для Института становилось бессмысленным. С другой стороны, ставились препятствия для общения с неофициальными заказчиками, в здание Института они не допускались. Теперь нам приходилось встречаться с заказчиками либо на их территории, либо в метро или на скамеечке в сквере. Выносить чертежи без специального разрешения нам тоже запрещалось. Все это было малоприятно, но все-таки мы терпели и как-то выходили из положения, ухитряясь, наряду с плановыми, мало оплачиваемыми заказами, выполнять другие, за счет которых существовали.

Тем временем постепенно, но неуклонно люди покидали Гипровуз, находя себе применение: кто – в других проектных или строительных

организациях, кто – организовывая свою фирму, кто – становясь чиновниками (главными архитекторами районов или префектур) или работниками ЖЭКа. Кто-то уходил в торговлю, многие – на пенсию, а некоторые – «в мир иной».

В конце 1999 года меня связали с Г.Н.Цытовичем, директором Института общественных зданий (ИОЗ), который решил пополнить коллектив своего института, подобрав высококлассных специалистов, покидающих тонуший гипровузовский корабль. Состоялась встреча между Суловым и руководством ИОЗа. С переходом нашей группы в ИОЗ проектное направление в Гипровузе прекратило свое существование. Но еще долго мне звонили бывшие гипровузовцы, разыскивая архив кадровых и бухгалтерских документов, нужных им для оформления пенсии. Но вскоре Гипровуз исчез без следа, хотя в реестре организаций, прекративших свою деятельность и, следовательно, сдавших свои архивы в Госархив, он не значился и появился лишь много лет спустя¹. Сулова тут же убрали – его миссия была полностью выполнена. Возможно, после нас он был отправлен на ликвидацию еще какого-нибудь, некогда славного и процветающего, а теперь распроданного за копейки института или производства.

Самое смешное и – одновременно – грустное, что ровно через 12 лет с ИОЗом произошло то же, что и с Гипровузом, только в более жестком и гнусном варианте, но это уже другая история. История же Гипровуза на этом заканчивается. Вечная ему память!

Библиографический список

1. Кузнецов С. Эстафетная палочка // МАРХИ XX век: Сб. воспоминаний в 5 т. / Сост. А.Некрасов, А.Щеглов М.: ИД «САЛОН-ПРЕСС», 2006. Т.4. С.168–176.
2. Менчинская Н. Педагог «божьей милостью» // МАРХИ XX век: Сб. воспоминаний в 5 т. / Сост. А.Некрасов, А.Щеглов. М.: ИД «САЛОН-ПРЕСС», 2006. Т.4. С.158–164.
3. Мутанова Г. Архитектор Наталья Менчинская // Архитектура СССР. 1979. №3. С.6, 7.
4. Соловьева Н. Учебный городок химиков // Архитектура: Приложение к «Строительной газете». 1972. №15.
5. Российский государственный архив в г. Самаре. Ф. Р-621. Государственный институт по проектированию высших учебных заведений «Гипровуз» Министерства высшего и среднего специального образования СССР, г. Москва, 1947. 3625 ед. хр.

¹ В Российском государственном архиве в г. Самаре на постоянном хранении находится проектная и управленческая документация Гипровуза [5].

Не читайте историю – читайте биографии,
потому что это – жизнь без теории.

Бенджамин Дизраэли

Желая узнать человека, мы интересуемся его жизнью вплоть до мельчайших подробностей, ибо любой индивидуум представляет собой биографию, своеобразный рассказ. Каждый из нас совпадает с единственным в своём роде сюжетом, непрерывно разворачивающимся в нас и посредством нас.

Оливер Сакс

Геннадий Костырченко

**ГЕНСЕК-
СТОЛОНАЧАЛЬНИК:**

**ШТРИХИ БИОГРАФИИ
КОНСТАНТИНА ЧЕРНЕНКО**

УДК
929

Очень недолгое правление генерального секретаря ЦК КПСС Константина Черненко, продлившееся чуть более года и увенчавшее застойно-геронтократический период существования СССР, было исполнено исторического символизма. Оно явило собой предельно наглядный месседж: выстроенная Сталиным под сильного авторитарного лидера советская социально-политическая система не способна нормально функционировать и при ослаблении верховной власти в стране она начинает стремительно деградировать. К сожалению, правящая элита оказалась тогда неспособной адекватно ответить на этот и другие вызовы, не смогла осуществить правильное реформирование государства, наладив при этом конструктивный диалог с обществом. Эта роковая для судьбы страны несостоятельность советских верхов ярко проявилась уже в годы горбачевской перестройки, закономерно предопределив катастрофический финал СССР.

Very short leadership of the General Secretary of the CPSU Konstantin Chernenko, which continued a little more than a year and crowned the stagnant-gerontocratic period of the USSR, was filled with historical symbolism. Leadership of Chernenko was indicated a very clear message: the Soviet socio-political system built by Stalin for a strong authoritarian leader, is not able to function normally and it begins to degrade with the weakening of the Supreme power in the country. Unfortunately, the ruling elite was unable to adequately respond to this and other challenges, it failed to implement the correct reform of the state and establish a constructive dialogue with society. This fatal failure was most clearly manifested in the years of Gorbachev's perestroika, which caused predetermined catastrophic finale of the USSR.

Ключевые слова: Константин Черненко; Леонид Брежнев; Юрий Андропов; СССР; Молдавия; ЦК КПСС; МИД; номенклатура; еврейский вопрос; антисемитизм; диссиденты.

Key words: Konstantin Chernenko; Leonid Brezhnev; Yuri Andropov; the USSR; Moldavia; the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union; the Ministry of Foreign Affairs; nomenklatura; Jewish question; antisemitism; dissidents.

E-mail: genkost@mail.ru.

**В качестве преемника
Андропова**

Когда 9 февраля 1984 г. умер тяжело больной Ю.В.Андропов, у престарелого в большинстве своем состава Политбюро не было сомнений и разногласий относительно того, кто

займет его место. 13 февраля все его члены единодушно поддержали предложение председателя Совмина СССР Н.А.Тихонова избрать новым генсеком Константина Устиновича Черненко. И хотя тот и был так же тяжело болен, как и его предшественник на этом посту, и значительно уступал тому в интеллекте и организационных способностях, однако, как ни парадоксально, именно поэтому он как некая очень временная (до намечавшегося на начало 1986 г. XXVII съезда КПСС) компромиссная фигура устраивал две основные тайно противоборствовавшие друг с другом группировки в советском высшем руководстве – доминировавшую консервативную, в которой превалировали старцы-ретрограды и к которой оппортунистически примыкал тогда Горбачев, и пока что достаточно слабую либеральную, чей неформальный глава А.Н.Яковлев целое десятилетие пребывал послом в почетной ссылке в Канаде, а возвратившись в Москву, стал в августе 1983 г. директором академического Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО). Такой, в общем-то, властно малозначительной должностью Яковлев вынужден был удовольствоваться из-за прохладного отношения к нему Андропова, который наряду с прочим винил его и в провале советской резидентуры в Канаде, откуда по подозрению в разведывательной деятельности было выслано в 1979 г. 13 сотрудников советского посольства¹. Кстати, тогда за Яковлева вступился давно покровительствовавший ему Суслов [16, с.212–213].

Следует еще отметить, что в ИМЭМО Яковлев пришел в очень непростой для этого научного учреждения момент. По обвинению в различных махинациях и присвоении государственного имущества там был арестован в начале 1982 г. заместитель директора института по хозяйственной части. К тому же вскоре, в апреле, взяли под стражу и двух научных сотрудников института – П.Кудюкина и А.Фадины, которые на-

¹ *Став генсеком, Андропов отомстил премьер-министру Канады П.Трюдо, отказав в просьбе освободить находившегося в заключении деятеля сионистского движения в СССР А.Щаранского.*

ряду с Б.Кагарлицким, Ю.Хавкиным, М.Ривкиным и др. входили в так называемый кружок молодых социалистов, связанный с диссидентским СМОТом. Тогда в институт нагрянула комиссия ЦК во главе с членом Политбюро и первым секретарем МГК КПСС В.В.Гришиным. По итогам проверки констатировались идеологический провал института и его кадровая засоренность «сионистскими элементами», а один из членов комиссии, заведующий сектором экономических наук Отдела науки ЦК М.И.Волков (был женат на сестре жены К.У.Черненко), наотмашь заявил, что институт «хвалят враги» [10, с.467–468]. Эти и другие обвинения – их на Политбюро озвучил Ю.В.Андропов – тяжело переживал директор ИМЭМО, академик Н.Н.Иноземцев, руководивший им с 1966 г. Одновременно усилились досаждавшие Николаю Николаевичу Иноземцеву и распространявшиеся Русской партией пересуды о том, что «Кока-Кола» (уничжительная кличка Иноземцева) [13, с.31] – еврей, скрывающий настоящее отчество «Израильевич» и «пригревший» на должности заместителя «своего соплеменника» Г.И.Морозова (бывший зять И.В.Сталина). Не перенеся всех этих треволнений, Иноземцев умер 12 августа 1982 г. от сердечного приступа.

Под впечатлением от этого печального события сотрудники ИМЭМО Г.А.Арбатов и А.Е.Бовин добились в конце октября 1982 г. встречи с Брежневым, которого попросили оградить институт от дальнейших нападков со стороны Гришина и других высокопоставленных ревизоров. И если ранее Андропов никак не отреагировал на подобное обращение этих бывших помощников Брежнева, то последний постарался им помочь. В их присутствии он позвонил по «громкой связи» Гришину, дав тому понять, что следует немедленно прекратить «дело ИМЭМО» [7, с.275–276].

Возвращаясь к консенсусу в высшей бюрократии по лидерству Черненко, следует отметить, что тот был обусловлен не только его физической немощью, а значит и неспособностью к принятию сколько-нибудь крутых мер, в том числе и кадровых. Важно было и то, что, подобно византийскому евнуху, он психологически был полностью лишен претензий на верховную власть. Вот какую незавидную характеристику дал ему позднее А.Н.Яковлев: «...Как человек был незлобивым, компанейским, открытым. Как политик – никчем, полуграмотен, постоянно нуждался в опеке, ибо мало знал и еще меньше понимал. Стандартный тип бумаготворца, случайно вытасченного наверх Брежневым» [16, с.229].

Именно потому, что у Черненко изначально отсутствовали вождистские амбиции (как, кстати, и у Суслова), они оба смогли стать при Брежневе самыми влиятельными партаппаратчиками. Будучи секретарем ЦК, Черненко вплоть до 1982 г. возглавлял на Старой площади Общий отдел – ключевой по степени концентрации номенклатурной власти. В нем составлялись наиболее важные документы ЦК, в том числе повестки дня заседаний Секретариата ЦК (собирался по вторникам) – главного в системе управления партией и государством оперативного органа, во многом предопределявшего решения стоявшего над ним Политбюро, которое хоть и должно было заседать еженедельно по четвергам, но зачастую функционировало в заочном режиме. Кроме того, все помощники генсека и секретарей ЦК состояли в штате Общего отдела. И это обстоятельство было весьма важным, о чем свидетельствует следующее замечание такого высокопоставленного идеологического функционера, как М.Ф.Ненашев: с «позднего» Брежнева началось время «аппаратного всемогущества помощников» [12, с.70].

В сонме цеховских референтов наиболее влиятельными были: В.В.Прибытков (старший помощник) и В.А.Печенев (по пропаганде), А.И.Вольский (по экономике), А.М.Александров-Агентов (по внешней политике). Последний отмечал впоследствии «явную неприязнь» Черненко к Андропову, выразившуюся, в частности, в том, что, став генсеком, Константин Устинович заявил с «определенным раздражением»: «Работать будем по-брежневски, как при Леониде Ильиче» [6, с.284]. И это при том, что, начиная с сентября 1983 г., тяжело больной Андропов доверил Черненко вести вместо себя заседания Политбюро.

Но наиболее важную роль в аппаратном окружении Черненко играл К.М.Боголюбов, который был его заместителем в Общем отделе ЦК, став преемником в декабре 1982 г. Поистине олицетворяя собой афоризм Николая I «в России правят столон начальники», он не только для сбора компромата завел досье на всех секретарей ЦК, но и, никогда не воевав, вписал себя в наградной список ветеранов, составленный к 40-летию Победы. Скандально погорев, этот одиозный деятель был с позором отправлен в 1985 г. на пенсию [14, с.37].

Сибирское начало

Чтобы понять, кем был на самом деле Черненко, необходимо хотя бы вкратце остановиться на его биографии. Родился он в 1911 г. в селе Большая Тесь Минусинского округа в крестьянской семье, переселившейся в конце XIX в. в Восточную Сибирь из Украины. Рано лишившись матери (умерла от тифа в 1919 г.), хилый и слабый здоровьем Костя Черненко рано начал трудовую деятельность, нанимаясь уже с 12 лет батраком в хозяйства зажиточных крестьян. Закончив в родном селе начальную школу, поступил в школу-интернат второй ступени в г. Новоселово. Большую роль на начальном этапе карьеры Константина Черненко сыграла опекавшая его старшая сестра Валентина, которая потом работала заведующей орготделом Красноярского горкома ВКП(б). Не без ее помощи получил в 1927 г. путевку в Алма-Атинский комвуз (шестимесячные пропагандистские курсы), по окончании которого возглавлял в последующие три года агит-

Заведующий Агитпропотделом
Новоселовского РК ВЛКСМ.
1928 г.

Парторг погранзаставы Хоргос.
1933 г.

пропотдел Новоселковского РК комсомола. С 1930 г. Черненко проходил воинскую службу в составе 49-го Джаркентского кавалерийского пограничного отряда ОГПУ. Как пулеметчик участвовал в бое-столкновении с отрядом повстанцев, которые под водительством известного «басмача» Бекмуратова прикрывали откочевку в китайский Синьцзян гонимых коллективизацией и голодом казахских семей. В 1931 г. вступил в ВКП(б), став вскоре парторгом погранзаставы Хоргос (Талды-Курганская обл.).

Демобилизовавшись в 1934 г. в звании политрука, работал в культпропотделах различных райкомов партии Красноярского

края. А в 1937 г. в качестве директора краевого дома партпросвета перебрался на жительство в региональный центр. Войну встретил заместителем заведующего Агитпропотделом Красноярского крайкома. Получив бронь, не был направлен в действующую армию. Вместо этого откомандирован в 1943 г. на учебу в Москву, где в Высшей школе парт-организаторов завершил свое образование. По ее окончании в 1945 г. направлен в Пензу, исправляя там до начала 1948 г. должность секретаря обкома по пропаганде.

А далее в биографии Черненко произошло очень важное событие: 11 марта 1948 г. ЦК ВКП(б) принял решение об утверждении его инспектором ЦК, что подразумевало скорое назначение первым секретарем одного из обкомов или крайкомов партии. Однако буквально через несколько дней вместо крутого карьерного

Вместе с женой

Анной Дмитриевной Черненко (Любимовой)

взлета неожиданно произошла катастрофа. В середине марта в ЦК обратилась бывшая жена Черненко Н.В.Кушнер, которая обвинила его в «недостойном поведении в быту», расписав в деталях прошлую явно повышенную матримониальную активность. Оказалось, что при вроде бы полном отсутствии замашек ловеласа тот за 1934–1943 гг. успел сменить аж четырех жен, пока в 1944 г. не остепенился, заключив брак с пятой – А.Д.Любимовой. Поскольку в результате расследования было установлено, что «тов. Черненко К.У., сходясь с другими женщинами, бросал своих жен вместе с детьми», 25 марта 1948 г. его назначение инспектором ЦК было аннулировано [2, д.18. л.86–92].

Встреча с Брежневым в Молдавии

4 мая 1948 г. явно с понижением Черненко направили в Кишинев заместителем заведующего Отделом пропаганды и агитации ЦК КП(б) Молдавии [2, д.43, л.17]. Правда, уже

через несколько месяцев повысили, поставив во главе этого отдела, чему во многом способствовало присущее Черненко умение ладить с начальством [2, д.43, л.17]. Хорошие отношения сложились у него как с первым секретарем ЦК КП Молдавии Н.Г.Ковалем, так и третьим сек-

ретарем (по пропаганде) М.М.Радулом. Однако уже весной 1949 г., когда под аккомпанемент призывов к борьбе против антипатриотов и космополитов набирала силу чистка чиновных кадров, был смещен Радул («как не обеспечивший руководства идеологической работой»), а осенью 1949 г. служебное кресло зашаталось и под Ковалем. Тогда уполномоченный ЦК ВКП(б) по Молдавской ССР М.А.Туркин направил в Москву донос на него, приложив, видимо, для пущей убедительности незамысловатую анонимку: «Нас, некоторых граждан, интересует один непонятный вопрос... почему у нас сидит секретарь ЦК партии, сын кулака, крупного торговца – это Коваль Н.Г. Отец его не так давно умер. Но кровь не вода, кулак кулаком и останется. Это – капиталистический элемент, враг Советской власти... А второе, у него жена – еврейка, дочь крупного маклера, и сейчас царицей себя чувствует, и евреев насаждает, где ни посмотри, засели евреи, и домой везут все своей царице... Тут кто-то просмотрел. Ошибка. Он – националист... Присмотритесь. ЗЕМЛЯК» [3, д.617, л.104–108].

«Крупные ошибки» Ковалю подверглись 5 июня 1950 г. острой критике в постановлении ЦК ВКП(б) «О недостатках в работе ЦК КП(б) Молдавии». Чтобы его снять, 4 июля 1950 г. был создан пленум ЦК КП(б) Молдавии, на который в сопровождении заведующего планово-финансово-торгового отдела ЦК ВКП(б) Н.Н.Шаталина прибыл из Москвы Л.И.Брежнев – инспектор ЦК, а в недавнем прошлом первый секретарь Днепропетровского обкома. Его и поставили 14 июля во главе Компартии Молдавии. Потом очень скоро была ликвидирована должность уполномоченного ЦК ВКП(б) по Молдавской ССР, а занимавшего ее кляузного Туркина отозвали в Москву [2, д.968, л.1–3]. Произошло это, видимо, не без старания Брежнева, которому Туркин был действительно опасен хотя бы уже потому, что Брежнев стал опекать председателя Совета Министров Молдавии Г.Я.Рудя, о котором Туркин еще в январе 1950 г. донес в Москву, что тот прикрывает незаконные торговые операции своего тестя Ш.С.Гарбера, сбывавшего по спекулятивным ценам в Москве крупные партии яблок и сухофруктов. После того как Гарбера арестовали и на смещении Рудя стал настаивать председатель Президиума Верховного Совета МССР Ф.Г.Бровко, Брежнев отделался и от того, быстро сместив с должности [2, д.707, л.244–247].

ГЕНСЕК-СТОЛОНАЧАЛЬНИК: ШТРИХИ БИОГРАФИИ КОНСТАНТИНА ЧЕРНЕНКО

Разобрался Брежнев и со своим предшественником в Молдавии Ковалем. Низведенный до первого секретаря Кишиневского горкома, тот осенью 1950 г. был отправлен в Москву на курсы переподготовки при Академии общественных наук. И хотя Маленков и пообещал Ковалю хорошее трудоустройство по окончании учебы, однако этого не произошло и, возможно, потому, что Брежнев сообщил в ЦК ВКП(б) о 20-летнем сроке лишения свободы, определенном 2 августа 1951 г. Верховным судом МССР для брата Н.Г.Ковалья Василия, обвиненного в хищении госимущества [3, д.617, л.99]. С большим трудом Николаю Ковалю все же удалось пристроиться в Министерство сельского хозяйства СССР на совсем непрестижную должность заместителя начальника одного из главков. Так что в Молдавию тот так и не вернулся, чего, собственно, и добивался Брежнев.

В Молдавии: Брежнев (второй слева в первом ряду)
и, возможно, Черненко (за Брежневым справа). Начало 1950-х

То, что с середины 1950 г. Молдавию возглавил Брежнев, в значительной мере помогло Черненко выжить в той сложной ситуации, в какой оказался тогда республиканский Агитпроп. Над ним действительно сгустились тучи, что явствует хотя бы из следующей записки Отдела

пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), направленной в начале 1950 г. Г.М.Маленкову: «<...> ЦК КП(б) Молдавии плохо руководит идеологической работой в республике, проявляет беспечность в борьбе с буржуазно-националистической идеологией... проходит мимо фактов протаскивания в литературу безыдейности, низкопоклонства перед Западом, румынизации языка, литературы и искусства, принижения прогрессивной роли русской культуры. В союзе писателей подвизались такие, как И.Истру, Менюк, Л.Деляну (Клигман), Л.Корняну (Корнфельд), Д.Ветров (Фиксман), Шрайбман, Баржанский, которые не покончили со своим реакционным прошлым... В среде работников искусств окопались низкопробные дельцы: композитор Гершфельд...» [4, д.102, л.98–102].

Сумев очень быстро убедить Брежнева в личной преданности, Черненко застолбил тем самым весьма хлебное место в ближайшем окружении этого перспективного в тех советских условиях политика, ставшего для него карьерным локомотивом на всю оставшуюся жизнь. Вспоминая впоследствии о годах работы в Молдавии, Брежнев тепло отзывался о тогдашнем Черненко: «Молодой, энергичный коммунист, еще до работы в республике приобретший большой партийный опыт, он все силы отдавал порученному делу» [8, с.10].

Известно, что информация о тяге Брежнева к красивой жизни и его служебных злоупотреблениях стала поступать в Инстанцию давно. В этом плане его работа в Молдавии не стала исключением. В записке, которую Отдел партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б) направил 23 ноября 1951 г. Г.М.Маленкову, был выделен раздел «О личных недостатках Брежнева Л.И.». В нем констатировалось: «т. Брежнев нередко преувеличивает положительные стороны в работе <...> своим неправильным поведением не способствует развертыванию критики и самокритики». Еще сообщалось, что в ходе VII пленума ЦК КП(б) Молдавии Брежнев «грубыми репликами» более 20 раз прерывал выступление одного из секретарей райкомов, посмеявшегося пожаловаться на поставки бракованных кукурузосажалок. Под ехидные смешки льстецов он срезал «очернителя» язвительной фразой: «Я вам... на одном совещании радиоприемник подарил, а теперь вижу, что вам нужна кукурузосажалка».

Отмечалось также, что «Брежнев допускает неправильное отношение к подбору некоторых лиц на руководящую работу». И далее конкретизировалось: «Первым заместителем председателя СМ МССР по просьбе

т. Брежнева утвержден т. Щелоков, ранее работавший на Украине». Приводилась и следующая выдержка из письма Сталину одного из республиканских чиновников: «...Мне кажется, что он (Брежнев. – Г.К.) не считается с мнением коммунистов, потому что любит подхалимов. Чтобы быть выдвинутым, не нужно быть хорошим работником и стойким большевиком. Для этого достаточно хотя бы раз на собрании или совещании сказать: "Брежнев сказал"... "он учит"... "под руководством т. Брежнева". Брежнев мнит себя вождем Молдавии». В записке от 23 ноября 1951 г. указывалось и на то, что «т. Брежнев проявляет нескромность в личной жизни, на ремонт квартиры затратил 157 тысяч рублей государственных средств, члены семьи т. Брежнева... разъезжают на автомашинах ЦК в Днепропетровск, поломали 11 машин... председатель СМ МССР т. Рудь Г.Я. подарил дочери Брежнева каракулеву шубу...» [3, д.486, л.99–106].

Начальник секретариата
Президиума Верховного
Совета СССР. 1960 г.

Хотя по этим фактам ЦК ВКП (б) и предпринял служебное расследование, Брежнева не тронули: видимо, за него в Москве заступился Г.М.Маленков.

**Карьера в Москве:
от завсектором ЦК
до генсека**

После того как осенью 1952 г. Брежнев перебрался в Москву, он не забыл о своем протее. Став в 1956-ом секретарем ЦК КПСС, он в том же году забрал к себе Черненко, добив-

шись его назначения в Отделе пропаганды и агитации ЦК по союзным республикам заведующим сектором массовой агитации. Перевод этот произошел с подачи помощника Брежнева Голикова, который так вспоминал об этом в 1990 г.: «Обстановка в республике (Молдавии. – Г.К.) скоро стала меняться. После известных записок Берии в Молдавии произошла сильная вспышка национализма. Черненко... примчался ко мне и умоляет: "Слушай, помоги мне. Приходят молдаване и говорят, что я 8 лет сижу, место занимаю. Наглостью их бог не обидел. Помоги куда-нибудь уехать, только в Россию. Куда угодно". Я, конечно, прежде о Мо-

Грани катастрофы

скве подумал. Нет ли здесь подходящего места, да, чувствую, и он пришел ко мне не для того, чтобы в тьмутаракань проситься. Посмотрел я список, смотрю, в одном секторе отдела пропаганды ЦК вместо фамилии – прочерк. Значит, место не занято. Я пошел к Леониду Ильичу. <...> Ну, в общем так, Брежнев помог» [9].

Его новое удостоверение

А когда в мае 1960 г. Брежнев сменил К.Е.Ворошилова на посту председателя Президиума Верховного Совета СССР, он вновь потянул за собой Черненко, сделав начальником секретариата этой высшей законодательной структуры.

Однако после того, как Брежнев сдал в 1964 г. полномочия советского президента А.И.Микояну, Черненко очутился в эпицентре крупного скандала. Будучи человеком Брежнева, он пришелся не по душе Микояну, который «открыто назвал Черненко нечестным человеком, предложив ему уволиться из аппарата Верховного Совета и "добровольно положить партбилет на стол"» [11, с.6–7]. Впрочем, вследствие этого конфликта Черненко не только ничего не потерял, напротив, даже приобрел. Благодаря тому, что уже несколько месяцев Брежнев был генсеком, Черненко переместился в 1965 г.

Рядом с Брежневым как заведующий
Общим отделом ЦК.1 марта 1973 г.

Благодаря тому, что уже несколько месяцев Брежнев был генсеком, Черненко переместился в 1965 г.

ГЕНСЕК-СТОЛОНАЧАЛЬНИК: ШТРИХИ БИОГРАФИИ КОНСТАНТИНА ЧЕРНЕНКО

на Старую площадь, получив там весьма значимую в номенклатурной системе должность заведующего Общим отделом.

А спустя два десятилетия Черненко – уже сам генсек, причем всего лишь через год с небольшим после смерти своего главного карьерного покровителя. Однако совсем не такой лидер требовался великой стране, стоявшей к тому же на пороге тяжких судьбоносных испытаний. И если Андропов хотя бы задумывался о назревших и даже перезревших к тому времени системных реформах, то его преемник Черненко о них даже не помышлял, живя одним днем и желая разве что максимально продлить свое угасание. Не удивительно, что этот физически и умственно немощный человек, который по воле случая оказался на вершине власти, всецело передоверил ее ближайшему аппаратному окружению. А то, инстинктивно следуя в большинстве своем старой, времен Николая I, формуле барона М.А.Корфа «не трогать ни части, ни целого; так мы, может быть, дольше проживем», употребило эту власть в основном для ужесточения государственной охранительной политики.

Наиболее консервативной линии придерживался министр обороны Устинов, который 12 июля 1984 г. предложил на Политбюро переименовать к 40-летию Победы Волгоград в Сталинград [5, с.540]. Незадолго до этого, 31 мая, Политбюро восстановило В.М.Молотова в КПСС. Уже на следующий день он был доставлен на Старую площадь, где Черненко лично проинформировал его об этом решении [5, с.538–539]. Своей политической реабилитацией Молотов во многом был обязан главному редактору «Коммуниста» Р.И.Косолапову, который этой идеей поделился с помощниками Черненко. По поводу встречи последнего с Молотовым французская пресса съязвила в том роде, что советский генсек готовит себе преемника [15, с.533].

Примерно в это же время развивался скандал с экс-чемпионом мира по шахматам М.М.Ботвинником, возникший после того как 17 мая

Новый лидер СССР
на обложке американского журнала

1984 г. заместитель председателя КГБ Ф.Д.Бобков направил на Старую площадь ксерокопию весьма откровенного интервью советского гроссмейстера, данного ранее корреспонденту «Нового русского слова» М.А.Файнбергу (эмигрировал из СССР в 1979 г.) во время пребывания в Нью-Йорке на четвертом чемпионате мира по шахматным компьютерным программам. Поскольку, судя по публикации в указанном западном издании, Ботвинник позволил себе ряд грубых заявлений в адрес таких своих коллег, как А.Е.Карпов и М.Н.Таль, секретарь ЦК Зимянин наложил на записку Бобкова следующую адресованную заведующему Отделом пропаганды Б.И.Стукалину резолюцию: «Подумайте, как привести в порядок т. Ботвинника. Его поведение цинично, совершенно недопустимо с гражданских позиций» [1, д.1068, л.1]. 13 июня Стукалин представил Зимянину следующее предложение: «Учитывая поведение М.Ботвинника и нездоровый интерес, который проявляют к нему наши идейные противники, полагаем целесообразным впредь ограничивать его зарубежные поездки». На сем Зимянин начертал 2 июля: «Согласен» [1, д.1068, л.6].

Хотя данную принятую в отношении Ботвинника рестрикцию вряд ли можно считать обусловленной ресталинизацией, однако в рамки последней вполне вписывалось то, что в конце ноября 1984 г. Черненко санкционировал возвращение в СССР дочери Сталина С.И.Аллилуевой. Правда, прибыв в Советский Союз вместе с дочерью Ольгой, та очень

Пресс-конференция С.И.Аллилуевой
в Москве. 1984 г.

недолго пробыла на родине. Спустя всего лишь месяца четыре она выехала обратно на Запад, опасаясь, очевидно, стать пропагандистским козырем в руках активизировавшихся общественных приверженцев Сталина. Парадоксально, но это произошло уже после смерти Черненко, когда страшившее Аллилуеву возрождение сталинизма сбила вскоре мощная волна либерализации, запустившая обратный отсчет существования советской эпохи.

ГЕНСЕК-СТОЛОНАЧАЛЬНИК: ШТРИХИ БИОГРАФИИ КОНСТАНТИНА ЧЕРНЕНКО

Список сокращений

ВКП(б)	Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВЛКСМ	Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи
генсек	генеральный секретарь
ИМЭМО	Институт мировой экономики и международных отношений
КГБ	Комитет государственной безопасности
КПСС	Коммунистическая партия Советского Союза
МГК	Московский городской комитет
МССР	Молдавская Советская Социалистическая Республика
ОГПУ	Объединенное государственное политическое управление
РГАНИ	Российский государственный архив новейшей истории
РГАСПИ	Российский государственный архив социально-политической истории
РК	районный комитет
СМ	Совет Министров
СМОТ	Свободное межпрофессиональное объединение трудящихся
Совмин	Совет Министров
СССР	Союз Советских Социалистических Республик
ЦК	Центральный комитет

Библиографический список

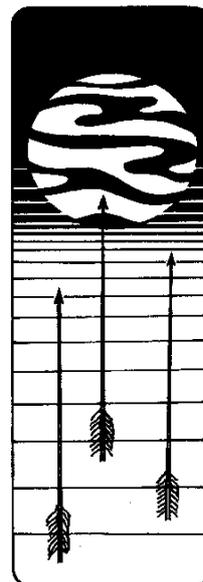
1. РГАНИ. Ф.5. Оп.90.
2. РГАСПИ. Ф.17. Оп.118.
3. РГАСПИ. Ф.17. Оп.119.
4. РГАСПИ. Ф.17. Оп.132.
5. Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3-х тт. Т.2. М., 2003. С.540.
6. Александров-Агентов А.М. От Коллонтай до Горбачева. М., 1994.
7. Арбатов Г.А. Затянувшееся выздоровление (1953–1985 гг.). Свидетельство современника. М., 1991.
8. Брежнев Л.И. Молдавская весна // Новый мир. 1983. №1. С.3–67.
9. Генсек Брежнев (беседа Валерия Болдина с Виктором Голиковым) // Завтра. 2002. 26 ноября. №48(471) – <http://zavtra.ru/blogs/2002-11-2681>.
10. Зенькович Н.А. Самые секретные родственники. Энциклопедия биографий. М., 2005.
11. Микоян А.И. Так было. Размышления о минувшем. М., 1999.
12. Ненашев М.Ф. Заложник времени: Заметки. Размышления. Свидетельства. М., 1993.
13. Печенев В.А. Горбачев: к вершинам власти: (Из теоретико-мемуарных размышлений). М., 1991.
14. Прибытков В.В. Аппарат. СПб., 1995.
15. Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф.И.Чуева. М., 1991.
16. Яковлев А.Н. Омут памяти. М., 2000.

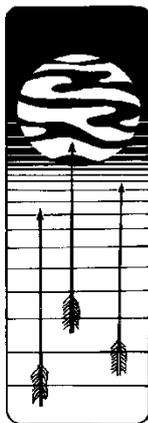
XVII век в России принял на себя функцию эпохи Возрождения, но принял в особых условиях и сложных обстоятельствах, а потому и сам был «особым», неузнанным в своем значении. Развитие культурных явлений в нем не отличалось стройностью и ясностью. Так бывает всегда, когда историческое движение сбито посторонними силами, внешними неблагоприятными обстоятельствами.

Д.С.Лихачев

Естественно, что обиходный слой весьма консервативен; он меняется гораздо медленнее, нежели событийный. Обиход трудно описывать, потому что это обиход, который сам себе довлеет и сам собою разумеется. В периоды «спокойного» развития о нем не спорят, носители обихода его как бы не замечают... Но в эпохи скачков обиход превращается в событие.

А.М.Панченко

Андрей Каравашкин

НА ГРАНИЦЕ ЭПОХ

ЛИТЕРАТУРНАЯ АРХАИКА В
КНИЖНОСТИ XVII В.
(ТРИ ПРИМЕРА)

ПУТИ ДУХОВНЫХ ИСКАНИИ

УДК
82.091

В статье рассматривается древнерусская литературная культура как совокупность приемов и рече-поведенческих тактик, сложившихся еще на заре восточнославянского искусства слова. XVII век, как переходная эпоха в истории русской культуры, отмечен небывалым доселе новаторством. Южнославянское влияние сменяется в это время западнославянским, в литературу хлынул поток новых переводов, среди которых было много светских беллетристических текстов. На смену традиционным символическим и прагматическим способам познания действительности приходит схоластический рационализм. Тем не менее традиции древней книжной культуры остаются авторитетными и значимыми. Литературная архаика по-прежнему заявляет о себе. Связь с консервативным литературным обычаем была повсеместной. Это доказывают, в частности, такие известные памятники литературы переходной эпохи, как «Житие Юлиании Лазаревской», «Латухинская Степенная книга» Тихона Макарьевского и эпистолярное наследие патриарха Никона.

The article deals with the old Russian literary culture taken as the aggregate of techniques and speech-and-behavioral tactics that had been developed in the early days of the East Slavic art of writing. The 17th century as transitory period in the Russian culture history was distinguished with the unprecedented innovativeness. The South Slavic influence was replaced with the West Slavic influence and a stream of new translations including translations of secular fictional texts gushed in the Russian literature. Conventional symbolic and pragmatic ways of the reality cognition was replaced with scholastic rationalism. Yet traditions remained to be respected and significant. The long-established archaic still asserted itself. The connection with conservative literary custom was wide-spread and universal. This thesis is proved by examples of three famous monuments of the transitory period literature: "The Life of Yulianina Lazarevskaya", "The Latukhinskaya genealogic book" by Tikhon Makar'evski and the epistolary heritage of Patriarch Nikon.

Ключевые слова: литературный обычай Древней Руси, Средневековье, XVII век, переходный период, книжность, риторика, конвенциональные модели, топосы, формообразующие модели, агиография, летописание, рече-поведенческие тактики, эпистолография, суггестия.

Key words: the literary custom of the Old Russia; the Middle Ages; the 17th century; the transitory period; the booklore; rhetoric; conventional patterns; topoi; seminal patterns; hagiography; chronicle writing; speech-and-behavioral tactics; epistolography; suggestion.

E-mail: karavash2008@yandex.ru.

Семнадцатое столетие было не только эпохой бунтов, войн и смуты, но и временем культурной поляризации, споров, конфликтов и противостояния ценностных установок. Эти столкновения как бы исподволь готовили средневековую словесность к переходу в новое состояние, когда она постепенно перекочевала из сферы живой и развивающейся практики в разряд реликта, источника исторической памяти, когда она стала подводным течением русской культуры.

Объединять несоединимое, сближать противоположное, эстетически воплощать пестроту и сложность формообразования – вот одна из важнейших потребностей XVII в., который, казалось бы, почти не боится противоречий. Тем не менее в литературе переходного периода нас будет интересовать не столько событийное, сколько обиходное, не столько оригинальное, сколько традиционное¹.

Литературным обычаем мы называем единство приемов, которые отличали древнерусскую книжную традицию на всем протяжении ее развития. Консерватизм древнерусской словесности покоился на воспроизведении готовых средств выражения. Характеризуя литературную культуру восточных славян, В.П.Адрианова-Перетц и Д.С.Лихачев обратились к поэтике средневековой словесности как *системе целого* [1; 13]. Восточнославянская книжность с этой точки зрения была представлена в аспекте синхронии, как совокупность традиционных и порой совершенно неизменных способов изображать явления (постоянные эпитеты, устойчивые метафоры и сравнения) и как преобладание трафаретного, общепринятого («литературный эти-

¹ *Оппозиция «событийного» и «обиходного» принадлежит А.М.Панченко. Если событийный слой связан с культурными сенсациями (новые имена, небывалые эстетические феномены, нарушающие традицию принципы), то обиходный слой незаметен до тех пор, пока творцы культуры не начинают обсуждать общепринятое на фоне сенсационного. Ученый замечал: «Обиходный слой составляет фундамент слоя событийного. Обиход слагается из «прописей», из принятых каждой социальной и культурной формацией аксиом, трактующих о добре и зле, о жизни и смерти, о прекрасном и безобразном, определяющих поведенческие структуры, нравственные и эстетические запреты и рекомендации. Естественно, что обиходный слой весьма консервативен; он меняется гораздо медленнее, нежели событийный. Обиход трудно описывать, потому что это обиход, который сам себе довлеет и сам собою разумеется. В периоды «спокойного» развития о нем не спорят, носители обихода его как бы не замечают...» [14, с.8–9].*

кет») над индивидуальным и реалистическим. Любое отклонение от литературного обихода в этом смысле рассматривалось не только как нарушение традиции, но и порой как смелое овладение элементами действительности, ее отражение, как художественное завоевание. Со временем, однако, стало ясно, что обнаружить новаторское в древнерусской литературной культуре гораздо сложнее, чем принято было думать. А сам древнерусский «реализм» был, скорее всего, данью определенным идеологическим конструктам советского литературоведения. Традиция восточнославянского искусства слова вошла в ткань средневековой книжности настолько глубоко и всепроникающе, что отделить в памятнике этикетное от неэтикетного, достигнув при этом корректной интерпретации, бывает довольно сложно.

Переходная эпоха в этом смысле мало отличается от предшествующих веков литературной культуры русского Средневековья (XIII–XVI вв.). XVII столетие остается его органичным порождением и продолжением. Как и в раннюю пору, в литературе «переходного» периода сохраняются типичные способы объяснять историческую реальность (конвенциональные модели²), типичные способы подыскивать аналогии, сюжетные ситуации, крылатые фразы, которые уже были известны предшественникам (топосы), и типичные конструкции, позволяющие придать высказыванию хорошо знакомый композиционный облик (формообразующие модели) [10, с.35–64]. Все эти уровни литературного обычая образуют хорошо знакомую матрицу древнерусской риторической книжной культуры и с многочисленными вариациями (набор их и сочетания чрезвычайно разнообразны) воспроизводятся в текстах переходной эпохи. Наша цель на некоторых примерах это продемонстрировать. Мы рассмотрим то, как отдельные элементы литературного обычая Древней Руси становились объектами рецепции в XVII в., когда и при каких обстоятельствах они трансформировались, в каком идейном и формальном контексте оказывались. Попробуем ответить и на вопрос о том, как происходило приращение нового смысла в случае переноса устойчивого комплекса сюжетов, мотивов, образов в новый контекст, как традиция становилась поводом или точкой отсчета для реализации оригинального замысла.

² «Дух эпохи» или ее ментальность, по мысли А.М.Панченко [14, с.298–299]. О «конвенциональных моделях» см.: [9, с.9–30].

Житие Юлиании Лазаревской В XVII в. создаются тексты, радикальным образом, казалось бы, порывающие с литературным обиходом. Еще недавно было невозможно представить себе житие святой, которая практически не бывала в церкви, занималась домашними делами, была хозяйкой, а не монахиней-подвижницей. Но вот после Смуты такое житие появляется. И оно, как это ни странно, несет в себе черты вполне традиционные, то есть функционирует в качестве агиографического памятника, хотя по существу служит прославлению особого рода мирской аскезы, тесно связанной как с типичными житийными ситуациями, так и с принципами «Домостроя», возведенными в ранг текста-образца [4, с.106–109]. Трудно сказать, что здесь первично: литература, которая служит руководством для повседневной жизни, или повседневная жизнь, в которой вдруг проявляются топоры литературы.

Заметим, что благочестие Юлиании мирское, а не обмирщенное. И в этом заключалась принципиальная разница. Конечно, жизнь мирянина отличалась от жизни монаха. Тем не менее она была проникнута строгими предписаниями и правилами, которые устанавливал «Домострой»³. Поэтому близость (не путать с полным совпадением) норм монашеских и мирских не была исключена, во всяком случае – для праведников в миру. По наблюдениям И.Л.Бусевой-Давыдовой, Юлиания точно выполняет многие предписания «Домостроя»: она заботится о своих слугах и кормит их до тех пор, пока в доме сохраняются запасы, в голодное время отпускает «рабов» на волю, поскольку не может их прокормить; о нищих и больных святая также заботится в строгом соответствии с заповедями душевспасительного кодекса христианской жизни. Это касается и уважения к старшим, и рукоделия, и совершаемых молитв, и многих требований, соблюдение которых считалось обязательным для мирянина.

Вместе с тем в «Повести о Юлиании Лазаревской», созданной ее сыном Дружиной Каллистратом Осорьиным, обнаруживается множество таких деталей, которые позволяют видеть в повествовании реальную

³ *Этика «Домостроя» формировалась как под влиянием монастырских «обиходников», так и многочисленных нравоучительных сборников, впитавших нравственные принципы поучений Василия Великого и Иоанна Златоуста. Особенно в ряду таких сочинений, развернувших этическую доктрину восточнохристианской антропологии, выделялись «Измарагд», «Златая чепь» и «Матица златая». Об этом см.: [14, с.315–318].*

биографическую основу: воспитание святой родственниками, безграмотность и непосещение церкви, чадородие (в 16 лет святая была выдана замуж, а затем произвела на свет 13 детей), обстоятельства жизни детей Юлиании, отношения Юлиании с супругом, психологическая мотивировка намерения принять монашеский постриг. Не ощущается в Житии и традиционная в риторической литературе дистанция между автором (нередко выступающим в качестве образцового *типа повествователя*) и героем. Мало того что Дружина Осорьин – ближайший по крови потомок святой, он никак не проявляет себя в качестве традиционного кающегося грешника, который обычно опасается не исполнить данное ему послушание.

Однако все конкретное получает в «Повести» словно иконописное обрамление. Это биография, выполненная средствами словесной иконописи. Исследовательница агиографической традиции отмечает целый ряд точных совпадений манеры и стилистики рассказа именно с жанром жития [16, с.133–143]: традиционны заглавие и формулы-характеристики родителей подвижницы, сообщение о том, что подвижница с детства отличалась необычностью поведения, устремлялась помыслами к Богу, а не к мирскому: «Сия же блаженная Улияния от младых ногтей Бога возлюби и Пречистую его Матерь, помногу чтяше тетку свою и дщери ея, и имея во всем послушание и смирение, и молитве и посту прилежаше. И того ради от тетки много сварима бе, а от дщерей ея посмехаема. И глаголаху ей: "О безумная! Что в толицей младости плоть свою изнуряеши и красоту девственную погубиши?"» [3, с.108]. Святая, не освоив грамоты, на слух обучается книжной мудрости и толкует сложные места душеполезных писаний: «Книгамъ бо аще и не училася, но любя Божественных книгъ чтения послушати, и еже аще кое слово слышаше, и толковаше вся неразумная словеса, аки премудр философъ или книжникъ»⁴. Кроме того, праведницу отличает Божественное разумение, дарованное ей свыше помимо книжных текстов, смысл которых она усваивает еще и по наитию: «И многимъ искушающимъ ю в речах и во ответехъ. Она же ко всякому вопросу благочинень и смыслень ответъ даяше, и вси дивляхуся разуму ея и славяху Бога» [3, с.109]. Благочестивая жена отмечена и молитвенным усердием: «По вся же вечера до вольно Богу моляшеся и коленопреклонения по 100 и множае, и, вставая рано, по вся утра такоже творяше и с мужемъ своимъ» [3, с.109]. Улия-

⁴ Об этом сообщает Пространная редакция Жития Юлиании Лазаревской. Цит. по: [16, с.137].

ния истово предается умерщвлению плоти, выносит чрезмерные неудобства и даже страдания: «Егда же прихождааше зима, взимаше у детей своихъ сребреники, чимъ устроити одежду, и то раздая нищимъ. Сама же без теплыя одежды в зиму хождааше, в сапоги же босыма ногама обувашеся, точию под нозе свое ореховы скорлупы и чрепие острые вместо стелекъ подъкладаше и тело томяше» [3, с.111]. Как и все истинные аскеты, святая подвергается нападению бесов, в борьбе с которыми проходит часть ее подвига: «По вся вечера моляшеся Богу во отходной храмине. Бе же ту икона Богородицына и святого Николы. Во единъ же вечеръ вниде в ню по обычаю на молитву, и абие бысть храмина полна бесовъ со всякимъ оужиємъ, хотяху убити ю. Она же помолися Богу со слезами, и явися ей святой Никола, имея палицу, и прогна ихъ от нея, яко дым исчезоша. Единого же беса поймавъ, мучаше. Святую же благослови крестомъ и абие невидимъ бысть. Бесъ же плача вопияше: "Азь ти многу спону творяхъ по вся дни: воздвизах брань в детех и в рабехъ. К самой же не смеяхъ приблизитися ради милостыни, и смирения, и молитвы"» [3, с.111–112]. Наконец, святая помышляет об уходе в монастырь («Потомъ моли мужа отпустить ю в монастырь, и не отпусти. Но совещавшеся вкупе жити, а плотнаго совокупления не имети» – 3, с.111), а перед смертью произносит наставления домочадцам и отходит к Богу: «Генваря въ 2-й день, свитающу дню, призва отца духовнаго, и причастися Святыхъ Таинъ. И седъ, призва дети и рабы своя, и поучая о любви, и о молитве, и о милостыни, и о прочихъ добродетелехъ» [3, с.113]. То есть и повседневное поведение, и внешнее благочестие приведены в Житии в соответствие с представлениями о праведной жизни, хотя это служение и протекало вне монастыря. Не следует забывать и многочисленные примеры забот Юлиании о страждущих и ее посмертные чудеса. Важным агиографическим элементом рассказа о жизни святой, которая не ограничена только земным существованием, но продолжается и после физической смерти, становится обретение мощей: «Того же месеца въ 10 день погребше сына ея Георгия подъле гроба ея и поидоша в домъ его учредити погребателей. Жены же, бывшыя на погребении, открыша гробъ и видеша полнъ мира благовонна, и в той часъ от ужасти не поведаша ничтоже, по отшествии же гостей сказаша бывшая. Мы же, слышавъ, удивихомся и, открывше гробъ, видехомъ такъ, яко и жены реша от ужасти, начерпахомъ малъ сосудец мира того и отвезохомъ во градъ Муромъ в соборную церковь» [3, с.113–114]. То есть по смерти Юлиании могила ее была вскрыта для погребения сына Георгия, и благочестивые христиане обнаружили, что гроб святой

полон благовонного мира. Миро отвезли в соборную церковь Мурома. После чего известие о чуде распространилось. Так начало складываться почитание Юлиании в качестве святой.

Особыми приметами агиографического стиля отмечен Основной вариант Пространной редакции Жития. Именно там появляется традиционный образ кающегося агиографа: «Но како исповем, еже выше моя сила, понеже грешен есмь и неразумен, но убо наставит мя честная и милостивая она душа, и вразумит мя, своего сына по плоти, по духу рабичища, или яко некоего изверга непотребна, еже вообразити о ней слово» [8, с.121–122].

Т.Р.Руди приводит доказательство в пользу того, что составитель рассказа о Юлиании Лазаревской пользовался Житием Марии Египетской, прославленной подвижницы, агиобиография которой выступала на этот раз в качестве текста-образца [16, с.142–143].

От внимательного читателя не ускользнет и то, как умело создатель «Повести о Юлиании Лазаревской» пользуется формообразующими моделями агиографии. Например, в тексте Жития заявляет о себе традиционная *суггестия*. Но если раньше суггестия служила прославлению монастырского трудничества, то теперь она поэтизирует самоотверженный домашний труд. Мысль о беспримерном трудолюбии и нищелюбии Юлиании раскрывается с помощью множества частных примеров: «Вдовами и сироты, аки истовая мать, печашеся, своими руками омывая, и корьмя, напаяя. Рабы же и рабыни удовляше пищу и одежду, и дело по силе полагаше, и никого простымъ именемъ назваше, и не требоваше воды ей на омовение рукъ подающаго, ни сапогъ разрешающа, но все сама собою творяше» [3, с.109].

А вот фрагмент, посвященный смирению и молитвенному упованию Юлиании. Он разбит на отрезки, разделяемые морфологическими рифмами:

«А неразумныя рабы и рабыни смирениемъ и кротостию наказуя и исправляше,
и на ся вину отлагаше,
и никого не оклеветаше,
но всю надежду на Бога и на Пречистую Богородицу возлагаше
и великого чудотворьца Николу на помощь призываше,
от негоже помощь приимаше» [3, с.109].

Здесь опять традиционная формообразующая модель служит выражению конкретного биографического содержания: смирение проявляется не в монастыре, но в миру, по отношению к «рабам» (домашние слу-

ги), а молитва, укреплявшая праведницу, остается частной, домашней. Перед нами – новый вид идеализации, предполагающий в качестве главного фона повседневность, когда, по удачному замечанию исследовательницы, «героиня не возносилась над бытом, а, напротив, погружалась в него, изображалась в обыденных делах и ситуациях» [8, с.99]. Агиографическая топика служит передаче конкретного биографического содержания. Так создается повествование о хозяйке-подвижнице, жившей во времена Ивана Грозного и накануне Смуты, но в форме сакрализованной биографии, которая включает в себя как житийные топысы, так и нормативные тексты, призванные регламентировать семейную и хозяйственную жизнь. Элементы документальности органично сочетаются в произведении с литературными аллюзиями, круг которых довольно обширен. Важнейшими проявлениями святости Юлиании были аскеза и жертвенное служение ближним.

**Степенная книга
Тихона Макарьевского**

В XVII в. заметен интерес к традиционным памятникам исторического повествования. Книжники редактируют, расширяют и переделывают их на свой лад. Так, например, значи-

тельной переработке подверглась «Степенная книга» под пером писателя-монаха Тихона Макарьевского [21, с.354–375]. Главным трудом Тихона стала так называемая Латухинская Степенная книга 1678 г. Книжник создает собственную концепцию истории Руси/России, приспособившая изложение «Степенной книги» времени митрополита Афанасия к новой реальности XVII столетия. До Тихона в историографии эпохи Романовых никому не удавалось справиться с этой задачей. Все опыты продолжения «Степенной книги» были не вполне удачны, поскольку с трудом охватывали противоречивый материал: между событиями XI–XVI вв. и событиями Смуты не удавалось найти прочной связи, а Романовы не выступали убедительными преемниками московских Рюриковичей-Калитичей. Тихон Макарьевский разделил русскую историю на два больших периода: до и после Ивана Грозного. Изложение до времени Ивана IV ведется в Латухинской Степенной книге по «степеням», а с начала его правления – по «царствам». Ведь среди русских правителей Грозный был первым, кто принял в 1547 г. царский титул. Соответственно, история эпохи Романовых становится частью царского периода русского прошлого. Не прибегая к натяжкам и спекуляциям, Тихон

блестяще справился с труднейшей стороной всякого историописания: он нашел эффектную и непротиворечивую форму для своего нарратива.

Латухинская Степенная книга из фондов НГОУНБ
(Нижегородская государственная областная универсальная научная библиотека)

Тихону удастся восполнить архонтологию (учение о правителях) первоначальной Степенной книги историей всероссийской. Акцент делается не столько на правителях, сколько на государстве и на церковном прошлом. При этом автор явно стремится перейти от агиографической концепции к концепции целостной истории как непрерывного движения, где все происходит постепенно, эволюционно, где главную роль играет не единичное событие, а медленное становление, не казус, а исподволь разворачивающийся процесс. Например, Тихон рассматривает крещение Руси не как внезапное и революционное обновление народа и страны, а как длительное явление, растянувшееся на несколько столетий (пять крещений Руси: при апостоле Андрее, при Кирилле и Мефодии, при Фотии, при Ольге и при Владимире⁵). Здесь заметно влияние на Латухинскую Степенную книгу киевской историографической традиции. Прежде всего, «Киевского Синописа» пророссийского архимандрита Иннокентия Гизеля. Гизель был преемником просветите-

⁵ О концепции пяти крещений см.: [7, с.280].

ля Петра Могилы и одновременно последователем украинского историка Феодосия Сафоновича, автора такого известного памятника славянской историографии, как «Хроніка з літописців стародавніх».

Сходным образом изображена история самодержавства, которое буквально на глазах читателя проходит все стадии от зарождения до поступательного становления и расцвета. Тихон уже не проецирует историю царства на отдаленное прошлое Киевской Руси. Для него царство начинается только во времена митрополита Макария и Ивана Грозного. А все, что было раньше, оказывается только предысторией, связанной с бытованием ожидавших своего часа регалий Константина Мономаха. Согласно концепции Тихона, теперь представители разных династий мирно уживаются друг с другом, выступая действующими лицами нового исторического цикла – Российского царства.

Особую роль в построении русской истории сыграла легенда, которую создатель Латухинской Степенной книги сделал центральным событием, объединившим княжеский и царский периоды. По версии Тихона Макарьевского, единственным правителем Киевской Руси, который принял по закону и Божественному промыслу царский венец, был только Владимир Мономах. Детям он завещал хранить регалии, но не венчаться на царство, поскольку на Руси долго еще не будет единого правителя, способного объединить все княжества и уделы. Как только страна станет единой, очередной великий князь примет царский титул. Мономах передает на хранение венец Юрию Долгорукому, тот – своему младшему сыну Всеволоду, Всеволод – Ярославу. Со временем венец и «прочии знаменія» оказываются собственностью Калитичей. Как только те объединяют Россию, ставшую целостным государством, внук Ивана III и сын Василия III венчается шапкой Мономаха. Так исполняется пророчество киевского князя. Торжественному ритуалу венчания в Успенском соборе посвящена 10-я глава 1-го царства. Тихон подчеркивает, что царский титул Грозного был безусловно признан всеми, в том числе турецким султаном. Апокриф Латухинской Степенной книги, принципиально отличающий ее от первоначального канонического варианта, стал своеобразным развитием генеалогических мифов, столь популярных в Московской Руси XVI–XVII вв.

Вот описание церемонии 1547 года: «Егда убо великий государь царь и великий князь Иоаннъ Василиевичъ всея России въ совершенный возрастъ и въ мужественный смыслъ прииде, тогда совершенно надъ Россійскою землею по отце своемъ воцарися и на Московское царство и всея России державство поставися, святымъ миромъ помазанъ бысть, и

венчанъ на царство святыми бармами и венцемъ царскимъ Мономаховымъ по древнему закону царскому. Яко же римстии и гречестии царие поставляхуся, въ православной вере просиявши и Богу угодивши, тако и сего великаго государя Богъ предуведе, и предизбра, и предпостави царя и самодержца всей великой России. Страхъ бо его нача обдержати вся языческия страны, и бысть велми премудръ и храбръ победитель, силенъ теломъ и крепкорукъ, подобенъ по всему деду своему великому князю Иоанну Василиевичю всея России. Прежде бо сего государя царя никто же отъ прадедъ его въ России царемъ именовася. Сему же удившася, слышаше, вси врази Российской земли, невернии погании царие и нечестивии крали, похваляюще бо и прославляюще его, и послы своя с великими дарами к нему присылаху, великимъ же царемъ и российскимъ самодержцемъ вси нарицаху, паче же великий салтанъ Турецкий царь похвалная словеса восписа ему сице: “Воистинну ты еси самодержецъ, и царь мудрый, и верный волнейший Божий слуга. Удивляетъ бо насъ и ужасаетъ превеликая твоя слава, и огненная твоя хоругвь прогоняетъ и поपालаетъ воздвигающихся на тя. И уже отныне боятся тебе вся орды наша и на твоя пределы наступати не смеютъ”» [12, с.488].

Любопытно, что с этого момента Тихон сообщает затем о венчании почти всех государей. Особенно подробным становится описание венчания на царство Федора Иоанновича.

Тихоном Макарьевским было задействовано и множество формообразующих моделей, которые в значительной мере меняли стилистику «Степенной книги» Андрея (Афанасия). Отметим, что роль погодных записей в канонической «Степенной книге» весьма незначительна: датировки встречаются изредка. Погодный принцип конструирования нарратива стал архаичным уже в середине – начале второй половины XVI века, хотя составители «царского родословия» в эпоху Ивана Грозного и опирались на Никоновскую и Воскресенскую летописи [22, с.145–146; 150–151]. Наряду с делением текста на «степени» и главы в тексте Латухинской Степенной книги появляются летописные погодные записи. Автор даже злоупотребляет этой формой изложения. Вот как говорится о фактах истории конца XV в.: «Въ лето 6989 бысть воевода въ Киеве Иоанъ Ходкиевичъ, но того же году татарове Киевъ разориша и воеводу Ходкиевича съ женою и детми его плениша. Въ лето 6990 взяли турки Белиградъ и Келию. Въ лето 6990 создана с освящена бысть церковь Благовещения Богородицы, иже на царскомъ дворе, августа 9 день. Приидоша на Москву къ великому князю два царя: Мердоулатъ да сынъ его Бердоулатъ и братъ его Айдаръ» [12, с.416].

Это пристрастие к летописному способу изложения не оставляет автора и в том случае, когда он повествует о событиях времени династии Романовых: «Въ лето отъ сотворения мира 7137, а отъ Рожества Христова 1629, мѣсяца марта въ 17 день родися благоверный и благочестивый государь царевич и великий князь Алексий, сынъ благочестивейшаго великаго государя царя и великаго князя Михаила Феодоровича, всея России самодержца, и крещень святейшимъ патриархомъ Филаретомъ Никитичемъ Московскимъ и всея России въ Чюдове монастыре, восприемникъ же бысть Троицкаго монастыра келарь монахъ Александръ. Въ то же время приидоша отъ свицкого короля Густава-Адолфа послы, чтобы государь царь помогаль ему на литовскаго короля. Тогда государь королю Свицкому отказаль того ради, что с польскимъ королемъ въ миру былъ. Тогда же на Москве были великия пожары и страшный вихорь, громи же и молния велми грозна, съ церковей главы и кресты сорвало, и многая зданя храмины съ места на место вихромъ переносило и разрушало. Въ лето 7138 мѣсяца иулиа въ 14 день родися государоня царевна и великая княжна Анна Михайловна. Въ лето 7139 геннуариа въ 26 день преставися благочестивая государоня великая старица Марфа Ивановна, мати великаго государя царя и великаго князя Михаила Феодоровича, всея России самодержца, отъ сродства была Шестовыхъ, Морозовыхъ и Салтыковыхъ. Въ лето 7140 благочестивейший государь царь и великий князь Михаилъ Феодоровичъ, всея России самодержецъ, послалъ Смоленска достигать боярина Михаила Борисовича Шеина, да околничего Артемия Василиевича Измайлова, да дьяка Александра Дурова, да Димитрия Карпова со мноюю российскою силою» [12, с.721–722].

Однако зачастую вместе с датами от сотворения мира указываются и даты от рождества Христова. Так, смерть Александра Невского датируется и с помощью перевода старого исчисления от сотворения мира в новое: «И всехъ ту, игумена, и братию, и своихъ, целовавъ, прости, и причастися Тела и Крове Владычни Господа нашего Исусаа Христа, и всехъ благословивъ, и крестнымъ знамениемъ знаменався, и воздевь руце горе, и молитву сотвори — и предаде священную свою душу Господеви въ лето отъ создания мира 6771, отъ Рожества Христова 1263 мѣсяца ноябрья въ 14 день» [12, с.239]. А вот как автор Латухинской Степенной книги сообщает о великом княжении Дмитрия Александровича, сына Александра Невского и племянника великого князя Василия Ярославича: «Въ лета отъ создания мира 6785, отъ Рождества Христова 1277 по Василии Ярославиче бысть на великом княжении Димитрий Александровичъ, внукъ Ярославль» [12, с.246].

Имеет двойную датировку и рассказ о перенесении мощей царевича Дмитрия из Углича в Москву: «Принесены же быша праведнаго мощи отъ града Углеча въ царствующий градъ Москву въ лето отъ создания мира 7114, отъ Рожества же Христова 1606, мѣсяца иуниа въ 3 день, по убиении его въ 15 лето» [12, с.630]. Число подобных примеров можно без труда умножить.

В роли сильной позиции текста выступают вирши, в которых в форме акростиха зашифровано имя автора-инока («Тихон монах о Бозе начах книги сия...»). При этом на первом плане находятся факты церковной истории. И важнейший из них – крещение Руси.

*Творецъ и Создатель Богъ всему,
И всей твари, служащей Ему;
Христосъ, истинный всехъ Спаситель,
Отецъ явися и Зиждитель;
Неизреченнымъ же советомъ
Многимъ съи озари нас светомъ;
О твари бо всей той промыслишь,
Но и насъ спасти всехъ умыслишь.
Аще и въ последнее время,
Хотя намъ облегчити бремя,
Отъ тмы на светъ насъ произведе,
Благодать крещения даде,
Омыль наше согрешение,
Загладилъ все прегрешение.
Егда у российскихъ жителей
Не бысть благихъ учителей,
Андрей апостоль к нимъ приходилъ,
Человекъ тамъ суцыхъ просветилъ;
А прежде его учения
Ходиша во тме блужения,
Купно вси идоломъ служаху,
Немало отрочатъ имъ жряху.
И по семъ паки прелстишася,
Грехми зле обременишася.
Идоломъ вси покоришася,
Солнцу, огню поклонишася.
И еже они то творяху,*

*Яко темь Бога раздражаху,
Но Той о нихъ же промышляетъ,
Еже бы спасти умышляетъ ... [12, с.64–65].*

Тихон существенно расширил круг источников (он воспользовался «Синописом» Гизеля, «Казанской историей», печатным Прологом, Киево-Печерским патериком), которые не столь уж часто редактировал, а текст первоначальной «Степенной книги» подверг тщательной переработке⁶. В этом смысле Латухинская Степенная книга – это не слепое повторение образца, а результат зрелой работы, самостоятельное произведение, памятник общерусской историографии второй половины XVII века.

Послания и челобитные патриарха Никона

Послания и проповеди – ведущие лирические жанры XVII века. Они не утратили свою традиционную природу, то есть были насыщены отсылками к авторитетным текстам, со-

храняли основу суггестивных средств воздействия на адресата и речеповеденческих тактик, которые сложились еще на заре церковной книжности Древней Руси, в XI – XII вв. Книжным приемам не мешал даже личный или деловой характер переписки. Один из новаторов «переходной» эпохи, патриарх Никон, в этом смысле оставался в русле многовековой традиции. Некоторые из его посланий и челобитных представляют исключительный интерес именно как примеры глубокого усвоения этоса и литературных особенностей древнерусских поучений.

Исследовательница эпистолярного наследия Никона, С.К.Севастьянова, приходит к выводу: «Патриарх Никон по духу и убеждению, образованности и стилю письма – традиционалист. Он был начитан в святых отцах и превосходно знал Священное Писание, Никон прекрасно ориентировался в церковном и светском законодательстве. В то же вре-

⁶ В связи с отмеченным текстологическим фактом даже возникла версия, согласно которой работа над текстом Латухинской Степенной книги имела два этапа. На первом этапе неизвестный автор переработал основной источник – каноническую «Степенную книгу», а продолжатель (Тихон Макарьевский) осуществил ее концептуальную доводку и насытил материалами второстепенных источников, что превратило этот памятник историографии в своеобразную антологию исторических текстов. Об этом см.: [22, с.315–317]. Ср.: [5].

мя патриарх, судя по богатейшей библиотеке Воскресенского монастыря, проявлял интерес к античным авторам, мировой истории, к медицине, астрологии. Однако в эпистолярных текстах Никон никак не использовал своих познаний в этих областях» [19, с.239].

Как образцовый древнерусский книжник автор посланий сосредоточен на скриптурных текстах: большинство примеров, цитат, аналогий, образов, сюжетов он заимствует именно из библейских книг. При этом Никон приспособливает вечные истины и ситуации к современному контексту таким образом, что цитата порой служит точкой отсчета для описания более драматичных обстоятельств нежели те, что изображаются в священном первоисточнике. Так, в послании царю «Об опечатании на Московском подворье писем и бумаг» патриарх замечает: «Аще и я, по долгу своему, прощения от тебя, великаго государя, чрез писание просил, в них же яко человекъ согрешил, по заповеди Господни, рекшей: “Аще принесеши даръ свой ко олтарю и имать нечто брат твой на тя, остави ту дар и шед смирися со братом своимъ”⁷. Аз же не яко брат, но яко последний богомолец вашъ. Ты же, великий государь, чрез спальника своего Афанасия Ивановича Матюшкина прислал свое милостивое прощение. Ныне же слышу, многа твориши не яко прощеному, но яко последнему злодею: худыя моя и смиренныя вещи, иже суть в келье остались, и писма, в них же много таинство, егоже никому от мирских ведать» [19, с.389]. Иными словами, Никон не столько комментирует авторитетную цитату, сколько избирает ее в качестве исходного смыслового и эмоционального импульса для своих рассуждений. Эта особенность отсылки к библейским первоисточникам типична для эпистолярного наследия Никона, что уже было отмечено исследователями, занимавшимися особенностями экзегезы этого патриарха XVII в. [12, с.1019].

Такая рече-поведенческая тактика⁸, как апелляция, получает у Никона многообразные риторические и художественные функции. Особенно заметными выглядят евангельские аллюзии в деловом контексте, там, где сходятся вечные нравственные принципы и повседневность. В челобитной Алексею Михайловичу от сентября–октября 1673 г. читаем: «А что было твоего, великаго государя, жалования, милости ко мне, богомольцу твоему, и то истощих алчным, жадным, странным, нагим, босымъ, в темницы за ваше, государево, душевное спасение и телесное

⁷ Мф.5, 2–24.

⁸ О концепции рече-поведенческих тактик применительно к памятникам церковнославянской книжности писал Е.М.Верещагин в кн.: [6, с.515].

здравие. Да в день судный з десными стояние ваше будет, и да сподобитесь слышати сладкий глас Господень, реченный: “Приидете, благословении Отца Моего, наследуйте уготованное вам Царство от сложения мира: взалках бо ся, и дасте ми ясти” и прочее⁹. И сих ради не остави и нас алкати, вели, Господа ради, давать с Шексны реки, з Богословского езу (ез – перебой, плетни, частокол в реке для ловли рыбы. – А.К.), рыбки длинные, что было дано мне, богомольцу твоему, на препитание в Воскресенском монастыре. <...> Да пожалуй, Господа ради пришли яблочекъ, сколько тебе, великому государю Богъ известит, а того благословения Божия седьмой год не едал, потому что здесь не родятся, да и купить негде и нечем, понеже не могу сокровищъствовати чрез заповедь Божию, глаголющую: “Всякому, просящему у тебе, дай”¹⁰. И сего ради раздах» [19, с.495].

Личная житейская просьба сочетается в челобитной с мыслями о воздаянии на Страшном суде, заботы повседневности и ее тяготы – с размышлениями о непреходящем значении евангельских заповедей. Во время ссылки Никон часто писал челобитные, благодарственные послания и пространные поучения эпистолярного характера, адресованные Алексею Михайловичу и его семье. Конечно, в большинстве челобитных, как правило, богословские размышления отсутствовали. Тем примечательнее, что в отдельных случаях рече-поведенческие тактики высочайших жанров заявляли о себе порой по самым, казалось бы, непримечательным поводам. Изверженный из священства Никон благодарит царя за милости и просит о помощи, объясняя свое бедственное состояние издержками на помощь бедным и страждущим. Евангельские слова должны были напомнить о долге каждого христианина. Хотя речь идет всего лишь о присылке яблок и о праве пользоваться плетнями для ловли рыбы.

Излюбленным приемом Никона была ретроспективная историческая аналогия – одна из констант древнерусской литературы. Она связана с таким важным принципом средневековой книжности, как *подобие* [17, с.183–184]. Всему в мире соответствует образец. Как текст восходит к готовым формам, так и сама жизнь опирается на ситуации прошлого. Правдивость заключается не в отражении реальности, а в следовании должному, тому, что уже существует как эталон и мера, которым остается только соответствовать. В своей жизни Никон видит лишь повто-

⁹ Ср.: Мф.25, 34–36.

¹⁰ Лк.6, 30.

рение прежде бывшего. Правда, образцы он выбирает очень высокие, что способствует сакрализации автобиографического дискурса. В письмах Алексею Михайловичу Никон сравнивает суд над собой с осуждением Христа иудеями, а также не забывает о событиях из жизни апостолов Петра и Павла. Патриарх также проводит аналогии между своей судьбой и памятными для всех христиан изгнанием Иоанна Богослова на Патмос и гонениями на Иоанна Златоуста. В письме Паисию Лигариду Никон, кроме уже приведенных примеров, обращается к историям Афанасия Великого и Григория Богослова. В письме Никите Алексеевичу Зюзину появляются сопоставления с похожими ситуациями в житиях Василия Великого и российского митрополита Филиппа (Кольчева) [18, с.61–62; 20, с.70–71].

Иногда адресант царя прибегает к толкованию образов, их развитию, что роднит этот прием с рече-поведенческой тактикой метафоризации, предполагающей не прямое понимание символов и предметов. «Солнце» и «дождь» уподобляются словам и милости государя, которые не бывают напрасными. На страницах благодарственного письма Никона царской семье от 1673 г. есть такое сравнение: «Да и вы оставление примете от Господа Бога, глаголющего: “Оставьте и оставится вам”¹¹. И паки: “Блажени милостивии, яко тии помиловании будут”¹². Божие есть слово се и не изможет, якоже и Самъ Господь свидетельствует, глаголя: “Небо и земля преидет, словеса же Моя не имуть преити”¹³. Также и ваши, государевы, глаголы от истины неизменны бывают, якоже солнце не умалается своего кола и не изменяется своя теплоты и светлости, ни истощается изливанием лучь, или якоже благополучный дождь, сходя от небесе, не обратится, дондеже не напоить землю и плод благь сотворит. Также и ваша, государева, милость не обращается тща, дондеже произыдет в дело» [19, 484]. (Неоднократно сравнивает царя с солнцем Симеон Полоцкий. Отметим, что уподобление царя солнцу становится одним из общих мест культуры русского барокко и заявляет о себе в весьма неожиданных контекстах. Так, при постановке балета «Орфей» Алексей Михайлович должен был услышать хвалебные стихи в свою честь, в том числе сравнение монарха с солнцем, луной и звездами. Стихи известны нам в изложении Якова Рейтенфельса [23, с.34, 41–42].¹⁴)

¹¹ Лк.6, 37.

¹² Мф.5, 7.

¹³ Лк.21, 33.

¹⁴ О наименовании правителя «праведным солнцем» и христологической символике см.: [2,

В обличительном послании архиепископу вологодскому Симону Никон разъясняет значение слова «церковь» (метафоризация) и одновременно опровергает ложное мнение, присовокупляя к этому и уничижающие адресата обороты речи, и детали быта, и апелляцию в виде цитаты, и ряд ретроспективных исторических аналогий, восходящих к Ветхому и Новому Заветам: «И то ты, чернец, забыв Священное Евангельское приточное наказание фарисейское, паки и другое о малом сучце во очеси брата и в своем глазе берна не чуеши: “Лицемере! Изми первие берно изо очесе твоего и потом да уразумееш и братни сучцы изимати”¹⁵. Забыл еси то, какъ ты в Александрове монастыре на кобыле пахивал? А ныне содомиты полнь двор твой, и zde нарицаешь каменные стены церковию: оба полы полны содомитов, горши всякия ереси, ибо всякой ереси Богъ терпитъ, а Содому и Гомору не к тому, но огнемъ и каменiem горящимъ всю они землю погубилъ и растлил, и курение дыма оного и до днесъ курится во страх то всемъ творящимъ. “Лицемере, очисти первее внутреняя сткляницы и блюду, да и внешняя тебе будутъ чиста”¹⁶. Мню, яко мало чтеши Священного Писания и разумеши. Церковь бо не стены каменная и деревяная, но закон и собрание благочестивыхъ людей, якоже и во Священномъ Писании Павелъ апостоль писалъ в посланиихъ своихъ разнымъ Церквамъ, и святой апостоль Иоанъ Богословъ во Апоколеписе разнымъ же Церквамъ: не зданию и стенамъ сущимъ, но собрание множество народа, веровшимъ Христу Богу нашему. Павелъ и Сила, в темнице молящеся, получиша прощение¹⁷. Фарисей, во церкви молящеся, осудися¹⁸» [19, с.510].

Показательно, что все фигуры речи и приемы в послании Симону служат одной цели: раскрыть источник греха, заключающийся, по мнению Никона, в духовном невежестве, в неспособности видеть истину, в материальной приземленности («в Александрове монастыре на кобыле пахивал»). Симон забыл Священное Писание, подменил подлинную суть церковного учения грубыми признаками внешнего благочестия. Отсюда необходимость объяснить, ссылаясь на полноту мысли апостола Павла, что Церковь есть не здание с каменными или деревянными стенами, а собрание духовно близких людей, суть веры, а не материальный

с.91–92].

¹⁵ Мф.7, 5; Лк.6, 42.

¹⁶ Мф.23, 26.

¹⁷ Деян.16, 25–34.

¹⁸ Лк.18, 10–14.

объект, спасительная связь с высшим началом, а не место, где выставляют напоказ внешние добродетели. Поэтому молитва Павла и Силы в темнице оказалась действеннее молитвы фарисея в храме. В темнице произошло чудо освобождения от плена, а фарисей был поставлен духовно ниже мытаря и осужден.

Часто патриарх прибегает к опровержению ложных мнений, что придает его эпистолографии полемический характер. В послании Алексею Михайловичу 1675 г. Никон рассказывает о распространении в Кириллове монастыре капитоновской ереси. Опальный иерарх не только излагает суть ошибочных суждений, но и дает подробное описание несправедливых деяний одного из монастырских «вкладчиков», капитоновца Александра Боркова, который способствовал опасному уклонению обители в ересь: «А они, архимандрит з братьею, о том к тебе, великому государю, не пишут. А какъ, государь, та ересь умножится, и у них то же будет, что и в Соловках» [19, с.527].

Как видим, опальный патриарх по-прежнему разделяет свои взгляды на реформу Церкви. И в этом смысле он и после осуждения на соборе остается сторонником государя: «Да у них же, государь, в Кирилове монастыре есть вкладчикъ Александръ Борков, а ереси держится капитонские и исправленные книги называет еретическими, а меня, богомольца твоего, называетъ антихристом. А я несть антихристь, аще и грешень есмь, но благодатию Божиею совершен христианин и святым крещением просвещен, а антихристь егда во свое время будетъ, аще что и сотворит – все по привидению и ложнымъ действом. А тебя, великого государя, называет онъ, Александръ, изумившимся и прельтившимся того ради, что ты, великий государь, святыя книги почитаешь, справленныя с старогречкихъ» [19, с.525, 527]. Однако это не означало, что конфликт между царем и патриархом был исчерпан. В письмах Никон неоднократно вспоминает про несправедливость тех, кто не посчитался с законной суверенностью его духовной власти. При этом в текстах Никона заявляет о себе порой конвенциональная модель мученичества за Христа. Отметим, что тогда же этот вид типичного объяснения становится излюбленным способом интерпретации гонений у сторонников Неронова и Аввакума. То есть у реформатора Никона и его противников обнаруживаются такие общие культурные коды, которые мы вправе отнести к числу фундаментальных для русской средневековой книжности. В послании письмоносни иерусалимского патриарха Савве Дмитриеву Никон замечает: «И паки самому Господу глаголющу: “Прежде же сихъ всех возложить на вы руки своя и изженуть, предающее на сонмищи и темни-

цы, ведоми ко царемъ и владыкамъ имени Моего ради. Прилучит же ся вам во свидетелство¹⁹. И все, еже о насъ, збытся, и несть лепо гневаться намъ на царя и владыки, и боляръ, яко тако писано есть, и тако подобаеъ всемъ писаннымъ скончатися. Ихъ время пришло, что мучити, а намъ Христа ради и святыхъ Его ради заповедей, мучитися. Злопостражи, яко добръ воинъ Христовъ!» [19, с.595]. В евангельских пророчествах Никон видит предсказание о будущих мучениях за веру. На этот раз патриарх примеряет обещанный подвиг к себе и своим сторонникам, готовым страдать от действий светской власти.

Порой в текстах Никона заметны и такие традиционные жанрообразования, как видения и знамения. Например, в челобитной Никона (еще в бытность его новгородским митрополитом) царю Алексею, царице Марии Ильиничне и царевнам от июня 1652 г. находим описание сна, в котором Филипп Колычев представлен лежащим в раке. При этом образ его подобен иконописному и просветлен. Филипп пробуждается и обращает слова поддержки сокрушенному Никону: «Мало ми воздремавшу, и се вижу святого отца Филиппа митрополита по обычаю в раке лежаща. И отъкрывъ самъ покровъ, на немъ лежащий, вельми светло святое лице его явися таковъ образомъ, яко пишется на иконе». Вслед за этим Никон рассуждает о том, что Бог «о святей велицей соборной церкви святой свой промысль показати имать, и добраго намъ, словеснымъ Его овцамъ пастыря дати...» И так, здесь также развит традиционный книжный топос «пастырь / овцы / волки»²⁰. Челобитная написана после смерти патриарха Иосифа. Таким образом, сон был в руку, служил знаком возвышения: ведь Филипп в пророческом видении призвал именно Никона, который демонстрирует богобоязненное смирение, замечая: «А еже бес пастыря быти надолзе стаду Христову – многая беда отъ волкъ есть душетленныхъ» [19, с.366].

27 февраля 1654 г. в письме Алексею Михайловичу Никон описал чудесное явление огненного столпа в Иверском монастыре: «Прежде нашего пришествия в ваше, государево, богомолье, в новый монастырь Пресвятыя Богородицы Иверския и святого священномученика и исповедника Филиппа митрополита, от четвертка против пятка в ноци в третий часъ бысть над монастырем тем знамение страшно: столпъ огонь явися от земли до небеси, и от того огненаго столпа окрестъ светъ облиста великъ зело версты по три и по пяти, и по десяти, и по дватцати и

¹⁹ Лк.21, 12–13.

²⁰ О значении этой топики в эпистолярном наследии Никона см.: [19, с.91].

боле, яко во дне светитися всему. Мнози по деревням от необычного того света в страх впади...» [19, с.371].

Символические жанры в контексте эпистолярного наследия Никона отвечают как традициям иконописи и агиографии, так и публицистическим интенциям автора, который использовал видения для того, чтобы выразить собственное отношение к важным вопросам современности [19, с.163]²¹. Этот подход лежит в русле традиции видений и знамений Древней Руси и тесно связан с литературной практикой «переходного» века.

Рассмотренные здесь памятники ярко демонстрируют, что многие важнейшие признаки литературного обычая средневековой Руси сохранились в «переходную» эпоху. Это видно на примере разных жанров. Топосы и формообразующие модели лишь обновлялись и приобретали непривычное звучание в новом литературном и культурном окружении. И в переосмысленном житии, и в новаторском произведении историографии, и в посланиях задействованы весьма архаичные модели литературной культуры Средневековья. Связь с агиографией, погодным летописанием и пастырским поучением остается в XVII в. довольно прочной, что только доказывает консервативность и удивительную живучесть обиходного слоя культуры, его непреходящую значимость, способность приравниваться к небывалым социальным и мировоззренческим кризисам.

Сокращения

БЛДР – Библиотека литературы Древней Руси
ТОДРЛ – Труды отдела древнерусской литературы

Библиографический список

1. Адрианова-Перетц В.П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 188 с.
2. Антонов Д.И. Смута в культуре средневековой Руси. Эволюция древнерусских мифологем в книжности начала XVII века. М.: Изд-во РГГУ, 2009. 432 с.
3. БЛДР. СПб.: Наука, 2006. Т.15. 530 с.
4. Бусева-Давыдова И.Л. Житие Юлиании Лазаревской: опыт интерпретации // V Уваровские чтения. Муром. 14–16 мая 2002 г. Муром, 2003. С.106–109.

²¹ Точка зрения С.К.Севастьяновой.

НА ГРАНИЦЕ ЭПОХ: ЛИТЕРАТУРНАЯ АРХАИКА В КНИЖНОСТИ XVII В.

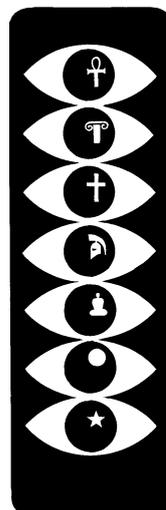
5. Васенко П.Г. Заметки к Латухинской Степенной книге. Отдельный оттиск из Сборника Отделения русского языка и литературы Императорской Академии Наук. СПб., 1902. Т.LXXII, № 2. 89 с.
6. Верещагин Е.М. Церковнославянская книжность на Руси. М.: Индрик, 2001. 608 с.
7. Голубинский Е.Е. История русской церкви. М.: Московский университет, 1901. Т.I. Ч.1. 968 с.
8. Житие Юлиании Лазаревской (Повесть об Ульянии Осорьинной) / Исслед. и подгот. текста Т.Р.Руди. СПб., 1996. 238 с.
9. Каравашкин А.В. Конвенциональные модели и «жизненный мир» в источниках культуры // Вестник РГГУ. Научный журнал. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». М.: Изд-во РГГУ, 2017. № 5(26). С.9–30.
10. Каравашкин А.В. Литературный обычай Древней Руси (XI–XVI вв.). М.: РОССПЭН, 2011. 552 с.
11. Колесов В.В. Домострой как памятник средневековой культуры // Домострой. СПб., 2007. С. 301–356.
12. Латухинская Степенная книга. 1676 г. / Изд. подгот. Н.Н.Покровский, А.В.Сиренов. М.: Языки славянской культуры, 2012. 880 с.
13. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. Изд. 3-е. 376 с.
14. Панченко А.М. Русская история и культура: Работы разных лет. СПб.: Юна, 1999. 520 с.
15. Патриарх Никон. Труды / Науч. иссл., подгот. док., сост., общ. ред. В.В.Шмидта. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 1264 с.
16. Руди Т.Р. О композиции и топике «Жития Юлиании Лазаревской» // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т.50. С.133–143.
17. Сапожникова О.С. Иоанн Златоуст и митрополит Филипп (к вопросу об образах, прообразах и моделях) // Книжные центры Древней Руси. Книжники и рукописи Соловецкого монастыря. СПб., 2004. С.183–213.
18. Севастьянова С.К. Патриарх Никон и митрополит Филипп (Кольчев): к вопросу о жизненных ориентирах и подобию // Соловецкое море. 2010. № 9. С.61–73.
19. Севастьянова С.К. Эпистолярное наследие патриарха Никона. Переписка с современниками. Исследование и тексты. М.: Индрик, 2007. 776 с.
20. Севастьянова С.К., Зеленская Г.М. Патриарх Никон и святитель Филипп, митрополит Московский: опыт комплексного исследования // Palaeoslavica. 2015. Т. XXIII / 2. С.69–164.
21. Сиренов А.В. История текста Латухинской Степенной книги // ТОДРЛ. СПб., 2009. Т.60. С.354–375.
22. Сиренов А.В. Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2010. 552 с.
23. Черная Л.А. Придворная культура Алексея Михайловича: от Артаксеркса до Орфея... // Исторический вестник. 2013. Т.3 (150). С.24–47.

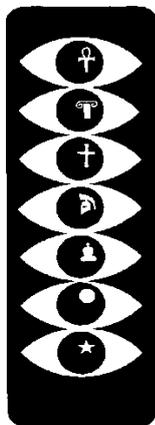
Революция всегда говорит о том, что власть имеющие не исполнили своего назначения...
Сверху не происходило творческого развития, не излучался свет... что не было творческих духовных сил для реформирования общества... и потому прорвалась тьма снизу.

Н.А.Бердяев

Ни одно общество не может быть хуже,
чем люди, из которых оно состоит.

Вильгельм Швобель

Исаак Розенталь

**О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ
ОСМЫСЛЕНИЯ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ,
РЕВОЛЮЦИИ
И БОЛЬШЕВИЗМА
СОВРЕМЕННОКАМИ***

УДК
323.12(47) "1922 – 1935"

В продолжение размышлений об особенностях осмысления современниками переломного периода в истории России, связанного с Первой мировой войной, автор обращает внимание на восприятие проблемы патриотизма до и после 1917 г., различные трактовки большевизма как политического феномена. Характеристика углубления раскола в среде деятелей культуры включает в себя анализ общественно-политической позиции А.Блока и других т.н. «интеллигентов-перебежчиков». Ставится вопрос о том, можно ли видеть в «принятии» Октября полное одобрение идеологии большевизма. Обосновывается вывод о том, что наблюдательность и интуиция писателей, погруженных в бытие новой России, позволяли им в иных случаях точнее определить вектор развития советского государства и общества, чем сумели это тогда же сделать эмигранты – сменовеховцы и евразийцы. Подчеркивается, что во многом отношение к большевизму с позиций защиты культуры зависело от принадлежности к тому или иному поколению.

With reference to considerations on peculiarities of contemporaries interpretation of the Russian history tipping point connected with the World War I the author draws the attention to perception of patriotism problem prior to 1917 and afterwards, to various interpretations of Bolshevism as a political phenomenon. Characterization of schism deepening among the culture celebrities includes analysis of A.Blok and other so called "intellectuals-turncoats" social and political positions. The author puts the question whether it is possible to understand "acceptance" of October as the complete approval of Bolshevik ideology. Furthermore, the author substantiates the conclusion that the power of observation and insight of writers immersed in the life of new Russia allowed them in some instances to define the vector of the Soviet state and society development with a greater accuracy than that was done by émigré-changers of landmarks and Eurasians.

Ключевые слова: неославянофильство; «пораженчество»; «революционное оборончество»; «советский патриотизм»; Октябрь 1917 г. и культура; А.Блок и другие «интеллигенты-перебежчики» о событиях 1917 г. и послереволюционной России.

Key words: Neo-Slavophilism; "defeatism"; "revolutionary defensism"; "Soviet patriotism"; October, 1917, and culture; A.Blok and other "intellectuals-turncoats" on events of 1917.

E-mail: evgeny@rambler.ru.

* Окончание. Начало см.: Россия XXI. 2018. №3.

Патриотизм до и после 1917 г. По понятным причинам проблема патриотизма находилась в период Первой мировой войны в центре общественного внимания. Но невозможно было охватить все разновидности и проявления того, что считалось патриотизмом, или же подвергалось критике. Для власти имело практическое значение прекращение массовой протестной активности, это действительно имело место до весны–лета 1915 г. Но идеологически проблема не поддавалась общему решению. В начале XX века в сознании образованных людей присутствовали, по словам А.Блока, уже цитировавшимся выше, «и страсть, и ненависть к отчизне»¹. Если не касаться здесь воззрений большевиков-ленинцев, следовавших постулату «рабочие не имеют отечества», вернее говорить о реальной амбивалентности содержания понятия и о распространённом критическом отношении к «казённому» патриотизму как компоненту официальной монархической идеологии.

«Кто больше патриот – кто любит Россию или тот, кто ее ненавидит в том виде, в какой ее теперь привели, и хотел бы видеть в другом? Любовь к ней, к родине вообще – абстракция», – рассуждал накануне войны В.М.Голицын. Патриотизм в пустых словах о силе и превосходстве он считал мелочным и пошлым – так же, как «слепую гордость», «так охотно откалывающую узконоародное от общечеловеческого» [20, т.26, л.71–72 об.; 30, с.129. См. также: 22]. Свое понимание единого Отечества, основанного на равноправии населяющих его народов, предложил в 1907 г. граф И.И.Толстой (ранее министр народного просвещения в правительстве Витте) в специальной программной записке основанного им Кружка равноправия и братства. Впоследствии различия и изменения в трактовках патриотизма сыграли немаловажную роль в восприятии Советского Союза русскими эмигрантами.

С вступлением России в Первую мировую войну положение в лагере оппозиции изменилось, для одних только тактически, для других и идейно. Повлиял всплеск антигерманских настроений, в том числе в результате усилий по формированию образа врага. В начале войны можно было наблюдать, как на почве временного отказа от критики правительства происходит объективное сближение либерализма с консервативным национализмом. У многих оно принимало форму шапкозакидательства и ура-патриотизма. Некоторыми общественными деятелями война квалифицировалась как «свое русское дело», и потому-де «ни татары, ни армяне, ни евреи, ни малороссы ничего не получат!», –

¹ См.: *Россия XXI. №3. С.82.*

Е.Н.Трубецкой. 1910 г.

так заявила вышедшая из кадетской партии известная благотворительница, педагог и литератор графиня В.Н.Бобринская. Такое представление о войне не без основания расценивали как результат эволюции к черносотенству [39, с.558].

Утонченным видом и обоснованием этого настроения явилось неославянофильство, полностью оправдывающее правительство, но, оставаясь во власти антибуржуазной ментальности. Отдали дань идее превосходства России над более развитыми государствами и мыслители, критиковавшие неославянофильство [См. подробнее: 42]. Бердяев

противопоставлял «буржуазному империализму» Германии «священный империализм» России, которому чужд «дух своекорыстия». «Россия, – утверждал он, – несет более высокого качества духовную энергию, чем Германия. Своим неповторимым индивидуальным духом она поднимает человечество на более высокую ступень бытия» [2, 1914. 3 нояб]. Евг.Трубецкой также заявлял в начале войны, что русский патриотизм выше немецкого национализма [34, 1914. 4 сент.]. Тот же аргумент выдвигал идеолог анархизма А.Боровой, отрицавший наличие у миллионов русских «торгашеских вождений» [Цит. по: 33, с.58]

Война не обнаружила идеального патриотизма, свободного от желательных и нежелательных примесей – от ксенофобии, враждебности к «барам», от социального радикализма, наконец, от желания покончить с войной во что бы то ни стало. Поворот с весны 1915 г. в массовых настроениях и в поведении солдат власть и оппозиция заметили с опозданием. То, что называли «пораженчеством», проявлялось многообразно – в дезертирстве, братании, в сдаче в плен – в убеждении, что «у немцев лучше» и т.д. Практически все это означало утрату армией боеспособности.

У представителей творческой части интеллигенции «пораженчество» было результатом исчезновения характерных для первого периода войны иллюзий («Борьба за право стала бойней, / Унижен, идеал поник...» – писал В.Брюсов) и осознания того, что, как писал А.Блок, «каждый лишний день войны уносит культуру» [3, с.168]. Обстановка 1915–1916 гг. снова актуализировала вопрос о патриотизме, не устранив раз-

личий в его толковании. Если писатель А.И.Ремизов вздыхал в салоне А.В.Тырковой, что «нет у нас настоящего национализма, нет крепкой любви к своему, как есть у французов и англичан», а Тыркова горячо ему возражала, то Е.Н.Трубецкой призывал теперь патриотизм «бодрить и зажигать», а не гасить, ибо «грешим гораздо больше отсутствием патриотизма», чем шовинизмом, и потому не нужно увлекаться политикой завоеваний [27, с.133–134]. Но, как именно «бодрить и зажигать», было неясно.

Первые попытки рационального анализа проблемы относятся к кануну Февральской революции. Однако сделанные тогда выводы, во многом верные, не сказались на политике не только царского, но и сменившего его Временного правительства. Эта политика в обстановке 1917 г. также не вытекала из реалистической оценки готовности народа продолжать затяжную, вопреки всем ожиданиям, войну.

Меньшевик-оборонец А.Н.Потресов рассматривал положение на фронте, сложившееся в ходе военных действий не в пользу России, с позиций марксистской ортодоксии. Он констатировал, что в России, ввиду стадийного отставания ее от развитых европейских стран, пока что нет подлинной патриотической гражданственности. Обывательская масса, включая пролетариат, еще не ощущает своим «национально-государственное целое», в народном сознании отсутствует реальное представление о том, что такое Отечество. Есть в лучшем случае патриотизм элементарный, бессознательный, покорность судьбе, бесстрашие. Необходима, таким образом, «радикальная европеизация» России. Наступление ее Потресов увидел вначале в Февральской революции. Подобно многим, он ошибся, надеясь, что падение монархии консолидирует общество, превратит обывателя в гражданина и тем самым в подлинного патриота. Лозунг «революционного оборончества», выдвинутый в 1917 г. в расчете на перелом в войне, благодаря тому, что Россия стала свободной, остался мертворожденным – так же как ранее не стал национальной идеей «крест над святой Софией» [См. подробнее: 27, с.127–130].

Некоторым сторонникам в тот период революционного оборончества пришлось уже *post factum* признать, что, несмотря на исчезновение монархии, «тяготение к сепаратному миру вышло далеко за пределы большевистской клики», что это было проявление «национального эгоизма», который есть «общее правило». Иначе говоря, не было иного выхода, кроме подписания «похабного мира» [36, с.74]. Эта позднейшая констатация перечеркивала обличительный и антантофильский пафос враждебной большевикам публицистики 1917–1918 гг. [См.: 24, т.3].

Еще раньше эмигрантов признали неизбежными центробежные эгоистические тенденции внутри Антанты бывшие царские генералы, перешедшие на службу в Красную армию и обобщавшие опыт мировой войны в Военно-исторической комиссии.

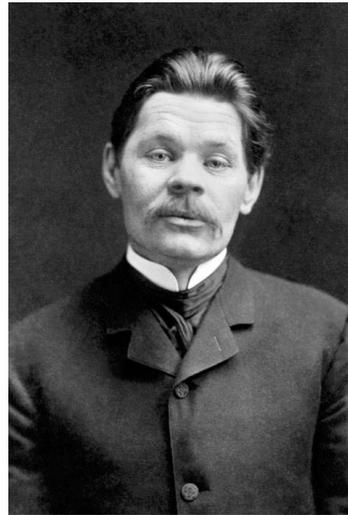
В пестром антибольшевистском лагере революционных лет и эмигрантского периода было много тех, кто воспринял революцию и гражданскую войну как борьбу между силами национальными и инациональными, русскими и антирусскими. Г.П.Федотов считал революцию итогом унаследованного большевиками «векового выветривания национального сознания»: «для целых поколений патриот было бранным словом», тогда как в прошлом (до XX века?) «религиозная идея православного царя могла подвигнуть народ на величайшие жертвы, на чудеса пассивного героизма...». В этом сопоставлении не было сожаления о самодержавной монархии. Подобно Потресову, Федотов признавал, что и тогда народу был недоступен «государственный смысл» приносимых жертв. О Первой мировой войне он писал, что народ, едва ли понимавший ее цели, на третий год войны потерял силы и терпение и отказался защищать Россию [38, с.452–453]. Последующую эволюцию советского режима и его идеологии Федотов не предвидел.

Преимущество в смысле познавательной продуктивности оставалось за теми эмигрантами, кто не утратил в своих рассуждениях историзма и способности к многофакторному анализу. Однако в 20-е гг. слышнее были в эмиграции голоса правых. Они, по мнению критиков, лишь воскресли идеологию старого режима, ничем ее не обогатив, не посчитавшись с тем, что она явилась одной из главных причин его гибели. Показательна с этой точки зрения интенсивная переписка двух политических деятелей, испытывавших с дореволюционных времен взаимную симпатию, но тем не менее идейных антиподов – В.А.Маклакова и В.В.Шульгина, так и не переубедивших друг друга ни в чем существенном². Причиной была, как безошибочно заключил Маклаков, в первую очередь противоположность тех способов восприятия мира, какими пользовались корреспонденты.

Оправданными были подходы ко всему новому художников. Так, Горький в период своей «полуэмиграции» 20-х гг. стремился (и призывал к тому же писателей-современников) показать «ирреальное, полу-

² *Другие схожие и также редкие в эмигрантской среде (и в политической культуре России) примеры – отношения Е.Д.Кусковой и А.В.Тырковой [27, с.120–121], Н.В.Вольского и Е.Д.Кусковой.*

фантастическое, дьявольски русское» в реальности революционной эпохи [31, с.4]. Речь шла о поведении людей, о многочисленных конкретных ситуациях, свидетельствовавших о взаимном ожесточении, очерствении душ и падении цены жизни, но все же не о концептуальном объяснении революции в целом, если не считать объяснения Горьким запредельной жестокости людей превалированием в России деревни над городом (в ответ эсеры обвинили Горького в «народозлобии» и стремлении переложить ответственность за террор с большевиков на крестьян). «Концептуальность» консервативных сил сводилась к объяснению конспирологическому, унаследованному от дореволюционной правомонархической мифологии. В этом смысле Шульгин-эмигрант не был исключением, хотя и пытался отделить себя от черносотенных лидеров, «погромщиков», и даже имел репутацию «благоразумного правого».

М.Горький. 1906 г.

Шульгин, не отрицая, что у него нет качеств Маклакова – ощущения реальности и объективности, – видимо, считал их необязательными для понимания причин катастрофы, постигшей старую Россию. Главной в его воззрениях как до-, так и пореволюционных была иррациональная составляющая. По словам его оппонента, «еврейская монomanия» Шульгина – это «навязчивая идея, которая исключает все остальные», у него она играет роль универсального ключа к прошлому, настоящему и будущему России. Между тем «одним из коренных грехов царского правительства» было, согласно Маклакову, небрежение к национальному вопросу, непонимание того, что «Россия страна разноязычная и разноплеменная». Вера, что политика антисемитизма и вообще национальная политика монархии укрепляет единство и государственную мощь России, было опровергнуто ходом революционных событий. Шульгин на этот довод Маклакова не обратил внимания.

Патриотизм эмигрантов так и не приобрел единообразия. В объяснении Шульгиным причин поражения белых аксиоматичный для него и решающий фактор – тождественность евреев и большевиков. Больше-

визм, по его определению, это «еврейский фашизм». С этой точки зрения он, как и все правые в эмиграции, считал более предпочтительными другие европейские диктаторские режимы 20-х гг., в том числе режимы Муссолини и Хорти, а позже нацизм Гитлера, активно поддержанный по меньшей мере значительной частью русских эмигрантов [36, с.221, 248–249, 253–255].

После же победы над Гитлером некоторые из тех, кто не запятнал себя коллаборационизмом, получили советские паспорта, не собираясь, однако, возвращаться в СССР. Писатель В.С.Яновский объяснял это тем, что ими все еще владел «чувственный патриотизм», они были кровно связаны с такими его атрибутами, как «Империя», «великая держава», «исконные границы», Дарданеллы, а свобода личности и ограничение произвола откладывалось на «потом» [44, с.296]. Перечисленные атрибуты были, таким образом, по мнению Яновского, идеологическим наследством российской монархии. Эмигранты могли судить об этом и встречаясь с советскими представителями за рубежом. Свои наблюдения они иногда неправомерно экстраполировали на всю «интеллигенцию» в СССР, без учета фактической сословности советского общества (реанимируемой в постсоветское время): «...Очень выросло национальное самосознание – просто великодержавность», но без «исконных черт прежней интеллигенции – ни тебе народолюбия, ни рабочелюбия», ни даже интереса к простым людям [14, с.155].

Впрочем, надежды на осуществление большевиками гегемонистских планов времен Первой мировой войны, пусть в измененном виде, имели место даже в первые годы советской власти, после победы над белыми в гражданской войне. Некий инженер Н.Воронов обратился в 1921 г. к Ленину, сообщив о себе, что в идею социализма не верит, не согласен с действиями большевиков, а в прошлом «мечтал с Милюковым о Кресте на Св.Софии». Он верит в Идею «Великого Объединения Восточных Государств (России, Турции, Германии и др.) в противовес хищническим стремлениям нынешних гегемонов – Антанты» и призывает к ее реализации советскую власть [37, с.22–23].

Параллель этой на первый взгляд странной утопии – взгляды В.А.Маклакова. В оценке большевизма как политического феномена Маклаков 20-х гг. оказался проникательнее и Шульгина, и других эмигрантов. Он считал вероятным такую эволюцию большевизма, когда тот «изменит цели и задачи, из красного станет белым, будет насаждать не коммуну, а крепостничество, но останется большевизмом, то есть якобинством». Не исключал такой трансформации и Вернадский [5, с.11–13; 7, с.108].

Главным признаком большевизма, причем еще до начала «раскулачивания» и террора 30-х – 40-х гг., они считали вовсе не ненавистный монархизм в эмиграции марксистский интернационализм, а якобинство. Пролетарскими якобинцами, между прочим, называл большевиков и их вождь, для него французские якобинцы были примером для подражания (хотя он и уверял, что большевики не собираются их копировать и гильотинировать своих противников, но так было лишь на пути к власти). Якобинство, по Ленину уже в советское время, это максимализм целей и терроризм, в большевистском понимании все это есть норма и в мирных условиях. Маклаков, таким образом, раскрывал содержание понятия «якобинство» так же, как Ленин, но оценивая его со знаком минус. Он справедливо считал, что «диктатура пролетариата» противоположна правовому государству. Вся история революции, писал он, отмечена чертами «национальных привычек», ибо ни народу, ни самодержавию, ни оппозиции исторический опыт России не внушил уважения к праву [35, с.60].

В.А.Маклаков. 1917 г.

Внутренняя политика «диктатуры пролетариата» при Сталине снова подтвердила это самым очевидным образом. В оценке эмигрантами ее идеологического сопровождения полного единства мнений не было. В результате поворота в середине 30-х гг. родовые черты большевизма стали совмещаться с «советским патриотизмом». По оценке социолога Н.С.Тимашева это был поворот на 180 градусов, «великое отступление», замена интернациональной перспективы «русоцентричной ретроспекцией», то есть соответствующим освещением истории. По этому поводу иронизировал в 1938 г. Н.В.Вольский: Сталин находит, что чувство национальной солидарности и идея нации были весьма крепки даже во времена Александра Невского, Минина и Пожарского, у смердов и крестьян средневековой Руси [11, л.15 об.]. Однако сценарии фильмов и прочие художественные и не художественные сочинения, написанные в духе новых указаний, Сталин не проверял на достоверность, ни тогда, ни позже. Не следует преувеличивать значение прочитанных им исторических трудов, например, об Иване Грозном. К истории он подходил утилитарно, и такой подход, формирующий «квазипамять», жив поныне.

Вместе с тем Вольский понимал, что это не локальное явление, что наступила «эпоха напряженной мобилизации национальных чувств и постоянной апелляции к идее нации. Это происходит повсюду...», идея нации приобретает «регулятивное и социальное значение». Накануне Второй мировой войны так было и в Советском Союзе [29, с.226–228].

Утопия? Эксперимент?

Рассматриваемая эпоха оказалась щедрой на всякого рода социально-политические утопии, но увлеченные ими современники, как правило, этого не сознавали, или осознали позже.

Об утопизме главных положений большевистской идеологии, о Ленине-утописте, об утопизме идеи скачка России в социализм было написано достаточно много еще до октябрьского переворота. Противники большевиков продолжали считать их утопистами и когда те пришли к власти. О том, что большевики поставили над Россией некий эксперимент, который провалился, в СССР заговорили на исходе его существования. С тех пор такая трактовка советской истории нашла немало сторонников среди пишущих и читающих³. Сами лидеры большевизма, однако, себя экспериментаторами не называли и тем более утопистами, напротив, они утверждали, что следуют учению Маркса, которое, по словам Ленина, «всесильно, потому что верно». Но эта фраза, выражающая веру в истинность учения Маркса без какой-либо аргументации, была написана до Первой мировой войны. Имеет смысл поэтому еще раз обратиться к итоговым работам Ленина и к тому, как отнеслись к ним первые читатели.

В марте 1928 г. в Париже Н.В.Вольский, в тот момент еще «спец» на советской службе, узнал от Г.Л.Пятакова⁴, какой была реакция комму-

³ Возможно, впервые слово «эксперимент» применительно к действиям большевиков – в смысле попытки воплотить утопию «чистого социализма» – стали употреблять уже в 1918 г., об этом писал, например, С.Л.Франк: «Действительно, Россия произвела такой грандиозный и ужасный по своим последствиям эксперимент...» и т.д. [15, с.256]. Продолжали так говорить и в эмиграции. Представитель второй волны эмиграции историк Н.И.Ульянов писал, что с октября 1917 г. стал осуществляться «скандальный русский эксперимент», и это следствие того, что «на западе ум победил утопию, а в России нет» [29, с.324–325].

⁴ Г.Л.Пятаков в 1923–1927 гг. был заместителем председателя Госплана и знал Н.В.Вольского как редактора «Торгово-промышленной газеты» – органа ВСНХ. Описанная беседа состоялась, когда Пятаков работал некоторое время советским торгпредом

нистической элиты на последние, продиктованные статьи Ленина. Многие коммунисты, в том числе члены Политбюро, сочли статьи «очень неудачными», они «совсем не понравились», за исключением одной – «О нашей революции», ибо, по утверждению Пятакова, в главной мысли этой статьи, в «растаптывании так называемых "объективных предпосылок", в смелости не считаться с ними, в призыве к творящей воле, решающему и всеопределяющему фактору» – «весь Ленин» [10, с.148–149].

Имелось в виду фактическое признание Лениным того, что большевики следовали совсем не Марксу, когда в октябре 1917 г. «ввязались в серьезный бой», не имея прогноза на хотя бы ближайшее будущее («там будет видно»). Не предвидели ни Брестский мир, ни нэп (их назвал сам Ленин), ни, очевидно, реальную гражданскую войну. Не вспомнил он о том, как заявлял 23 апреля 1918 г., что гражданская война окончена, а до этого, «на пути к Октябрю», многократно призывал не бояться гражданской войны, которой-де запугивают рабочих, она будто бы обойдется неизмеримо «дешевле», чем война империалистическая, где льются «моря крови», а в гражданской войне прольются лишь «потоки». Что в лучшем случае было самовнушением, но подтверждения не нашло, получилось все наоборот⁵.

Отказавшись с запозданием от утопии военного коммунизма, Ленин в последних своих работах не сказал ничего о том, что именно эта политика вслед за «красногвардейской атакой на капитал» не только не спасла от «грозящей катастрофы» в экономике, что было обещано им накануне Октября, но привела к разрушению всего, чего Россия достигла в ходе социально-экономической модернизации начала XX в. Он констатировал лишь упадок в народном хозяйстве («Россия отброшена теперь назад»), ответственность за который возлагалась всецело на интервентов и белогвардейцев. Данных о людских потерях

Г.Л.Пятаков. 1916 г.

во Франции, а Вольский по его предложению согласился быть редактором газеты, издаваемой торгпредством на французском языке, – до 7 октября 1930 г., когда стал «невозвращенцем».

⁵ Безвозвратные потери России за годы Первой мировой войны составили 3–4 млн. человек, а за время гражданской войны население сократилось на 11–15 млн.

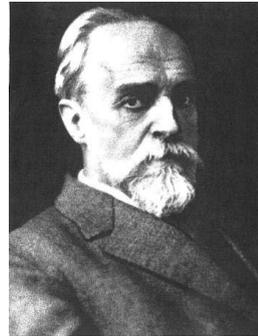
он не приводил; возможно, таких данных не имел, но мог догадываться, что они превышают намного число погибших в мировой войне. О качественных потерях общества не было речи. Как нечто само собой разумеющееся утверждалось, что «изгнание» помещиков и капиталистов – для страны безусловный плюс, предпосылка достижения необходимого для перехода к социализму уровня цивилизованности, причем быстрее, чем в развитых капиталистических странах, – «в несколько лет».

Вольский и его друзья-советские «спецы» знали, что только «под хлыстом Ленина партия пошла на НЭП», что большинству коммунистов нэп казался опасной политикой, а Пятаков вообще считал отказ от военного коммунизма ошибкой: нэп «не нужно было вводить». Вольский, несмотря на покровительство, оказываемое ему Пятаковым, не мог быть с ним солидарен. Разговор 1928 г. приблизил его к осознанию неизбежности «великого перелома», ибо идеи возвращения к военному коммунизму или к чему-то сходному «жили в советской идейной атмосфере» и в годы нэпа, партия, созданная Лениным, была подготовлена к возрождению лозунга «Бей кулака!» и к «пьяной, хаотичной индустриализации». А Сталин, громивший троцкизм, одновременно усваивал его как «гашиш». Все это понял раньше Вольского его друг В.Г.Громан [29, с.360–371; 9, с.247–248].

Если вернуться к терминологии, то эксперимент как синоним научного опыта не имеет ничего общего с историческим опытом, из-за разной продолжительности, а также потому, что научный опыт предполагает подготовленность и трезвый анализ полученных результатов, в том числе отрицательных или непредвиденных. Ни того, ни другого не было, так что уподобление эксперименту революции и последующей почти вековой полосы развития страны далеко от общепринятого наполнения данного понятия.

В негативном отношении к большевизму не меньшую роль, чем демонстративный отказ Ленина и его сторонников от общей для всех социал-демократов программы-минимум РСДРП во имя якобы реально возможного прыжка в социализм, сыграло их намерение начать историю как бы с чистого листа и принесение настоящего в жертву «светлому будущему». Ни либералы, ни умеренные социалисты при всех разногласиях между ними не признали Октябрь 1917 г. и политику большевиков социалистической революцией. Рассматривая социалистическую идею как порождение гуманизма, они видели в этих действиях отрицание нравственной основы социализма – уважения к человеческой личности (что, согласно «классовым» представлениям большевиков, такой основой не являлось).

Отмечалось также, что народу, поддержавшему октябрьский переворот, «по существу не было никакого дела до социализма». Приход к власти большевиков представлял перед образованными современниками уже в 1918 г. в обличье порожденного российской «азиатчиной» торжества архаики – эгалитаризма и разрушения культуры, являясь, как писал Потресов, объективно реакционным, антицивилизационным бунтом, лишь освященным именем Маркса. У этого бунта, считал он, бесконечно больше точек соприкосновения со Смутным временем начала XVII в., чем с Французской революцией конца XVIII в. [23, с.419].

А.Н.Потресов. 1925 г.

Правда, Милуков, как мы видели, не соглашался с тем, что этот бунт, который использовали и затем обуздали большевики, был совершенно «бесмысленным», он закрепил, по его мнению⁶, сделанное в феврале. Но преобладало относительно Октября убеждение в том, что это не было прогрессом, то есть продвижением вперед в интересах людей. Историки нашего времени, изучающие большевизм и Ленина, едины в том, что человеческое измерение в истории и политике было Ленину всегда чуждо, он отвергал конкретного человека ради абстрактного целого. Это относится и к носителям культуры.

Октябрь и культура. Первые «перебежчики»

Октябрь 1917 г. расколол интеллигенцию, объединив в непримиримом антибольшевизме самых разных деятелей культуры против тех, кто новую власть «принял» – на время или навсегда – и кто также не составлял какого-то единства. Гражданская война раскол углубила. На территории, контролируемой большевиками, противостояние им не обязательно было сопряжено с симпатиями к белым или со стремлением эмигрировать. Революция и ее последствия означали для интеллигенции, включая культурную элиту, в лучшем случае утрату прежнего общественного статуса, бегство и изгнание или для тех, кто остался в советской России, трудное приспособление, а в худшем случае – физическую гибель. Нивелирующие термины «принял» или «не принял» революцию, вошедшие в литературу, в том числе биографическую и справочную, всегда, таким образом, нуж-

⁶ См.: *Россия XXI*. 2018. №3. С.92.

даются в индивидуальной расшифровке, в частности, чтобы оценить вклад того или иного деятеля культуры в постижение смысла происшедшего начиная с октября 1917 г.

11 января 1918 г. Зинаида Гиппиус составила «для памяти» список «за упокой» из 22 более или менее известных «интеллигентов-перебежчиков». Они, по ее словам, первыми побежали «сразу за колесницей победителей» и «не по убеждениям... а ради выгоды, ради моды...». Среди прочих в списке значились А.Блок, которого Гиппиус было «больше всех... жаль», А.Белый, А.Бенуа, Вс.Мейерхольд, К.И.Чуковский [40, с.57–58]. Эта акция не предполагала какого-либо исследования мотивов поведения тех, кто был включен в список.

Стоит лишь сразу заметить, что всерьез говорить о «выгоде» и «моды» не приходится. Хоть и было немедленно объявлено, что «революция, о которой все время говорили большевики, совершилась», победа не была очевидной (в том числе самим «победителям») настолько, чтобы «перебежчики» побежали за их колесницей, даже после разгона Учредительного собрания. Повторим еще раз, что обличительные клише из арсенала полемики того времени научно бесперспективны.

Гиппиус и Мережковский были последовательны в своей ненависти к Октябрю как наступлению царства Антихриста. Выбравшись в декабре 1919 г. за границу, Мережковский ополчился на М.Горького, чтобы спасти петроградскую интеллигенцию от голода и холода и дать ей какую-то возможность созидания, взял на себя роль посредника между интеллигенцией и властью, для чего, как признавался он К.И.Чуковскому, ему приходилось «лукавить, лгать, притворяться». Но, утверждал Мережковский, Горький хуже Ленина и Троцкого. Вопреки тому, что Герберт Уэллс написал по возвращении из Петрограда, Горький не спасает русскую культуру от большевистского варварства. Таким образом, адаптация к большевистскому режиму отвергалась. Единомышленники у Мережковского нашлись. Считал, например, что Мережковский прав, Блок, а сам Горький в октябре 1921 г. был вынужден уехать за границу, между прочим, и потому, что его усилия становились все менее эффективными [41, т.1, с.302, 542; 28, с.53].

Можно ли видеть в «принятии» Октября полное одобрение идеологии большевизма, в том числе нигилистического отношения к «непролетарской» культуре и к ее носителям? Ленин изложил свою крайне примитивную позицию на сей счет – часть большой утопии – уже в дни Октября в связи с заявлением А.В.Луначарского об отставке с поста наркома просвещения после того, как он узнал о разрушениях в результате артиллерийского обстрела московского Кремля и других выдаю-

щихся историко-культурных памятников. Луначарского Ленин убеждал (и, видимо, убедил) в том, что культура будущего затмит культуру прошлого. «...Дело идет об открытии дверей перед таким общественным строем, который способен создать красоту, безмерно превосходящую все, о чем могли только мечтать в прошлом». Поэтому не нужно «придавать такое значение тому или другому старому зданию, как бы оно ни было хорошо» [18, с.46].

Речь шла и здесь о новой вере взамен старой, и точно таким же образом, как Ленин, «рассуждали» непосредственные организаторы обстрела Кремля: «...Можем ли мы останавливаться перед разрушениями, когда пред нами величайшие мировые цели» [32, т.3, с.319]. Та же «логика» в письме, написанном в конце гражданской войны Ларисой Рейснер, вышедшей из культуры Серебряного века и тоже попавшей в список З.Гиппиус. Рейснер – «женщина-комиссар» – думала, что у нее нет никаких иллюзий, так как она знает и видит «все дурное, что есть в социальном наводнении», допускает, что «там, в Петербурге, слишком велики голод и упадок сил», что вместе с «полным и жесточайшим» разрушением прежнего общества, «может быть», «временно» разрушится и прежняя культура. Рейснер она не безразлична, как Ленину, но вывод по сути тот же, что у Ленина: дальше последует «то величественное и спокойное восхождение Солнца Духа, тот новый век Ренессанса, о котором мы все когда-то мечтали» (из письма М.Л.Лозинскому) [Цит. по: 6, с.94–95].

Вера большевиков в революцию вместе с провозглашением разрыва культурной преемственности была идентична анархистской убежденности в том, что революция одновременно сила разрушающая и созидаящая, что частью ее является «творчество масс», которого большинство деятелей культуры не замечало. С утопией насчет «Солнца Духа» можно сопоставить мечты «перебежчиков», не ставших большевиками, мечты, как выяснилось, в советских условиях не более осуществимые уже потому, что ожидалось возвращение к универсальным нормам, отвергавшимся большевиками. В программу журнала «Завтра», который собиралась выпускать в 1919 г. «независимая группа писателей» под редакцией Горького, входила «борьба за культуру, защита культурных завоеваний и ценностей, объединение всех интеллектуальных сил страны, восстановление духовных связей с Западом, прерванных всемирной войной, приобщение России к великому Интернационалу Духа, который будет неминуемо создан – и уже создается – в ЗАВТРАШНЕЙ преобразенной Европе» [41, т.1, с.253, 537]. Пока казалось, что дело не в природе большевизма, а лишь в мировой войне и, следовательно, достаточно ее завершения для возврата к описанной норме.

Симпатии «перебежчиков» к лозунгам 1917–1918 гг., прежде всего к лозунгу мира и к намерению большевиков раздуть «мировой пожар» «на горе всем буржуйам», вытекали, с одной стороны, из антибуржуазности модернизма, а с другой, – были созвучны столь же утопичным массовым настроениям (восприятие декрета о мире в момент его провозглашения как конца войне вообще, несмотря на все оговорки Ленина, сделанные в докладе на II съезде Советов). Отвращение деятелей культуры к старому порядку на фоне разгула революционной стихии опередило их реакцию на варваризацию и дегуманизацию жизни, ударившую вскоре и по интеллигенции, отождествляемой с «буржуями».

Андрей Белый принял Октябрь с религиозным восторгом, с «умилением», как заключительный аккорд мистических предчувствий [8, с.314–318]. Для Иванова-Разумника большевики, которые смели «социалистов-мещан», – «подлинные революционеры духа» [13, с.76]. В.Ф.Ходасевичу и в 1919 г. многое в большевизме было «глубоко по сердцу»; «диктатуру рабочего» он предпочитал тогда «диктатуре бельэтажа», то есть власти «аршинников», «рябушинской сволочи», от которой его «тошнит и рвет желчью» (власти гипотетической, ибо реально ее в России никогда не было) [19, с.225–245]. Известно, что в дальнейшем мнимых «перебежчиков» постигло разочарование.

Резко негативные отзывы встретила в антибольшевистской среде поэма Блока «Двенадцать». Ее оценивали как политический манифест, независимо от оцененных или недооцененных художественных достоинств, и вряд ли в тот момент могло быть иначе. Ненависть Блока, по его же признанию, ко всем теориям прогресса (очевидно, эволюционному), разжигаемое в себе «чувство катастрофы, всеобщего крушения, жажда революции» привели его к поддержке своей поэмой большевистских призывов «грабить награбленное» и тезиса «все позволено», к превращению бандитов в апостолов высшей правды – так воспринял поэму Вольский, и не он один; он вспоминал впоследствии, какой восторг вызвала поэма «в самых зверских кругах» [8, с.139–141; 29, с.154–160]. Те, кто в эмиграции заступался за Блока, не опровергли эту оценку, отметив лишь – например, в биографии Блока, на-

Александр Блок

писанной Н.Берберовой для французских читателей, – что все так и было, как изобразил Блок. Фактически согласился с этим в СССР В.Катаев, когда заметил, что Блок единственный избежал шаблона, описывая революцию в России, непохожую на все прежние, «первично» [16, с.338].

После Второй мировой войны советское литературоведение объявляло поэму актом признания первым поэтом России всемирно-исторического значения пролетарской революции – с оговорками насчет ошибочного преувеличения в ней стихийно-анархического начала⁷. В постсоветский, идеологически антиреволюционный и промонархический период поэма низводится до «революционного штампа», от которого к концу жизни «поэт пришел к осознанию трагического смысла переворота 1917 года, пытавшегося уничтожить Российскую Империю». Если подразумевается Февраль, то из этого следует, что Блок больше не считал монархию «трупом», чью «дорогую память», как писал он совсем недавно, «злбно чтут» только «толстопузые мещане». В пользу вывода о монархизме Блока приводились крайне зыбкие аргументы [3, с.385–392, 362; ср.: 4, т.8. С.373, 636].

Все эти интерпретации расходятся с фактами творческой биографии Блока, о чем, в частности, говорят его записки в дневнике и записных книжках 1917 г., накануне большевистского переворота и создания поэмы. Блок, по его же словам, – «художник, т.е. свидетель».

Ю.П.Анненков.

Илл. к поэме А.Блока «Двенадцать»

⁷ Оговорка отразила факт укрепления сталинского режима после победы над нацистской Германией. Неукоснительно требовалось в связи с этим подчеркивать руководящую роль Коммунистической партии, например, «исправив» в соответствующем духе уже изданный в 1946 г. роман А.А.Фадеева «Молодая гвардия». Осуществленное «исправление» немедленно сказалось на оценках в историко-литературоведческих работах, в том числе о Блоке.

Понимать такое определение буквально, разумеется, не следует, но важно то, о чем художник считал нужным свидетельствовать, какие факты отбирал. Из записей видно, что он противник продолжения войны и, следовательно, политики, проводимой в этом вопросе Временным правительством. «Мы (весь мир) страшно изолгались. Нужно нечто совершенно новое». И незадолго до большевистского переворота: «Наступает холод и голод. Война не кончается...». Глава в Курсе русской истории Ключевского о самозванцах, о Смутном времени, записывает он, должна быть настольной книгой для возможно большего круга русских людей.

На первых после Февральской революции выборах 28 мая он голосует за блок эсеров и меньшевиков, но уже в этот момент испытывает тяготение «к туманам большевизма и анархизма», отождествляя их со стихией, с «музыкой революции». Представления Блока о революции, о большевизме, о народе и о будущем России раскрываются в ряде записей 1917 г. В целом они оптимистичны. «Это ведь только сначала – кровь, насилие, зверство...». «Все будет хорошо, Россия будет великой. Но как долго ждать и как трудно дожидаться». «Какое право имеем мы (мозг страны) нашим дрянным, буржуазным недоверием оскорблять умный, спокойный и много знающий революционный народ?».

С.Н.Булгаков приравнивал большевизм к Распутину, Блок считал это упрощением. Он соглашается с тем, что говорил о марксизме (имея в виду и большевизм) философ А.А.Мейер⁸: величайшая положительная сторона марксизма в том, что он предполагает продолжение революции, но величайшая его отрицательная сторона – «нечувствие свободы, матерьялистическое отрицание личности; а свобода есть только свобода личности, иной свободы нет». «Один только Ленин верит, что захват власти демократией действительно ликвидирует войну и наладит все в стране» (19 октября) [3, с.125, 148–149, 164, 166, 168, 169, 171, 188, 197]. Объясняясь с З.Гиппиус в неотправленном письме и утверждая, что их разделил сначала 1905-й, а затем 1917-й годы, Блок пользовался словосочетанием «Великий Октябрь» [4, т.8, с.634–635]⁹.

⁸ Мейер А.А. (1875–1939) – философ и переводчик, христианский социалист. Входил в Петербургское религиозно-философское общество. В декабре 1928 г. арестован за создание «контрреволюционной организации» (возникшего в конце 1917 г. кружка «Воскресение») и в июле 1929 г. осужден на 10 лет лагерей. За 1918–1928 гг. кружок посетило не менее 150 участников, почти все они были арестованы. Мейер отбывал заключение на Соловках и Медвежьей Горе. Освобожден в 1934 г. Умер в Ленинграде. [См.: 1, с.324–328, 447–448, 487].

⁹ Вместо письма Блок отослал стихотворение «З.Гиппиус ("Женищина, безумная горяч-

Но все это существенно корректируется в датированной апрелем 1920 г. и опубликованной посмертно «Записке о "Двенадцати"». Блок пояснял, что поэма была написана «в согласии со стихией», которой он тогда, в январе 1918 г., последний раз «слепо отдался». Смысл поэмы не в политике, там имеется лишь «капля политики», да и сама политика – это «небольшая заводь» «в море человеческой жизни». «...Те, кто видят в "Двенадцати" политические стихи, или очень слепы к искусству, или сидят по уши в политической грязи, или одержимы большой злобой, – будь они враги или друзья моей поэмы» [4, т.8 с.474].

Не только Блок считал сначала, что сущность революции заключается в справедливом возмездии. Писал в дневнике о расплате, о «правосудном возмездии» и Голицын. И те авторы знаменитого когда-то сборника «Вехи», кто находился в Советской России до высылки 1922 г. (Н.А.Бердяев, С.Л.Франк, А.С.Изгоев), уже в эмиграции подчеркивали, что революция явилась тяжелой расплатой за грехи и болезни власти, интеллигенции и отчужденного от культуры народа – вразрез с прежней и общей «веховской» позицией исторической ответственности исключительно интеллигенции. Теперь они надеялись, что так же, как в эпоху падения под ударами варваров Римской империи, в России разгром культуры «внутренними варварами» будет сопровождаться распространением культуры на мир варваров. Блок расстался с надеждами на это раньше. Его «Записка» – свидетельство разочарования в том, что казалось ему в 1917 г. положительной стороной марксизма. Это новый взгляд поэта на утопию «Великого Октября» из послеоктябрьской реальности, хотя прямо об иллюзиях, отразившихся в знаменитой концовке поэмы «Двенадцать», Блок в «Записке» ничего не написал. Ранее, отвечая на вопросы, он говорил, что эта концовка, хотя и ему самому не нравится, не искусственно приклеена, она составляет с поэмой «одно целое» [41, т.1, с.253].

Есть в этом авторском комментарии и элемент критики. «Легко сказать: говорили об уничтожении дипломатии, о новой юстиции, о прекращении войны, тогда уже четырехлетней!» – это была, считает теперь Блок, буря в стакане воды [4, т.8, с.474]. Мысль Блока совпадает с тем, что позднее написал об агитации большевиков, пришедших к власти, о тех же обещаниях и декретах – их насчитывалось свыше трех тысяч! – Борис Пастернак в романе «Доктор Живаго»: «Это было неслыханно безоговорочно. Эта прямолинейность покоряла. Но такие вещи живут в

ка!..")» (1–6 июня 1918 г.), которое кончалось славой Интернационалу [4, т.8. с.372].

первоначальной чистоте только в головах создателей и то только в первый день провозглашения» [21, с.349]. Ни Пастернак, ни тем более Блок не пытались как-то измерить воздействие этой агитации декретами на массовое сознание, но сам факт временного воздействия не отрицали.

Блок был прав, когда констатировал, что «гуманистическая цивилизация XIX века кончилась». Но он не соглашался в 1920 г. с тем, что не следует желать лучшего, так как всякий другой строй будет хуже большевистского [41, т.1, с.303]. В этом смысле он ушел от взгляда, который отстаивал в 1919 г. Ходасевич. Теперь определяющим его отношение к политике большевиков становится то, что хотя и было ему известно до установления их власти, но представлялось тогда (вместе с Мейером) неприемлемым, но терпимым, – «нечувствие свободы», «отрицание личности». На первое место выдвинут тезис о свободе и личности и в стихотворении «Пушкинскому дому» – последнем стихотворении Блока. Защищал он этот тезис и устно: «Бенкендорф не душил вдохновенья поэта, как душат его теперешние чиновники ...Пушкин мог творить, а нам (поэтам) теперь – смерть» (февраль 1921 г.) [41, т.1, с.320].

Вряд ли верно усматривать в таком финальном акценте выражение «личного интереса» Блока, который-де в итоге захотел вернуться к «императорской власти». Рационально мыслящий Вернадский точно так же констатировал отсутствие в уже «нэповской» Советской России свободы слова и печати, свободы научного искания, самоуправления, не только политических, но гражданских прав, уважения и обеспеченности личности и собственности, то есть всего того, что он по-прежнему считал самым важным в любом государстве, независимо от формы правления. Эмигрантские споры о том, что лучше – монархия или республика, – представлялись ему теперь схоластическими [7, с.108. См. также: 17, с.333, 337–338].

Особо следует сказать об идее мировой революции – «эсхатологической субстанции» большевизма, по позднему эмигрантскому определению. Русская революция по-большевистски – это лишь начало мировой. И Блок в июне 1917 г. не сомневался в том, что «всемирная Революция, во главе которой стоит Россия», становится «содержанием всей жизни» [4, т.1, с.L]. По мнению эмигранта П.А.Берлина, Блок выразил в стихотворении «Скифы», написанном сразу вслед за «Двенадцатью», предчувствие вступления на историческую сцену азиатских народов, которым «Россия гораздо понятнее и ближе, чем Европа и Америка»; с их движением большевики связывали утопию мировой революции. Истолкование более правильное, чем если видеть в «Скифах»

просто переложение «панмонголизма» Владимира Соловьева или исток евразийства. Сами евразийцы такое родство отрицали [45; 43, с.350]¹⁰.

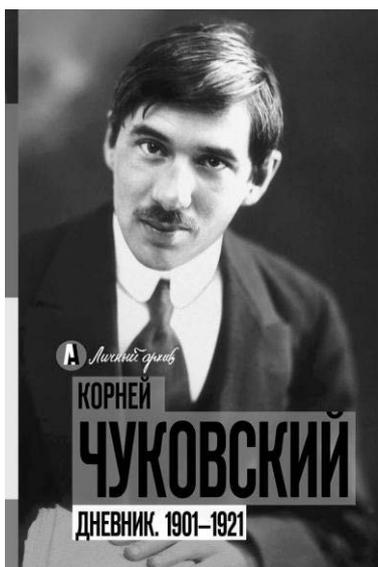
Но мировой революции с участием рабочих самых развитых капиталистических стран не произошло, несмотря на ее «подталкивание» и «прощупывание штыком» готовности к ней Польши, а в проекте также Германии и других европейских государств (так выразился Ленин «не для печати» после неудачи польского похода 1920 г.). У «перебежчиков» эта идея постепенно утратила былую притягательность, свой «чарующий звук» [11, л.4, 15 об., 16], да и тема «Скифов» не получила у Блока развития.

Во многом отношение к большевизму с позиций защиты культуры зависело от принадлежности к тому или иному поколению. Значительная часть молодых писателей и художников с другим жизненным опытом еще ни в чем тогда не разочаровалась. Среди них были не только принимавшие участие в событиях революции и гражданской войны, но влюбленные в революцию, одержимые духом революции, гордившиеся тем, что живут в эпоху Великого Поиска. Таким, согласно позднему (и потому не идеально точному) свидетельству В.П.Катаева, было, например, умонастроение его самого и перебравшихся вслед за ним в 20-е гг. в Москву писателей – Эдуарда Багрицкого, Юрия Олеши, Ильи Ильфа и других [16, с.281, 283]. Это поколение не считало Октябрь концом культуры или полным разрывом культурной преемственности.

О тех, кто был чуть старше (М.А.Булгаков, А.Белый, М.А.Волошин, Б.Л.Пастернак и др.), современный исследователь пишет, ссылаясь на свидетельство поэта Б.Лившица, что они чувствовали себя крепче связанными с предшествующим поколением, чем со «сменной», и потому сначала надеялись «на вменяемость власти, на ее очеловечивание». Но «в новом мире жестокого абсурда прижились немногие», многое утратив [12, с.168–169]. Рубеж между двумя этапами адаптации к советскому режиму они указывали не публично, исходя из собственного опыта, включая опыт осмысления последствий революции.

¹⁰ До революции сходную по сути своей мысль о том, что Россия и русские духовно ближе арабам, персам и китайцам, чем Западу, активно пропагандировали консервативные публицисты С.Н.Сыромятников и Э.Э.Ухтомский. Обосновывая азиатский вектор внешней политики России, они утверждали, что народы Востока еще «не заглушили в себе Бога... и не осмеливаются на место головы и сердца поставить брюхо и кошель с деньгами». Поэтому следует бороться вместе с ними «за деревню ...за чистую душу ...за жизнь против машины ...за бедность против богатства» [25, с.223–246; 26, с.504; 29, с.292–293]. вполне вероятно, что с этим кругом идей, одним из источников творчества, были знакомы деятели Серебряного века.

В конце своей жизни К.И.Чуковский (один из «последних интеллигентов», по определению Д.С.Лихачева) не хотел следовать «опостылевшей формулировке»: «революция – это хорошо, а мирный прогресс – плохо». Он называл лишь некоторые имена писателей – от Александра

Полежаева до Бруно Ясенского – из множества «раздавленных одним и тем же сапогом» до и после революции. В том, что «революционные идеи были пагубны», его окончательно убедили «последние сорок лет», то есть события с конца 20-х гг. [41, т.3, с.258, 448, 516]. До этого рубежа – известного «великого перелома» – такой определенности у Чуковского и других не было, отсюда сдержанно-выжидательное приятие лозунгов, суливших воплощение народной мечты о социальной справедливости и отчасти реализованных за счет тех, кого «экспроприировали». Но уже в 20-е гг. Чуковский наблюдал, как место «помещиков и капиталистов» занимает, вопреки уравнительному

тренду пропаганды и обещаниям Ленина построить небывалое «полугосударство», новая бюрократия – «замкнутый в себе класс чиновничьей, департаментской тли со своим языком, своими нравами», «как при Николае I». [41, т.1, с.293).

Проживший дольше Блока Андрей Белый пришел в 20-е гг. к сходному выводу, уловив вместе с тем, куда развивается советский строй. Вместо движения к «отмиранию» государства советская власть «перерождается в обычную власть». С одновременным «склерозом "общественности"» и превращением общества «все более и более... в послушное стадо», с «установкой гигантской душечерпательной машины, проводящей душевную жизнь в "общий", но от всех закупоренный бак». С исчезновением какого-либо внимания к индивидуальности, к тому главному в людях, что, уверен он, ценнее и выше мировоззрений, утопий, партийных связей и т.п. [42, с.222–234].

Наблюдательность и интуиция писателей, погруженных в бытие новой России, позволяли им, таким образом, в иных случаях точнее определить вектор развития советского государства и общества, чем сумели

это тогда же сделать оптимисты из эмигрантов – сменовеховцы и евразийцы, подходившие к постижению послеоктябрьского опыта как будто более рационально, но утверждая по крайней мере до 30-х гг., что диктатуры превосходят обреченные на исчезновение демократии, или усматривая в СССР тенденцию продвижения к «государству правды» с верховенством закона, основанного на религии и нравственности [29, с.396–398].

Контекст времени, в котором жили участники и свидетели Первой мировой войны и революции, явился источником как преимуществ, так и ограниченности их взглядов на пережитое. Как видно из всего сказанного выше, в наблюдениях и выводах самых пытливых из них, вне прямой зависимости от их партийности или беспартийности, имелось немало верного, не перечеркнутого развитием научного знания и привлечением новых фактических данных. Немало было и неизбежных заблуждений.

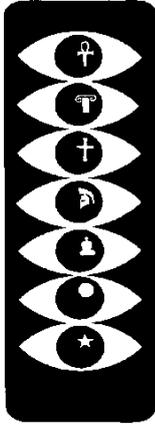
Говоря же о востребованности верного и неверного, следует постоянно иметь в виду одно из главных последствий революции, иллюзий, связанных с ней, и разочарований – создание победителями мощной индустрии «народного затемнения», невиданных ранее возможностей воздействия на историческую память и мифологизации прошлого и настоящего. Высокая результативность пропаганды на протяжении десятилетий очевидна. Впрочем, как и возрастающее действие в определенные моменты разнообразных контрфакторов. Но это другая тема.

Библиографический список

1. Анциферов Н.П. Из дум о былом: Воспоминания / Вступ. ст., сост., примеч. и аннотир. ук. имен А.И.Добкина. М.: Феникс: Культурная инициатива, 1992. 512 с.
2. Биржевые ведомости.
3. Блок А. Последние дни императорской власти / Сост. С.С.Лесневский, З.И.Перегудова. М.: Прогресс-Плеяда, 2012. 560 с.
4. Блок А. Собрание сочинений в 8 т. / Под общ.ред. В.Н.Орлова. Т.1. Стихотворения. 1897–1904. М.; Л.: Гослитиздат, 1960. 715 с.; т.8. Письма. 1898–1921. М.; Л.: Гослитиздат, 1963. 771 с.
5. «Большевизм есть несчастье, но несчастье заслуженное». Переписка В.А.Маклакова и А.А.Кизеветтера / Публ. О.В.Будницкого и Т.Эммонса // Источник. 1996. №2 (21). С.4–24.
6. Быков Д. Всеволод Вишневский // Дилетант. 2017. №10. С.90–95.

7. «Важно содержание: свобода слова, мысли, веры». Из дневников В.И.Вернадского 1922–1925 гг. // Исторический архив. 1996. №5–6. С.106–117.
8. Валентинов Н. (Вольский Н.). Два года с символистами / Предисл. и примеч. Г.Струве. М.: XXI век – Согласие, 2000. 384 с.
9. Валентинов Н. Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина: Годы работы в ВСНХ во время НЭП: Воспоминания / Сост. и авт. вступ. ст. Волк С.С.; коммент. В.У.Раджапова. М.: Современник, 1991. 365 с.
10. Валентинов Н. Суть большевизма в изображении Ю.Пятакова // Новый журнал. 1958. №52. С.140–161.
11. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5865. Оп.1. Д.113.
12. Громова Н. Узел. Поэты. Дружбы. Разрывы. Из литературного быта конца 1920-х – 1930-х годов. М.: АСТ; CORPUS, 2016. 608 с.
13. Иванов-Разумник. Год революции. Статьи 1917 года. СПб.: Рев. социализм, 1918. 204 с.
14. Из архива Л.О.Дан / Сост., примеч., очерк биогр. Б.Сапир. Amsterdam: Stichting Intern. Inst. voor Sociale Geschiedenis, 1987. 209 с.
15. Из глубины. Сборник статей о русской революции. М.: Изд-во МГУ, 1990. 298 с.
16. Катаев В.П. Алмазный мой венец: Повести. М.: АСТ-ПРЕСС, 1994. 400 с.
17. Ликвидация ВСЕРПОМГОЛа: письма Е.Д.Кусковой к В.Н.Фигнер 1921–1922 гг. / Ввод. ст., подгот. текста и коммент. Я.В.Леонтьева // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Кн.4. СПб.: Logos, 1993. С.330–342.
18. Литературное наследство. Т.80: В.И.Ленин и А.В.Луначарский: Переписка, доклады, документы / Ред. И.С.Зильберштейн и А.А.Соловьев; сост. В.Д.Зельдович и Р.А.Лавров; науч.-исслед. и ред. работа Л.М.Розенблюм. М.: Наука, 1971. 766 с.
19. Материалы к творческой биографии Вл.Ходасевича / Публ. Евг. Бенья // Вопросы литературы. 1987. №9. С.225–245.
20. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф.75.
21. Пастернак Б.Л. Избранные произведения / Сост., послеслов. Е.Б.Пастернака. М.: Панорама, 1991. 656 с.
22. Патриотизм и национализм как факторы российской истории (конец XVIII в. – 1991 г.). Колл. монография / Отв. ред. В.В.Журавлев. М.: Полит. энциклопедия, 2015. 783 с.
23. Потресов А.Н. Рубикон. 1917–1918. Публицистика / Ред.-сост. Р.М.Гайнуллина, А.П.Ненароков, И.С.Розенталь. М.: Полит. энциклопедия, 2016.
24. Революция 1917 года глазами современников в 3 т. М.: Полит. энциклопедия, 2017. Т.1: январь–май / Ред.-сост. и авт. предисл. В.В.Шелохаев. 351 с.; Т.2: июнь–сентябрь / Ред.-сост. А.П.Ненароков. 590 с.; Т.3: октябрь 1917 г. – январь 1918 г. / Ред.-сост. В.В.Журавлев. 663 с.
25. Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. М.: Academia, 2007. 520 с.
26. Репников А.В., Соловьев К.А. Сыromятников // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: Энциклопедия / Отв. ред. В.В.Шелохаев. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С.502–506.
27. Розенталь И. Вокруг одного письма. Еще об интеллигенции накануне Февраля 1917-го // Россия XXI. 2015. №5. С.116–141.

28. Розенталь И.С. К вопросу об адаптации интеллигенции в России до и после 1917 г. (По страницам дневника Корнея Чуковского) // Клио. 2015. №2 (98). С.49–59.
29. Розенталь И.С. Н.Валентинов и другие. XX век глазами современников. М.: Новый Хронограф, 2015. 536 с.
30. Розенталь И.С. Прогрессист Голицын и его дневник // Россия XXI. 2007. №4. С.118–137.
31. Российские фантазмагории. Русская советская проза 20–30-х годов / Сост. Л.Скворцовой. Предисл. В.Ковского. М.: Автор, 1992. 542 с.
32. Россия в 1917 году: Энциклопедия / Отв. ред. А.К.Сорокин. М.: Полит. энциклопедия, 2017. 1095 с.
33. Рублев Д.И. Боровой // Революционная мысль в России XIX – начала XX века: Энциклопедия / Отв.ред. В.В.Журавлев. М.: РОССПЭН, 2013. С.58–60.
34. Русские ведомости.
35. Соблазнитель генералов // Родина. 1997. №12. С.59-62.
36. Спор о России: В.А.Маклаков – В.В.Шульгин. Переписка 1919–1939 гг. / Сост., автор вступ. ст. и примеч. О.В.Будницкий. М.: Росс. полит. энциклопедия, 2012. 439 с.
37. «Труп твой растащат по Москве, как труп Самозванца» (Из письма Н.Воронова В.И.Ленину) // Неизвестная Россия. XX век. Вып.1. М.: Историческое наследие, 1992. С.22–23.
38. Федотов Г. Будет ли существовать Россия? // О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М.: Наука, 1990. С. 43-271.
39. Хин-Гольдовская Р.М. Из дневников 1913–1917 / Предисл. и публ. Е.Б.Коркиной, примеч. А.И.Добкина // Минувшее: ист. альманах. Т. 21. М.; СПб.: Atheneum-Феникс, 1997. С.521-596.
40. «Черные тетради» Зинаиды Гиппиус / Подгот. текста М.М.Павловой. Предисл. и примеч. М.М.Павловой и Д.И.Зубарева // Звенья. Исторический альманах. Вып.2. М.; СПб.: Феникс Atheneum, 1992. С.11–173.
41. Чуковский К.И. Дневник. В 3 т. / Сост., подгот. текста, коммент. Е.Чуковской. М.; ПРОЗАИК, 2012. Т.1: 1901–1921. 590 с. Т.3. 1936–1969. 640 с.
42. Юрганов А. Первая мировая война и кризис русского модернизма // Россия XXI. 2017. №1. С.76–103; №2. С.30–53.
43. «Я уверовал в Россию...». Письма Я.А.Бромберга А.З.Штейнбергу. Публ., предисл. и примеч. В.Хазана // Архив еврейской истории. Т.1. М.: РОССПЭН, 2004. С.320–376.
44. Яновский В.С. Поля Елисейские. Книга памяти / Предисл. С.Довлатова. СПб.: Пушкинский фонд, 1993. 280 с.
45. НИА. N.Valentinov Papers. Box 2. Folder 1. Письмо П.А.Берлина Н.В.Вольскому. Б.д. [1951 г.]

Валентин Шелохаев, Кирилл Соловьев

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

(МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ)

УДК
93/94;
316.423

Статья посвящена становлению общественного движения в России, его формам и практикам. В статье впервые в историографии дается определение общественного движения, выделяются и характеризуются его этапы. Большое внимание уделяется современной историографической ситуации, а также намечаются перспективы дальнейшего изучения общественного движения.

The article is devoted to the formation of the social movement in Russia, its modes and practices. In the article the social movement was defined firstly in the historiography. The authors distinguished the phases of the social movement and characterized them. They paid attention to the contemporary historiography situation and projected the perspectives of the further researches.

Ключевые слова: общественное движение; общество; правительственная политика; политические партии.

Key words: social movement; society; government politics; political parties.

E-mail: iom07@mail.ru, kirillsol22@yandex.ru.

К настоящему времени в России и за ее пределами по проблематике общественного движения опубликовано великое множество документальных сборников, коллективных и индивидуальных монографий, сотни статей. Пионерами в изучении данного вопроса стали дореволюционные авторы преимущественно либеральных взглядов, которые, предприняв попытку комплексного подхода к теме, сделали акцент на генезисе, формировании и эволюции общественной мысли, становлении организационных структур и практик общественного движения [68; 54; 53; 103; 26]. Одним из них был А.Н.Пыпин, которым, судя по всему, и был введен в широкий научный оборот термин «общественное движение» [78, с.442; 23, с.37–39]. В начале XX века к исследованию этого сюжета подключились представители различных направлений социалистической мысли. Причем марксисты и неонародники – в соответствии со своими методологическими предпочтениями – сделали акцент на истории массового движения [121; 81; 82; 158; 106].

Историографическая ситуация коренным образом изменилась после установления большевистской диктатуры в России. Опираясь на принципы марксистской историософии, исследователи преимущественно изучали революционную идеологию, революционные формы и практики общественного движения. В результате консервативный «сегмент» был выведен за «скобки», а либеральный представлен в «усеченной форме». В соответствии с этой логикой ранжировалось и «качество» различных этапов общественного движения [37; 126; 101; 76; 27; 80; 90; 86].

На методологическом сломе постсоветского периода большинство исследователей вернулось к оценкам столетней давности, характерным для досоветской историографии. Что касается зарубежных исследователей, то генезис и эволюция общественного движения ими обычно рассматривались в русле либеральной традиции начала XX в. [107; 105; 3; 171; 177; 179; 163; 167]. Современная историографическая ситуация позволяет, с одной стороны, синтезировать наработки отечественных и зарубежных авторов, а с другой, – в дискуссионном русле предложить собственное видение генезиса, формирования и эволюции общественного движения в России [78; 42; 41; 25; 108; 112; 79; 120]. Эту двудельную задачу авторы и попытались разрешить в данной статье.

Прежде всего, следует договориться о терминах. Мы предлагаем вниманию читателей собственное определение понятия «общественное движение», которое до сих пор не сложилось в отечественной и зарубежной историографии. В качестве предварительного замечания отметим, что словосочетание «общественное движение» не вполне адекватно

тем смыслом, которые в это понятие обычно вкладываются. Оно не тождественно «социальным движениям» (social movement, mouvement social), о которых традиционно пишут в западноевропейской историографии [23, с.6]. Они как раз соответствуют западноевропейским историческим реалиям, а именно сформированному гражданскому обществу, сообразным ему политическим институтам, а не российскому общественному ландшафту, где процесс формирования гражданского общества еще далек от завершения.

Понятие «общественное движение» может быть адекватно интерпретировано лишь в тесной связи с политическими и социальными процессами в России XVIII – начала XX вв.

Итак, общественное движение – это сложносоставное исторически обусловленное явление, аккумулирующее в себе общественное интеллектуальное пространство, акторов, идеи, организации и практики, необходимые для реализации моделей как совершенствования существующих институтов и структур, так и их коренного переустройства в соответствии с вызовами времени.

Данное определение позволяет рассматривать общественное движение:

- как исторически обусловленный процесс, вытекающий из всей совокупности закономерностей и особенностей социально-экономического и политического развития России;
- позволяющий выявить и обосновать основные стадии эволюции данного явления;
- увязать в единое целое, становящееся и развивающееся общественное и интеллектуальное пространство;
- выявить основных акторов данного явления и раскрыть содержание и эволюцию их взглядов;
- показать изменение организационных форм и методов практической деятельности;
- преодолеть «идеологические пристрастия» и включить в общественное движение сторонников тех или иных взглядов на исторические судьбы России, так или иначе заинтересованных в ее общественном, интеллектуальном, социальном, экономическом, политическом развитии.

У подножия престола

В логике данного определения, следует выделить и охарактеризовать основные этапы эволюции общественного движения в России, имея в виду существующие историографи-

ческие наработки по данной тематике. Вполне обосновано мнение исследователей, что общественное движение зародилось в России во второй половине XVIII в. Очевидно, что возникновение этого явления обусловлено реформами Екатерины II. Памятны слова императрицы: «Россия есть европейская держава». Это стало своего рода политическим кредо государыни, ориентировавшейся на идеалы философии Просвещения. Способствуя становлению сословной системы, она впервые в российской истории гарантировала определенные права представителям различных «состояний» [47, с.335–371]. Это стало важнейшим фактором появления в России «общества», пока что малочисленной группы, практически исключительно состоявшей из представителей столичной аристократии. Но в этом ограниченном по численности кругу лиц складывалось принципиально новое понимание собственных прав, свобод, а главное, самого феномена государственной власти.

Это был важный шаг к становлению интеллектуальной среды, без которой была бы невозможна ни разработка дальнейших правительственных реформ, ни их практическая реализация. Разумеется, на данном этапе речь шла лишь о зарождении общественного и интеллектуального пространства, которое со временем (и так вплоть до революционных потрясений 1917 г.) неуклонно расширялось. Ни Крестьянская война под руководством Е.И.Пугачева, ни революция во Франции 1789 г. не смогли изменить данный вектор развития [85; 44].

Екатерининские реформы привели к существенным сдвигам в различных сферах жизни, к созданию новых государственных и общественных институтов, а следовательно, и к возникновению новых практик. Молодые люди, окончившие европейские университеты, стали активными участниками политического процесса, а также – критиками традиционных порядков и нравов. Зарождались и новые формы общественной самоорганизации и мобилизации общественного мнения (кружки, салоны, журналы, газеты). Правительство, запустив этот процесс, зачастую не поспевало за ним, с неизбежностью утрачивая историческую инициативу. Репрессивная политика (в частности, преследования А.Н.Радищева и Н.И.Новикова) прямо противоречила прежнему курсу правительства, которое судорожно хваталось за прошлое, не находя поддержки в новорожденном обществе. Обществу же пришлось задуматься, как жить самому, без опеки «милостивой государыни», которая испугалась собственных преобразований. В итоге складывавшееся интеллектуальное пространство становилось особым замкнутом миром, далеким от политической практики. Это несло в себе определенные

риски. «Мыслящая Россия» постепенно отдалялась от «правлящей», замыкалась в себе, «воспаряла к небесам», утрачивая способность к диалогу с оппонентом [64].

Можно назвать это модернизацией, но модернизация в архаичном обществе приносит неоднозначные результаты. Например, в годы царствования Екатерины II впервые в России прозвучало слово «собственность» [136]. Казалось бы, это свидетельствовало об упрочении прав личности: ведь собственность – это безусловное владение, которую не отнимешь лишь волею государыни. Но для России конца XVIII в. собственность – это не только земля, это еще и крестьяне на ней. Утверждая право собственника, российское правительство заметно приблизило положение крепостного к статусу раба. Это тоже стало серьезным вызовом для общественной мысли уже XIX столетия. Асинхронность развития страны порождала вопросы, которые вынуждали переосмыслить привычные европейские образцы. Например, как можно говорить о становящемся «обществе» (в современном понимании – гражданском обществе), преимущественно состоявшем из рабовладельцев? Можно ли гарантировать крепостнику неприкосновенность собственности, включающей в себя и живых людей? Насколько оправданы политические и правовые преобразования при условии сохранения крепостного права? Отвечая на эти вопросы, выкристаллизовывалась общественная мысль России XIX столетия, одновременно с тем получавшая и организационное оформление.

К настоящему времени в историографии выявлен круг интеллектуалов конца XVIII в., подробно охарактеризована деятельность созданных ими структур. В отличие от советской историографии, в современных исследованиях даны взвешенные оценки идейно-политических взглядов Радищева и Новикова. При этом сделан акцент на анализе этической и морально-нравственной составляющих их взглядов. Одновременно значительно расширен круг участников общественного движения второй половины XVIII в. [38; 55]. Инновационной представляется попытка раскрыть содержание понятий, которыми пользовались интеллектуалы данного периода [135; 9; 63; 122; 66].

В салоне

Для второго этапа, начавшегося с воцарения Александра I и продолжавшегося до конца 1820-х гг., характерна организационная перестройка российского общества. Оно

стремилось к большей структурированности и пыталось мыслить проектами, видя в них альтернативу правительственной политике. 1790-е гг. – знаковый рубеж не только для России, но и для всей Европы. Французская революция потребовала ревизии всего того, о чем мечтал XVIII век. Приходилось выстраивать новую Европу на обломках Просвещения, в которое уже не верили интеллектуалы Англии, Германии, Италии, России. Прежняя вера в универсальный путь развития сменилась национализмом. Появился культ героев. Возник самостоятельный интерес к истории. Наступала эпоха романтизма, который сказывался не только в литературе и искусстве, но и в политике и праве.

При этом важно учитывать совокупность факторов как внутреннего, так и внешнего характера. Во-первых, противостояя Наполеону, Россия Александра I оказалась в числе врагов революционной (так многим продолжало казаться) Франции, а следовательно, идеалов Просвещения, столь близких сердцу как самого императора, так многих представителей общества. Во-вторых, победа в войне, способствуя росту престижа России на европейском континенте, в то же самое время ставила перед страной задачи, идущие вразрез с прежним александровским курсом. Россия оказалась в авангарде сил легитимистского порядка, отстаивая непреложность «старого режима» во всей Европе, пускай и с некоторыми модификациями. В-третьих, русская армия-освободительница в огромной степени состояла из бывших крепостных. Иными словами, наполеоновское ярмо свергла «армия рабов», что лишь подчеркивало правовую отсталость России. В-четвертых, офицеры, взявшие на себя ответственность за судьбу страны и нередко проявлявшие чудеса героизма на полях сражений, даже не могли претендовать на статус граждан, оставаясь «нижайшими подданными» всеильного государя. Их правовое сознание опережало правовые реалии. Все это вместе взятое обусловило ряд существенных перемен в самом общественном движении.

Характерными чертами общественного движения второго периода были два перемежающихся и взаимосвязанных процесса: с одной стороны, расширение его социальной базы, а с другой, – дифференциация интеллектуальной среды. Правовая эмансипация в России – процесс поступательный, но не стремительный. Вместе с тем именно благодаря ему создавались предпосылки для расширения круга лиц, которых можно было причислять к обществу (в понимании XIX столетия, то есть к малочисленному образованному меньшинству). Не меньшую роль сыграла правительственная политика в области народного просвещения, прежде всего – создание системы университетского образования. При

этом власти преследовали сугубо прагматическую задачу – воспроизводство кадров для государственной службы. Однако, как это часто случается, правительственные мероприятия имели неожиданные для их инициаторов последствия. В России возникли «очаги» коммуникации, а вслед за ними – кружки, научные диспуты, «толстые журналы», направления общественной мысли. Помимо прежде существовавших салонов и клубов, сложились нелегальные общества: например, хорошо известные декабристские организации. Изменения претерпели и практики общественного движения. В отечественной и зарубежной историографии данный этап представляется изученным достаточно основательно, что позволяет подвести некоторые итоги [112; 130; 69; 100; 18; 1; 13; 12; 65; 4; 91].

Б.М.Кустодиев. В московской гостиной 1840-х гг., 1913

Во-первых, следует учесть колоссальные сдвиги на европейском континенте после Французской революции и наполеоновских войн. При этом речь должна идти не только о глубинных подвижках в сфере идеологии, политики, экономики, культуры, но и в области естественных и гуманитарных наук. Российские интеллектуалы, традиционно нацеленные на заимствование западноевропейского опыта, активно его осваи-

вали не только теоретически, но и испытывали нетерпеливое желание превратить его в практику [67].

Во-вторых, сущностные качественные изменения в западноевропейских странах, с одной стороны, не могли оставить равнодушными верховную власть и бюрократические круги, прекрасно осознававшие, чем заимствование этого опыта может для них обернуться, а с другой, – порождали разновекторные ожидания у представителей различных общественных слоев. Особый стиль мышления, мировоззренческие установки, наконец, политический темперамент способствовали дифференциации интеллектуалов на консерваторов, либералов и социалистов. Каждое из названных направлений пыталось предложить обществу свой образ будущего [30; 118; 89; 70].

В-третьих, сдвиги в общественном и интеллектуальном пространстве с логической неизбежностью вели к поиску адекватных времени организационных форм, а также соответствующих практик. Со временем приходило понимание, что упование на верховную власть как единственную творческую силу наивно, что страна несводима к правительству. Есть и многомиллионное население страны, которое в какой-то момент может оказаться субъектом исторического процесса.

Наконец, правительство вольно или невольно создавало среду, более или менее благоприятную для развития общества. В то же самое время правительство устанавливало и жесткие рамки общественной самостоятельности. Это был двуединый процесс, имевший двойные последствия. Общество, поступательно упрочивавшее свои позиции, неизбежно вступало в конфликт с властью. Сталкиваясь с установленными ограничениями, оно с неизбежностью становилось более оппозиционным. Таким образом, обстоятельный разговор об обществе в России XIX в. невозможен без учета правительственной политики, которая одновременно и способствовала, и мешала его развитию.

Обобщая историографический материал, раскрывающий второй период общественного движения в России, можно со всей определенностью утверждать, что в 1801–1825 гг. в нем произошли ощутимые сдвиги. При этом в советской историографии в течение многих десятилетий исследовательский акцент был сделан на изучении истории декабризма [75; 77; 161; 162; 125; 83; 147; 148]. Другие течения в общественном движении либо вообще не изучались, либо рассматривались вскользь.

В современной отечественной литературе ситуация с исследованием общественного движения второго периода обстоит иначе. В новейших работах скорректированы оценки «декабризма». Он представлен в каче-

стве сложносоставного движения, в котором тесно переплетались самые разные мировоззренческие потоки, перемежались различные организационные формы и практики [13; 4; 91; 50; 51; 52; 21; 71].

Кружки и журналы

Третий этап общественного движения охватывает период 1830–1850-х гг. Характеризуя данный период, следует иметь в виду, что на европейском континенте произошла существенная

перегруппировка сил, что привело к изменению места и роли России в континентальном концерте. В Европе произошла промышленная революция, изменившая структуру социума, внешний облик городов, характер политической жизни, а главное, – придавшая поразительное ускорение экономическому развитию. В новых обстоятельствах Россия не поспевала за своими западными соседями.

В России не все замечали новое качество роста западноевропейских стран. Напротив, в промышленном росте, пролетаризации населения, многочисленных революциях усматривались явные признаки затухания европейской цивилизации, на фоне которой Россия казалась молодым, растущим и сильным организмом. В этом случае целью правительства было не способствовать развитию, а, напротив, мешать ему, хватаясь за status quo. В этом и заключается смысл уваровской идеологической максимы – «Самодержавие, Православие, Народность». Она подчеркивала уникальность российской цивилизации, характерные особенности которой неизменны [17; 34; 35].

Уваровской формулой говорил правительственный страх перед всем новым. Сказывалось желание медленно продвигаться вперед, постоянно оглядываясь назад. Это был своего рода стихийный консерватизм власти, неспособной к проектному мышлению, формированию нового образа будущего. И вновь правительство упускало инициативу, предоставляя проектную деятельность оппозиционно настроенному обществу.

В общественной среде разворачивалась дискуссия, как будто бы посвященная вопросам историсофского характера. Так можно интерпретировать спор западников и славянофилов о месте и роли России как в историческом процессе, так и в системе современных международных отношений. Эта дискуссия становится более понятной, если вписать ее в широкий контекст европейского интеллектуального процесса, в центре которого были проблемы национального строительства. Для этого следовало определить характерные особенности собственной культуры,

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

ее уникальность, ее положение среди соседей. Может быть, даже важнее то, что круг этих сюжетов стал зоной относительной интеллектуальной свободы общества, а славянофильские и западнические кружки своего рода экспериментальными площадками для разработки вопросов, напрямую касающихся и политической проблематики [33; 28; 150; 58; 57; 84; 114; 115].

Историософские споры о настоящем и будущем России способствовали возрастанию интереса к истории западноевропейских стран, общественной и научной мысли, эволюции политических систем. Эти проблемы обсуждались в университетской среде, на страницах журналов и газет, в салонах, клубах, кружках.

В.Е.Маковский. Вечеринка, 1875–1897

В отечественной и зарубежной историографии третьему периоду общественного движения посвящено также немало работ [95; 116; 160]. Причем советская историография отдавала приоритет изучению революционно-демократического движения в самом широком понимании этого слова (акторы, идеи, революционные нелегальные кружки). Значительно меньше внимания уделялось эволюции консервативного и

либерального направлений в общественном движении. В современной литературе данный пробел постепенно, но весьма успешно преодолевается [23; 112; 120; 137; 138; 87, с.164–438].

Правительство неуверенным шагом, заметно ускоренным после неудачной Крымской эпопеи, подходило к Великим реформам 1860–1880-х гг., которые стали очевидным водоразделом в истории России. Они «встряхнули» всю страну, для многих став болезненным испытанием. В это время, благодаря правительственным решениям, сформировались новые социальные структуры и практики, новые правовые институты. Но все новое строилось на основании старого. Крестьяне освобождались от крепостной зависимости, но при этом правительство сделало все, чтобы сохранить их на земле. Там за ними пристально наблюдала община. Правительство решительно пошло на отмену телесных наказаний в России, оставив розги лишь для... каторжан и крестьян. Власть изменила все сферы жизни страны, кроме самой себя [61, с.275–301].

В обществах и союзах

Четвертый период общественного движения в России (1860–1905) характеризуется его всесторонним усложнением. В значительной мере это было обусловлено Великими

реформами 1860–1870-х гг., которые объективно способствовали расширению социальной базы общества и системы коммуникации внутри него. Речь идет о появлении земского и городского самоуправления, увеличении числа органов периодической печати и т. д. Развитие инфраструктуры (железные дороги, почта, телефон, телеграф) способствовали более быстрому распространению информационных потоков, перемещению акторов общественного движения по всей территории России, установлению связей между ними. Значительно возросло число лиц, посещавших европейские страны, обучавшихся в западноевропейских высших учебных заведениях. По сути, речь идет о наличии объективных условий, которые в своей совокупности обеспечивали переход общественного движения на качественно новый уровень [92, с.124–199].

Определенные изменения произошли и в интеллектуальной сфере. Прежде всего, речь идет о принципиально новой культуре рецепции западноевропейских идей российскими интеллектуалами, а также более глубокой проработке ими собственных концепций исторического прошлого, настоящего и будущего России. Продолжая активно заимствовать западноевропейские идеи (например, марксизма, позитивизма,

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

неокантианства и т.д.) и практики, отечественные мыслители преимущественное внимание стали уделять историческим особенностям развития собственной страны, которые учитывались при разработке ими моделей преобразования России.

Круг людей, готовых воспринять новые идеи, постепенно (хотя и весьма медленно) расширялся. В годы Великих реформ ему уже не уместиться в университетской аудитории. Общество в первую очередь читает «толстые журналы», выискивая там уже вполне определенные высказывания. Однако сказанное там слово может стать делом, только если его воспримет облеченный властью чиновник или даже сам император. Представители этого этапа общественного движения не рассчитывали на массового сторонника. Не случайно Б.Н.Чичерин отделял близкий ему «охранительный» либерализм от либерализма «уличного» или «оппозиционного» [152]. Мыслители 1860–1880-х гг. выстраивали интеллектуальные конструкции, адаптированные к своеобразным российским реалиям.

И.Е.Репин. Сходка, 1883

Серьезные подвижки произошли в организации общественного движения. Наряду с прежними салонами и кружками, возникли нелегальные союзы, которые в начале 1890-х гг. трансформировались в протопартийные организации. Если консерваторы продолжали предпочитать салонную и кружковую деятельность, то либералы приступили к созда-

нию таких, например, организаций, как Партия народного права, Союз земцев-конституционалистов, Союз освобождения и др. За рубежом был создан журнал «Освобождение», продолживший традицию эмигрантских изданий. Собственные структуры создавали радикалы народнического и неонароднического толка («Земля и Воля», «Черный передел», «Народная воля», Союз социалистов-революционеров) [19; 157; 46; 153; 123; 48; 128; 170; 173; 172; 169].

В данный период общественное движение получило подпитку со стороны интеллектуалов национальных окраин. Так, в Польше, Финляндии, Прибалтике, Закавказье были созданы и активно действовали национальные протопартийные организации, которые установили тесные контакты с русскими оппозиционерами [40; 56; 97; 98; 99; 102; 151; 181]. Значительно расширилась операционная база взаимодействия между внутрироссийским общественным движением и Русским зарубежьем, а также представителями мировой общественности [24].

Одной из характерных черт четвертого периода являлось расширение сферы практической деятельности. Если консерваторы продолжали уповать на властные структуры, то либералы, восторженно встретившие Великие реформы, вскоре стали проявлять недовольство «откатными» действиями власти. Продолжая делать ставку на расширение прав земского и городского самоуправления, на укрепление законности и правопорядка, либералы постепенно разочаровались в своих первоначальных ожиданиях. Они были поставлены перед необходимостью формировать собственную повестку [2; 94; 93].

Что касается социалистов, то они критически относились к реформам сверху, хотя и среди них встречались те, кто определенное время питал иллюзии в благодетельный характер проводимых властью преобразований (А.И.Герцен, Н.Г.Чернышевский). Со временем позиция представителей этого сегмента общественного движения становилась все более определенной. Социалисты были нацелены на практическую деятельность, результатом которой должно было стать оппозиционное массовое движение. «Хождение в народ» оказалось неэффективным. В итоге ставка была сделана на политический терроризм, который своим приверженцам давал ощущение наличия действенных средств борьбы за власть [39]. Вместе с тем на данном этапе между революционерами и либералами, как это показано в современной историографии, не было непроходимой грани. Те и другие взаимодействовали друг с другом, обмениваясь информацией, помогая в переправке эмигрантской литера-

туры и оружия из-за границы в Россию [90; 19; 140; 139; 7; 5; 6; 43; 16; 133; 96; 117; 134; 15].

После опыта неудачного «хождения в народ» в народнической среде произошла дифференциация идейного и организационного характера. Так, наряду с традиционным пропагандистским течением возникло и оформилось анархистское и бунтарское направления. Первое было связано с именем П.Л.Лаврова, а второе – М.А.Бакунина и П.Н.Ткачева. С середины 1870-х годов в народничестве формируется реформаторское направление [149; 10; 32; 11]. Дифференциация имела место и в либеральном «лагере» [124; 8; 111; 49]. Свои подвиги происходили и среди консерваторов [29].

На протяжении пореформенного периода общественное движение становилось все более сложным и многомерным. Можно утверждать, что окончательно сформировались три его основных и ведущих направления – консервативное, либеральное и социалистическое, которые, в свою очередь, отражали глубинные процессы, происходившие в пореформенный период во всех сферах жизни [108; 130; 59; 146; 159; 45; 143; 168; 178].

Партийные споры

Пятый, завершающий период общественного движения (1905–1917 гг.) характеризуется дальнейшими качественными переменами. Основным стимулом для них стала Первая российская революция. Под ее непосредственным влиянием были изданы Манифест 17 октября 1905 г., Указ 4 марта 1906 г. об обществах и союзах, Основные государственные законы 23 апреля 1906 г., которые определили легальные формы дальнейшего развития общественного движения в России. Тогда появилась более или менее свободная печать, прошли первые всероссийские выборы, начали работать представительные учреждения (Государственная дума и реформированный Государственный совет), а вместе с ними складывались лоббистские группы, региональные элиты, корпоративные объединения. Общественность вышла на авансцену российской политики, обретя возможность прямого влияния на правительственную деятельность. Революция ускорила и в принципе завершила длительный процесс формирования основных направлений общественного движения, стимулировала «обкатку» новых форм его самоорганизации, произвела проверку используемых различ-

ными направлениями практик [108; 173; 143; 132; 131; 62; 141; 142; 109; 14; 113; 175; 176; 164; 165; 166].

Наряду с высшими формами общественного движения – политическими партиями – продолжали существовать и действовать традиционные (салоны, кружки, разного типа союзы), которые, с одной стороны, служили основой организационных партийных структур, с другой, – выступали в роли своеобразных компенсаторов в периоды спада общественного движения.

И.Е.Репин. Манифестация 17 октября 1905 г., 1907

Такая ситуация имела место вплоть до большевистского переворота, который привел к переформатированию всего общественного и интеллектуального пространства. Этот процесс начался еще с Февральской революции, которая привела к вытеснению консерваторов на периферию общественного движения. Как раз тогда значительная часть сторонников подобных взглядов была вынуждена либо навсегда сойти с политической арены, либо заметно эволюционировать [110, с.599–609].

В либеральном сегменте общественного движения также произошли значительные перемены. Ведущая роль оставалась за партией кадетов, остальные либеральные партии, вроде октябристов и прогрессистов, вынуждены были переокраситься в более демократические цвета, скорректировать свои программы и практики [110, с.504–611; 155, с.609–

631]. Трансформацию переживали и политические партии социалистической и социал-демократической ориентации [31; 20; 129; 88; 145; 156; 60; 22; 73; 144; 72; 74; 36; 174; 180].

Как это ни покажется странным, но завершающий этап общественного движения в России получил недостаточное освещение в отечественной и зарубежной историографии. В центре внимания исследователей оказались практически исключительно политические партии. В результате проблема общественного движения в 1905–1917 гг. именно как целостная историографическая проблема, к сожалению, выпала из поля зрения авторов. В историографии сложилась парадоксальная ситуация: первые четыре этапа истории общественного движения в России интенсивно разрабатывались, и было достигнуто существенное приращение знания, а последний, пятый период оказался теоретически и методологически не осмыслен и в конечном счете как целостная научная проблема не изучен.

В постсоветский период в историографии накоплен значительный фактический материал. Так, еще в начале 1990-х годов большая группа исследователей приступила к подготовке и изданию проекта «Политические партии России. Документальное наследие». К настоящему времени издано 58 томов. В то же время Ассоциация «Российская политическая энциклопедия», а затем Институт общественной мысли подготовили серию энциклопедических изданий [78; 112; 119; 104], посвященных истории российских политических партий, различных направлений общественной мысли, истории деятельности Государственной думы и Государственного совета. В 2010 г. было подготовлено и издано 119-томное издание «Библиотеки общественной мысли» [127]. Публикация огромного массива документов, проведенная на их основе аналитическая исследовательская работа позволили значительно расширить и углубить представления отечественных и зарубежных исследователей о закономерностях и особенностях общественного движения в России за весь период его существования, с середины XVIII в. и до 1917 г. [154].

Предложенное авторами данной статьи понятие «общественное движение», выделение пяти его основных этапов, а также их общая характеристика позволяют наметить дальнейшие исследовательские задачи изучения данной научной темы. К настоящему времени выявлены имена выдающихся теоретиков российского общественного движения, в научный оборот введен основной корпус созданных ими текстов,

которые уже подвергнуты обстоятельному анализу. Большое внимание уделено освоению ими западноевропейских теорий, которые использовались для конструирования консервативных, либеральных и социалистических моделей переустройства России. Вместе с тем проблема культуры заимствования западноевропейских теорий, адаптация их к российским историческим реалиям заслуживает гораздо большего исследовательского внимания. Не менее важным и перспективным представляется осмысление собственной национальной компоненты консервативных, либеральных и социалистических идей в их становлении и эволюции. В этой же логике важно продолжить выявление связей с российскими интеллектуалами в эмиграции.

До настоящего времени использованы далеко не все исследовательские возможности «увязки» в единое целое, с одной стороны, сложного и противоречивого процесса формирования теоретических моделей и партийных программ, а с другой, – не менее сложного и противоречивого процесса создания и практической реализации многообразных организационных форм объединения интеллектуалов, а также выработки ими оптимальных и эффективных форм и методов практической деятельности. При этом названные процессы важно вписать в контекст динамично развивающейся исторической реальности.

Представляется актуальным сравнительный анализ типов общественного и массового движений, с выявлением их точек пересечения и противостояния на различных этапах исторического развития России.

Уже давно настало время приступить к подготовке ряда крупномасштабных исследовательских проектов по целостному и сравнительному изучению общественных и массовых движений в России. Параллельная разработка данных проблем позволила бы скорректировать современные оценки стихийности массовых движений. Хорошо известно, что в реальной жизни общественные и массовые движения пересекались друг с другом.

Очевидно, что на пути дальнейшего изучения темы общественного движения в России с середины XVIII в. по октябрь 1917 г. отечественных и зарубежных исследователей ожидают интересные открытия, которые, как и принято в научной среде, будут сопровождаться творческими дискуссиями.

Библиографический список

1. Акульшин П.В. П.А.Вяземский. Власть и общество в дореформенной России. М., 2001.
2. Алафаев А.А. Русский либерализм на рубеже 70–80-х гг. XIX в. М., 1971.
3. Американская историография России (1992–2012): Указатель литературы // Большакова О.В. Поверх барьеров: американская русистика после холодной войны. М., 2013. С.181–238.
4. Андреева Т.В. Тайные общества в России в первой трети XIX в. Правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009.
5. Антонов В.Ф. А.И.Герцен: Общественный идеал анархиста. М., 2000.
6. Антонов В.Ф. Н.Г.Чернышевский: Общественный идеал анархиста. М., 2000.
7. Антонов В.Ф. Революционное народничество. М., 1965.
8. Арсланов Р.А. К.Д.Кавелин: человек и мыслитель. М., 2000.
9. Бадалян Д.А. Понятие конституция в России XVIII–XIX веков: от постановления сейма к венчанию здания и правовому порядку // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода: В 2 т. М., 2012. Т.1. С.151–174.
10. Балувев Б.П. Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков. М., 1995.
11. Блохин В.В. Историческая концепция Николая Михайловского. М., 2001.
12. Бокова В.М. Беспокойный дух времени. Общественная мысль первой трети XIX в. // Очерки истории русской культуры. Т. 4. Общественная мысль. М., 2003.
13. Бокова В.М. Эпоха тайных обществ. Русские общественные объединения первой трети XIX в. М., 2003.
14. Брэдли Дж. Добровольные ассоциации, гражданское общество и самодержавие в поздней имперской России // Российская история, 2011, №2. С.3–26.
15. Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении. М., 2000.
16. Виленская Э.С. Революционное подполье в России (60-е годы XIX в.). М., 1965.
17. Виттекер Ц.Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб., 1999.
18. Вишленкова Е.А. Религиозная политика: официальный курс и «общее мнение» России александровской эпохи. Казань, 1997.
19. Волк С.С. Народная воля. 1879–1882. М. – Л., 1966.
20. Гинев В.Н. Борьба за крестьянство и кризис русского неонародничества, 1902–1914 гг. Л., 1983.
21. Гордин Я.А. Мятеж реформаторов. Заговор осужденных. 14 декабря 1825 года – 4 августа 1830 года. СПб., 2016.
22. Городницкий Р.А. Боевая организация Партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. М., 1998.
23. Гросул В.Я. Общественное движение в России первой половины XIX века. М., 2017.
24. Гросул В.Я. Русское зарубежье в первой половине XIX века. М., 2008.
25. Гросул В.Я. Русское общество XVIII–XIX веков. Традиции и новации. М., 2003.
26. Довнар-Запольский М.В. Из истории общественных течений в России. Киев, 1910.
27. Дружинин Н.М. Революционное движение в России. М., 1985.
28. Дудзинская Е.А. Славянофилы в общественной борьбе. М., 1983.
29. Дудзинская Е.А. Славянофилы в пореформенной России. М., 1994.

30. Егоров Б.Ф. Эволюция русского либерализма в XIX веке: от Карамзина до Чичерина // Из истории русской культуры. Т.5. М., 1996.
31. Ерофеев Н.Д. Народные социалисты в Первой русской революции. М., 1979.
32. Зверев В.В. Реформаторское народничество и проблема модернизации России: от сороковых к девяностым годам XIX века. М., 1997.
33. Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. Критика европейской культуры у русских мыслителей. Париж, 1955.
34. Зорин А.Л. Идеология «православие – самодержавие – народность» и ее немецкий источник // В раздумьях о России. М., 1996.
35. Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла...: Литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001.
36. Иванов А.А. Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917). М.; СПб., 2013.
37. Из истории общественных движений и международных отношений: Сборник статей. М., 1957.
38. Империя и либералы: Материалы международной конференции. СПб., 2001.
39. Исаков В.А. Концепция заговора в радикальной социалистической оппозиции. Вторая половина 1840-х – первая половина 1880-х годов. М., 2004.
40. История национальных политических партий России. М. 1997.
41. История общественных движений и политических партий России (XIX – начало XX в.). М., 1994.
42. История общественных движений и политических партий России. Томск, 1993.
43. Итенберг Б.С. Движение революционного народничества. М., 1965.
44. Итенберг Б.С. Россия и Великая Французская революция. М., 1988.
45. Итенберг Б.С. Русская интеллигенция и Запад. Век XIX. М., 1999.
46. Итенберг Б.С. Южнороссийский союз рабочих. Возникновение и деятельность. М., 1974.
47. Каменский А.Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века: Опыт целостного анализа. М., 2001.
48. Канищев В.Ю. Роль журнала «Освобождение» в формировании Конституционно-демократической партии: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. М., 2006.
49. Китаев В.А. Либеральная мысль в России, 1860–1880 гг. Саратов, 2004.
50. Киянская О.И. Павел Пестель: офицер, разведчик, заговорщик. М., 2002.
51. Киянская О.И. Южное общество декабристов: Люди и события. Очерки истории тайных обществ 1820-х гг. М., 2005.
52. Киянская О.И. Южный бунт: восстание Черниговского пехотного полка. 29 декабря 1825 – 3 января 1826 гг. М., 2016.
53. Корнилов А.А. Общественное движение при Александре II (1855 – 1881). Исторические очерки. М., 1909.
54. Корнилов А.А. Очерки по истории общественного движения и крестьянского дела в России. СПб., 1905.
55. Коршунова Н.В. «Либеральная диктатура» Александра I: реформы в России в первой четверти XIX века. М., 2002.
56. Кривенький В.В., Постников Н.Д., Смирнова М.И. Национальные партии России // Политические партии России: история и современность. М., 2000.
57. Левандовский А.А. Время Грановского. М., 1990.

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

58. Левандовский А.А. Т.Н.Грановский в русском общественном движении. М., 1989.
59. Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971.
60. Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., 1997.
61. Литвак Б.Г. Переворот 1861 г. в России: почему не реализовалась реформаторская Россия? М., 1991.
62. Лихоманов А.В. Борьба самодержавия за общественное мнение в 1905–1907. СПб., 1997.
63. Лор Э. Гражданство и подданство. История понятий // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода: В 2 т. М., 2012. Т.1. С.197–224.
64. Лотман Ю.М. Был ли А.Н.Радищев дворянским революционером? // Вопросы философии. 1956. №3. С.865.
65. Майофис М.Л. Воззвание к Европе. Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М., 2008.
66. Малинова О.Ю. Общество, публика, общественность в России середины XIX – начала XX века: Отражения в понятиях практик публичной коммуникации и общественной самодеятельности // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода: В 2 т. М., 2012.Т.1.С.428–463.
67. Медушевский А.Н. История русской социологии. М., 1993.
68. Милоков П.Н. Из истории русской интеллигенции: Сборник статей и этюдов. СПб., 1902.
69. Минаева Н.В. Егоров Б.Ф. Эволюция русского либерализма в XIX веке: от Карамзина до Чичерина // Из истории русской культуры. Т.V (XIX век). М., 1996.
70. Минаков А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж, 2011.
71. Мироненко С.В. Александр I и декабристы. Россия в первой четверти XIX века. Выбор пути. М., 2016.
72. Модели общественного переустройства России. XX век / отв. ред. В.В.Шелохаев. М., 2004.
73. Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. М., 1998.
74. Ненароков А.П. Правый меньшевизм: Прозрения российской социал-демократии. М., 2011.
75. Нечкина М.В. Восстание 14 декабря 1825 г. М., 1951.
76. Нечкина М.В. Встреча двух поколений. Из истории русского революционного движения конца 50-х – начала 60-х годов XIX века: Сборник статей. М., 1980.
77. Нечкина М.В. Движение декабристов: В 2 т. М., 1955.
78. Общественная мысль России XVIII – начала XX вв.: Энциклопедия / отв. ред. В.В.Журавлев. М., 2005.
79. Общественная мысль России: истоки, эволюция, основные направления: Материалы международной научной конференции. М., 2011.
80. Общественное движение в России XIX века: Сборник статей / отв. ред. Н.М.Пирумова. М., 1986.
81. Общественное движение в России в начале XX века / под ред. Л.Мартова, П.Маслова, А.Потресова. СПб., 1909.

82. Овсяннико-Куликовский Д.Н. История русской интеллигенции // Овсяннико-Куликовский Д.Н. Собрание сочинений. СПб., 1914. Т.7.
83. Окунь С.Б. Декабрист М.С.Лунин. Л., 1985.
84. Олейников Д.И. Классическое российское западничество. М., 1996.
85. Орлик О.В. Передовая Россия и революционная Франция (первая половина XIX в.) М., 1973.
86. Освободительное движение и общественная мысль в России XIX века. М., 1991.
87. Очерки русской культуры XIX века. Т. 4. Общественная мысль. М., 2003.
88. Павлов Д.Б. Эсеры-максималисты в Первой российской революции. М., 1989.
89. Пайпс Р. Русский консерватизм и его критики. Исследование политической культуры. М., 2008.
90. Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г. Революционная традиция в России, 1783–1883 гг. М.: Мысль. 1986. 343 с.
91. Парсамов В. Декабристы и русское общество 1814–1825 гг. М., 2016.
92. Петров Ф.А., Гутнов Д.А. Российские университеты // Очерки русской культуры XIX века. Т. 3. Культурный потенциал общества. М., 2001. С.464–472.
93. Пирумова Н.М. Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе. М., 1986.
94. Пирумова Н.М. Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция. М., 1977.
95. Пирумова Н.М. Исторические взгляды А.И.Герцена. М., 1956.
96. Пирумова Н.М. Социальная доктрина М.А. Бакунина. М., 1990.
97. Погодин А.Л. Главные течения польской политической мысли, 1863—1907 гг. СПб., б.г.
98. Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996.
99. Постников Н.Д. Террор польских партий против представителей русской администрации в 1905–1907 гг. // Индивидуальный политический террор в России XIX – начала XX в. Материалы конференции. М., 1996.
100. Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX века. Саратов, 1982.
101. Проблемы истории общественной мысли и историографии: К 75-летию академика М.В.Нечкиной. М., 1976.
102. Программы политических партий России. Конец XIX–XX вв. М., 1995.
103. Пыпин А.Н. Общественное движение в России при Александре I. СПб., 1908.
104. Революционная мысль в России XIX – начала XX века: Энциклопедия / отв. ред. В.В.Журавлев. М., 2013.
105. Рибер А. Изучение истории России в США // Исторические записки. М., 2001. Т.121. С.65–105.
106. Рожков Н.А. К методологии истории революционного движения // Красная летопись. 1923. №7.
107. Розенберг У.Г. История России конца XIX – начала XX вв. в зеркале американской историографии // Россия XIX–XX вв. Взгляд зарубежных историков. М., 1996. С.8–28.
108. Розенталь И.С. И вот общественное мнение! Клубы в истории российской общности. Конец XVIII – начало XX вв. М., 2007.

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

109. Розенталь И.С. Москва на перепутье: Власть и общество в 1905–1914 гг. М., 2004.
110. Российская революция 1917 года: власть, общество, культура / отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2017.
111. Российские либералы: Сб. статей / Под ред. Б.С.Итенберга и В.В.Шелохаева. М., 2001.
112. Российский либерализм середины XVIII – начала XX века: Энциклопедия. / отв. ред. В.В.Шелохаев. М., 2010.
113. Россия в 1905–1907 гг.: Энциклопедия / отв. ред. В.В.Журавлев. М., 2016. С.632–644.
114. Рудницкая Е.Л. В поисках пути (начало философского осмысления судеб России) // В раздумьях о России (XIX век). М., 1996.
115. Рудницкая Е.Л. Лики русской культуры. М., 2007.
116. Рудницкая Е.Л. Н.П.Огарев в русском революционном движении. М., 1969.
117. Рудницкая Е.Л. Русский бланкизм: Петр Ткачев. М., 1992.
118. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / под ред. В.Я.Гросула. М., 2000.
119. Русский консерватизм середины XVIII – начала XX вв.: Энциклопедия / отв. ред. В.В.Шелохаев. М., 2010.
120. Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX в. / отв. ред. А.С.Туманова. М., 2011.
121. Сватиков С.Г. Общественное движение в России (1700–1895). Ростов-на-Дону, 1905.
122. Сдвижков Д.А. От общества к интеллигенции: история понятий как история самосознания // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода: В 2 т. М., 2012. Т.1. С.382–427.
123. Секиринский С.С., Шелохаев В.В. Либерализм в России: Очерки истории (середина XIX – начало XX вв.). М., 1995.
124. Секиринский С.С., Филиппова Т.А. Родословная российской свободы. М., 1993.
125. Семенова А.В. Временное революционное правительство в планах декабристов. М., 1982.
126. Советская историография классовой борьбы и революционного движения в России / отв. ред. А.Л.Шапиро. Л., 1967.
127. Соловьев К.А. Библиотека отечественной общественной мысли // Исторический архив. 2013. №1. С.181–185.
128. Соловьев К.А. Кружок «Беседа»: В поисках новой политической реальности. М., 2009.
129. Спирина М.В. Крах мелкобуржуазной концепции социализма эсеров. М., 1987.
130. Степанский А.Д. История общественных организаций дореволюционной России. М., 1979.
131. Степанский А.Д. Общественные организации в России на рубеже XIX–XX веков. М., 1982.
132. Степанский А.Д. Самодержавие и общественные организации России на рубеже XIX–XX вв. М., 1980.
133. Твардовская В.А. Социалистическая мысль России на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1969.

134. Твардовская В.А., Итенберг Б.С. Русские и Карл Маркс: выбор или судьба. М., 1999.
135. Тимофеев Д.В. Европейские идеи в России: восприятие либерализма правительственной элитой в первой четверти XIX века. Челябинск, 2006.
136. Тимофеев Д.В. Собственность // Российский либерализм середины XVIII – начала XX века: Энциклопедия / отв. ред. В.В.Шелохаев. М., 2010.
137. Тихонова Е.Ю. Мировоззрение молодого Белинского. М., 1998.
138. Тихонова Е.Ю. Человек без маски. Личность В.Г.Белинского в его переписке. М., 2002.
139. Троицкий Н.А. «Народная воля» перед царским судом (1880–1894). Саратов, 1983.
140. Троицкий Н.А. Большое общество пропаганды 1871–1874 гг. (т. н. «чайковцы»). Саратов, 1963.
141. Туманова А.С. Общественные организации и русская публика в начале XX века. М., 2008.
142. Туманова А.С. Первая русская революция и провозглашение свободы союзов и собраний // Отечественная история. 2005. №5. С.33–47.
143. Туманова А.С. Самодержавие и общественные организации в России 1905–1917 гг. Тамбов, 2002.
144. Тютюкин С.В. Меньшевики: страницы истории. М., 2002.
145. Тютюкин С.В., Шелохаев В.В. Марксисты и русская революция. М., 1996.
146. Ушаков А.В. Революционное движение демократической интеллигенции в России. 1895–1904. М., 1976.
147. Федоров В.А. «Своей судьбой гордимся мы...» Следствие и суд над декабристами. М., 1988.
148. Федоров В.А. Декабристы и их время. М., 1992.
149. Хорос В.Г. Народническая идеология и марксизм (конец XIX в.). М., 1972.
150. Цимбаев Н.И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М., 1986.
151. Циунчук Р.А. Презентация этноконфессиональных и региональных интересов в политических программах и предвыборных платформах партий и общественно-политических объединений Российской империи 1905–1912 гг. // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. М., 2001. С.288–316.
152. Чичерин Б.Н. Философия права. СПб., 1998.
153. Шацлло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. М., 1986.
154. Шелохаев В.В. Институт общественной мысли как новая форма организации научных исследований // Шелохаев В.В. На разные темы. М., 2016. С.437–444.
155. Шелохаев В.В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М., 2015.
156. Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996.
157. Широкова В.В. Партия «Народного права». Саратов, 1972.
158. Шишко Л.Э. Общественное движение в шестидесятых и в первой половине семидесятых годов. М., 1921.
159. Щетинина Г.И. Идеиная жизнь русской интеллигенции. Конец XIX – начало XX вв. М., 1995.

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

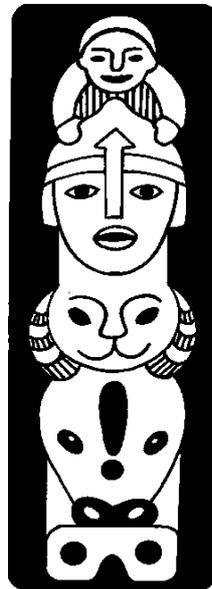
160. Эйдельман Н.Я. Герцен против самодержавия. Секретная политическая история России XVIII–XIX веков и вольная печать. М., 1984.
161. Эйдельман Н.Я. Лунин. М., 1970.
162. Эйдельман Н.Я. Обреченный отряд. М., 1987.
163. A history of Russian philosophy 1830–1930 : Fait. Reason and defense of human dignity / Ed.by Hamburg G.M., Poole R.A. Cambridge, UK; N.Y.: Cambridge univ. press, 2010.
164. Ascher A. The revolution of 1905. Vol.I. Russia in disarray. Stanford (Cal.), 1988.
165. Ascher A. The revolution of 1905. Vol.II. Authority restored. Stanford (Cal.), 1992.
166. Ascher A.P.A. Stolypin: The Search for Stability in Late Imperial Russia. Stanford, 2001.
167. Berest J. The emergence of Russian liberalism : Alexander Kunitsyn in context. 1783–1840. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2011.
168. Burbank J. Intelligentsia and Revolution: Russian Views of Bolshevism, 1917–1922. N.Y., 1986.
169. Emmons T. The Formation of Political Parties and the first National Elections in Russia. Cambridge, 1983.
170. Fischer G. Russian liberalism from gentry to intelligentsia. – Cambridge, 1958.
171. Fisher G. Russian liberalism from Gentry to intelligentsia. Cambridge, 1958.
172. Frohlich K. The emergence of Russian constitutionalism, 1900–1904. – L., 1981.
173. Galai S. The liberation movement in Russia, 1900–1905. – Cambridge, 1973.
174. Hildermeier M. Die Sozialrevolutionare Partei Russlands. Agrarsozialismus und Modernisierung in Zarenreich (1900–1914). Koln-Wien, 1978.
175. Hosking G.A. The Russian constitutional experiment: Government and Duma, 1907–1914. Cambridge, 1973.
176. Keep J.L.H. The Russian revolution: A study in mass mobilization. N.Y., 1976.
177. Major problems in the history of imperial Russia / Ed. By Cracraft J. – Lexington: D.C. Heath, 1994.
178. Malia M. What is the Intelligentsia // The Russian Intelligentsia. N.Y., 1961; Pipes R. The Russian Revolution. N.Y., 1991.
179. Martin A.M. Romantics, reformers, reactionaries: Russian conservative thought and politics in the reign of Alexander I. DeKalb: Northern Illinois univ. press, 1997.
180. Smith Scott B. Captives of revolution. The socialist-revolutionaries and the Bolshevik dictatorship, 1918–1923. Pittsburgh, 2011.
181. Wereszycki H. Historia polityczna Polski. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1990.

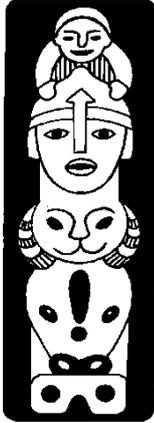
Насилие нельзя регулировать и употреблять только до известного предела. Если только допустить насилие – оно всегда перейдет границы, которые мы хотели бы установить для него.

Л.Н.Толстой

Люби – и делай что хочешь.
Если молчишь, молчи из любви;
если говоришь, говори из любви;
если порицаешь, порицай из любви;
если щадишь, щади из любви.

Августин

Андрей Юрганов

**МОДЕРНИСТСКИЕ
РОМАНЫ НАЧАЛА
ДВАДЦАТОГО ВЕКА:**

**О ЛЮБВИ... ИЛИ О
НАСИЛИИ?**

УДК
82.091

Романы о любви Марка Криницкого (1874–1952), яркого представителя русского модернизма, в советское время относили к бульварным романам, в которых нет никакого смысла, кроме развлекательного. Подобные характеристики были унаследованы литературоведами постсоветского времени без критического рассмотрения, а между тем никакой бульварщины в романах не было изначально. Ибо ставился вопрос не о любви только, не о верности или неверности только, не о сохранении семьи и домашних устоев, а о недостатке личной свободы в отношениях мужчины и женщины, о любви, в которой проявлялась убивающая ее сила родовой стихии. Эти романы ставили философские вопросы о конечной свободе, и потому все истории любви так или иначе рассказывают не только о высоких чувствах, но и о насилии над ними. Культ сильного мужчины был характерным культом модернизма. Однако этот умозрительный культ был лишь проектом преобразования семьи и общества на новых общественных основаниях. Культ сильного мужчины призывал мужчину быть инициатором освобождения любви от гнета традиции и родового быта.

Love novels by Mark Krinitski (1874–1952), a bright representative of the Russian Modernism, in the Soviet times were designated as dime fiction that were deprived of any sense but entertainment. The post-Soviet literary historians inherited such characterizations uncritically. Meanwhile these books had no trashy content from the start. For Krinitski narrated not only about love, not about conjugal fidelity or infidelity, not about preservation of family and household pillars but about lack of individual freedom in man-female relationships, about love in which the patrimonial elements that stifle the love. These novels put philosophical issues of the ultimate freedom and therefore all love stories in one or another way relate not only the high feelings but the violence over these feelings. The strong man cult was a peculiar Modernist cult. However, this speculative cult was just a project of the family and society transformation and their conversion to new societal grounds. The strong man cult made a call for the man who had become the initiator of love liberation from the oppression of custom and patrimonial mode of life.

Ключевые слова: модернизм; русский ренессанс; философия любви; В.С.Соловьев, Н.А.Бердяев; Марк Криницкий.

Key words: Modernism; the Russian Renaissance; philosophy of love; V.S.Soloviev; N.A.Berdyayev; Mark Krinitski.

E-mail: iurganov@ya.ru.

В 1915 г. были опубликованы сразу три романа о любви писателя-модерниста Марка Креницкого (1874–1952): «Случайная женщина», «Маскарад чувства» и «Женщина в лиловом». В библиографических справках о творчестве писателя, написанных позже, в советское время, эти романы безоговорочно приписывались «бульварной литературе». Без всякой рефлексии повторялись суждения, исходившие от победившего лагеря позитивистов-марксистов, сторонников культуры действительности, люто ненавидевших «пошлых» романистов, по их мнению, воспевавших всякого рода любовные извращения и мещанство...

Хотя эти романы не представляют собою единый цикл, нельзя не увидеть в них семантического единства, неких общих мировоззренческих оснований, которые играли решающую роль в построении того или иного сюжета.

В отличие от чеховского реализма, в котором не было и не могло быть доминирующей авторской идеи, художественная литература модернистов не могла обойтись без конструктивизма: ибо для них первична не «жизнь как таковая», а идея жизни – она и являлась реальностью. Личную позицию писателя-модерниста, в отличие от реалиста, понять возможно, ибо в культуре личности неустрашимый идейный центр.

Каков же этот «центр» художественного мышления писателя-модерниста?

В поэтике «романов о любви» Марка Креницкого мы видим повторяющиеся мотивы, которые выступают в качестве детонаторов событий: без них не возник бы драматизм в развитии конфликтов.

Выделим эти конструктивные мотивы.

Во всех трех романах муж, любовник, центральный персонаж, оказывается нерешительным человеком, неспособным сделать выбор между женщинами. Если бы хватило решительности, то не было бы драматического конфликта в сюжете каждого из романов. Писатель не просто повторяет ситуацию, он ее настойчиво обнажает и рассматривает, как важнейший недостаток истинного добра...

«Случайная женщина»

В романе «Случайная женщина» врач, уважаемый человек, которого любящая жена ласково и слегка пренебрежительно называет Васюк, становится жертвой сильных жен-

ских чувств. Его жена, Варвара Михайловна, очень ревнива, а на горизонте появляется женщина, госпожа Дюмулен, которая жаждет встречи с ее мужем при обстоятельствах, свидетельствующих о не случайности ее интереса к Василию Николаевичу Петровскому. Будучи гражданской женой Дюмулена, она обманывала всех, что была с ним венчана, но гражданский муж отверг ее, выгнал из дома с ребенком, и все в городе узнали, что она теперь не Дюмулен, а Раиса Андреевна Ткаченко... Казалось бы, такая судьба женщины не способствует ее популярности, но события стали развиваться неожиданно. Варвара Михайловна, мучившая себя и мужа отчаянной ревностью, сама приглашает в свой дом мадам Ткаченко, чтобы контролировать процесс, не быть заложницей неизвестности. Она не доверяет мужу, хотя он и не вырывается из тесных объятий, а лишь старается погасить волны ревности, ненависти и отчаянной любви своей жены. Его неспособность принимать самостоятельные решения лишь усиливают внешние влияния. Варвара Михайловна и госпожа Дюмулен начинают борьбу за него, и у каждой – свой сценарий «военных» действий.

Встреча Петровского с Дюмулен оказалась роковой. Раиса была невероятно обаятельна и притягивала к себе искренним чувством, а также способностью тонко угадывать настроение мужчины. Василий Николаевич, женившись на Варваре, не чувствовал большой любви к ней, и быстро понял, что их случайная встреча, казавшаяся сначала чудесной, на самом деле была ошибкой, исправить которую теперь, в браке, невозможно. Варвара Михайловна полностью овладела волей своего мужа и теперь была похожа на полководца, выбиравшего маневр для нанесения контрудара по сопернице. На стороне Дюмулен – сила проснувшейся любви, новой, окрыляющей, освежающей, но и безнадежной, опасной.

В своем браке Петровский лишился личной свободы, обрел постоянный контроль над своей душой и временами ненавидел жену так, что готов был и убить ее.

Варвара Михайловна была обеспокоена тем, что муж, доведенный до отчаяния, прячется у своего друга Курагина, «кричит о своем человеческом достоинстве». Его воля принадлежала ей – страстно любящей же-

не, которая ничего плохого ему не желает и желать не может. В голове доктора возникают мысли о бегстве. Он не мог полностью смириться с поражением в правах. Но куда бежать? Она поедет куда угодно и найдет беглеца.

Варвара Михайловна, будучи на втором месяце беременности, пытается дать мужу некоторую свободу, осознавая, что деспотизм может погубить их брак. Но эта свобода – еще большая узда: она связывает его нравственными обязательствами быть ей верным, – не позволит же он, в самом деле, в ответ на благородство жены опуститься до измены? Она разрешает мужу ехать в Петроград. Но в поезде Петровский случайно встречает уезжающую туда же Раису Ткаченко. В своем романтическом путешествии он и не подозревал, что его умная жена, догадавшись, что там, в Петрограде, он может встретить соперницу, наняла частного сыщика. Варваре Михайловне было нравственно тяжело так низко пасть в собственных глазах, но страстная любовь, которую она испытывала к мужу, превращала ее в психически больного человека. Василий Николаевич, после бурной любовной ночи с Дюмулен, осознал наконец, что этот роман чреват тяжелыми последствиями. Как разорвать отношения с женой, к тому же беременной? Что теперь?.. Опять – ситуация выбора. Но сил нет никаких. Он жалеет Варюшу: ведь он знает, сколь велика ее любовь к нему. Его душевные муки разделяет даже Дюмулен, она сочувствует и готова, при всей нелюбви к Варваре, жить «просто так»: «Я не требую от тебя, милый, шаблонного решения. И, вообще, никакого решения. Мы будем жить просто так. Будем жить как нельзя... (Она вдруг вызывающе рассмеялась). Правда? Нам нельзя, например, быть сейчас здесь, вместе, а мы будем. И никто никогда не узнает, что мы друг у друга есть. Да?»

И без того сильно обезумевшая от ревности Варвара Михайловна узнает от сыщика, где и при каких обстоятельствах ее муж встречался с Дюмулен. Но и муж узнает, что его жена следила за ним в Петрограде. Отношения становятся невыносимыми.

Обе женщины сошлись в решающей битве. Варвара Михайловна приходит в московскую гостиницу к Дюмулен, чтобы окончательно выяснить отношения – после ее возвращения из Петрограда. Раиса терпит угрозы и сама угрожает тем, что «прикажет» Петровскому уехать с нею в Петроград, – и он уедет! Она смеется, издевается над Варварой Михайловной и в ответ слышит проклятия и новые угрозы. Началась война двух сильных женщин, война разрушительная, при полной капитуляции доктора, который осмеливается лишь на вопль отчаяния. От-

ношения с женой испорчены навсегда, но выхода нет никакого, и он оговаривает условия своего существования с нею в одной квартире: он будет жить в удаленной комнате. Она понимает, что ухудшила ситуацию в семье и унижительно просит его вернуться к прежнему спокойно-му образу жизни, даже пытается вновь телесно сойтись с мужем, которому необыкновенно тяжело жить в таких нечеловеческих условиях.

Дюмулен пишет письмо Василию Николаевичу и требует, чтобы он сделал свой выбор. Она признает, что этот выбор может быть жестоким по отношению к его жене и детям, но любовь – «жестокое чувство вообще». Любовь – не жизненное удобство, и ее не бывает без жертв!

Любовь без жертв! Вот идеал большинства. Но клянусь тебе, что в тот момент, когда я найду настоящую любовь, я не задумаюсь прямо с места надеть пальто и шляпу и без раздумья, без ссылки на свои материнские обязанности отправиться хоть на край света. Достаточно была оскорбляема и унижаема любовь. Но я смею думать, что у нее есть тоже свои права. Иначе я требую, чтобы не произносили эти слова. Говорите сожителю, брак, производство детей, флирт, разврат... Говорите все, что угодно, но не обращайтесь любви в какой-то пошлый коровник. Любовь – это божественный экстаз, это – творческий акт.

Такой же жестокий и бескорыстный, как творческое движение руки художника [2, с.196].

Василий Николаевич не мог ответить столь же возвышенно и признал: «Да, я не гожусь в герои»... Развязка оказалась трагичной. Варвара Михайловна, не желая жить с мыслью, что ее муж стал чужим, что где-то рядом находится соперница, сводящая ее с ума, подговорила бывшую служанку, и ее брат прыснул в лицо Дюмулен серную кислоту. Та в отчаянии пыталась покончить с собой, но ничего не вышло: она осталась живой... уже как инвалид, изуродованная женщина. Быстро выяснилось, кто исполнитель, кто заказчик. В дом Петровских пришел следователь. Состоялся примечательный разговор, в котором доктор признал себя главным виновником во всей этой истории и смог даже отчасти убедить в том следователя:

– Справедливость... Условные нормы... Условная справедливость. Простите: я этого не могу назвать правосудием! – кричал Петровский. – Ваше правосудие обрушивается на слабейшего или незащищенного. Вот я, например, говорю вам, что истинный моральный виновник всего происшедшего только я, а с вашей точки зрения это только смешно [2, с.251].

На что же не хватило мужской воли? Разве речь шла о том, чтобы бросить одну и жениться на другой? Разве для этого требовался героизм? Творчество?

Петровский исповедовался перед следователем:

Это же позор, что мы предлагаем женщине спальню, спокойную, усовершенствованную, комфортабельную, гигиеническую спальню. Это самое возмутительное, что только есть в нашем общении с женщиной. Чистой и невинной девушке, смотрящей на мир и на нас влюбленными глазами, мы предлагаем спальню. Мы предлагаем с нехорошим блеском в глазах, пользуясь ее невинностью и непониманием жизни. Мы подло подмигиваем ей и намекаем, что тут какая-то тайна, все содержание которой женщина узнает только после брака. И потом, когда женщина попадает в этот мешок, мы начинаем нести наше заслуженное возмездие, потому что девушка, постепенно очнувшись от так называемых супружеских объятий, непременно должна сознавать, что она обманута и поругана. Поругана скотски и подло, предательски-подло. С удивлением и раздражением она требует от нас обещанного ей таинственного, великого и святого. Вы понимаете? (Он смеялся). Она требует от меня и вас, элементарных самцов, таинственного и святого!.. [2, с.253]

Чистосердечное признание доктора – мысли самого Криницкого. Это нетрудно доказать, ибо почти теми же словами он отвечал Брюсову на сообщение о женитьбе. Криницкий был этим чрезвычайно взволнован, он рассматривал брак как самое ответственное событие в жизни. Как и в признании доктора Петровского, Криницкий в письме к Брюсову говорил о путях духовного единения со своей избранницей, о союзе духовном, без которого брак был бы не освящен. Он говорил о тайнах, в которые необходимо посвятить будущую жену, сделав ее сопричастницей духовной жизни, а не пошлой сожительницей¹.

¹ Из письма Брюсову (31 июля 1897 г.): «Радость, только радость хочу я проповедовать людям и страшусь быть проповедником скорби, ужасов, отчаяния. И вот Вы спрашиваете меня, и та, которой надлежит быть Вашей неизменной подругой, сидит возле и слушает. Боюсь не сказать бы чего-нибудь сурового, несправедливого. Беда в том, что я не могу людям отдать своей головы и своего сердца, чтобы они поняли меня и возрадовались. Это бывало прежде с моей Аней: ее пугали мои мнения, мои надежды; ей казалось все, что меня наполняло, диким, чудовищным, полным противоречий. А оно было ясно, великолепно, трогательно. Она же, бедная, терзалась, умоляла своего Бога даровать мне истинный свет, разогнать тьму моего отчаяния. Теперь настал момент, когда она остановилась в изумлении перед входом в мое святилище. Да, она поняла! И я показываю ей тайны, от-

Петровский признался в поражении: он не сделал свою жену духовной избранницей, он не смог стать творцом их духовного союза, он не

крываю заповедные двери. И она слушает! О, как трогательно-умилительно слушает она меня! Но есть двери – они заперты. Мы проходим мимо. Там совершаются великие мистерии, куда я сам вхожу, как младший, как благоговейный зритель, а не священник. И мы проходим мимо, и хотя на сердце у меня от того скорбь, но ведь у меня столько ей показывать и объяснять. Но все это случилось постепенно! А что было бы, если бы я прямо ввел бы ее в то уединенное святое место, где для меня вычеканено грозное и вместе отрадное изречение: "Если миром правит Бог, тогда, осуществляя высшую правду, ты будешь его избранником! Не страшись идти до конца! Если же миром правит черт, тогда – ты пустой мечтатель, зло природы, неизлечимая болезнь, грозящая заразить собою все мироздание! Не страшись идти до конца!" И вот я впал в раздумье (Вы поймете почему!), отворят ли Вам обоим одну из заповедных дверей. Невольное раздумье, объяснимое тем, что я хочу Вам обоим, как можно больше блага! Да, но я всегда так верил в то, что человек создан для света и блаженства! Неужели есть люди, осужденные на вечное незнание, которых истина может убить? Верю – не убьет, но возродит! Итак, пойдёмте и выслушаем еще одну великую тайну моей жизни. Жизнь есть вечное стремление назад к Небу. Всякий порыв воли есть вопрос о дороге к Вечному Богу. Союз душ, каких бы то ни было, есть соглашение двух путников среди глубокого мрака, среди пропастей и расселин показывать друг другу правильную дорогу к спасительному пристанищу. Любовь есть доверчивая просьба дать блаженство, т.е. провести среди ужасов постоянных разочарований жизни в спасительное прибежище вечной Правды. Любовь требует ответной любви, любовь не хочет кончаться, любовь обращается в ненависть и отчаяние, если видит измену. И что бы сказали о человеке, который обещался бы проводить малютку в глубокую ночь среди расселин в родительский дом и вместо того, чтобы показывать правильный путь, показывал бы ему ложный, более легкий и скорый, но ведущий в вечную тьму и вечную бездну, а сам с каждым шагом стал бы удаляться от него по неведомой дороге. Но что мы сказали бы, Валерий Яковлевич, о мужчине, который взялся бы устроить счастье женщины, т.е. разрешить ей вопрос о направлении к действительному (здесь и далее подчеркнуто автором. – А.Ю.) благу (а ведь теперь она будет связана Вами; Вы и только Вы должны будете осуществлять самые гордые ее мечты о счастье), которого добивается каждая живая душа, и вместо того стал бы ее искусно обманывать, подсовывая ей вместо действительно нужного и каждому человеку понятного ряд пустых бесполезных игрушек, глупых и скучных, которые она имела и прежде и которые ее уже перестали удовлетворять с тех пор, как она увидела его, так бодро и смело шагающего куда-то, где, наверное, столько блаженства? И вы думаете, она помирится на старых игрушках? Нет, она захочет узнать Вашу душу, чтобы узнать Ваш путь, и каждую тайну Вашей души почтет за измену. И если она увидит, что Вы оставляете ее одну в мраке, а сами удаляетесь в противоположную сторону, ее отчаянию не будет конца. Она скажет: ты меня больше не любишь!..» [3, л. 37–39 об.].

проявил тех героических усилий, которые сделали бы его не пассивным созерцателем, но активным устройтеlem новой жизни. Он так и сказал следователю: «Идеологию любви я умел мудро и похабно заменить гигиеной брака» [2, с.254].

«Маскарад чувства»

В романе «Маскарад чувства» главный герой Иван Андреевич Дурнев решил жениться на девушке Лидии, но для этого ему необходимо развестись со своей женой, в браке с кото-

рой родился сын Саша. Жена с ребенком покинула мужа, уехала к матери – он свободен, в полшаге от нового счастья. И вдруг выясняется, что церковный развод – дело непростое: необходимы доказательства неверности одного из супругов, причем со свидетелями, которые бы видели измену! Дурнев обращается то к одному, то к другому, и все указывают на «мастера» подобных доказательств, Петра Васильевича Боржевского, человека уже немолодого. Далее выясняется, что нужно разок–другой съездить в публичный дом, чтобы там была засвидетельствована измена. Конечно, сцена будет подстроена, но сам факт приезда в публичный дом – единственное верное доказательство, которое безусловно принимается церковным судом.

Дело это непростое, и если станет известно, что сцена подстроена, то организатора мероприятия ждет суровая кара – ссылка в Сибирь. Дурнев оказывается меж двух огней: новая его избранница отличается большой требовательностью, бывшая жена обязана будет прочитать свидетельские показания, а потом в духовной консистории подписать судебное решение о разводе.

В новой любви не все благополучно. Дурнев чувствовал, что между ним и Лидою нет настоящей духовной близости. Он ей искренне написал об этом после размолвки. Однако это не означало разрыва: Иван Андреевич честно шел к своей цели, и эта честность была сильной и слабой стороной одновременно.

Его откровенные разговоры с Лидой только усугубили ощущение смуты в душе. В этот момент он получает письмо от Серафимы, бывшей жены, которая признается ему в том, что расставание ей дается очень тяжело: «...ты хотел бы, чтобы нашего прошлого не было для нас обоих совсем? Пусть в этом прошлом было много тяжелого. Пусть! Но ты бы хотел изгладить вместе с темным и то, что было в нем светлого, хорошего, человеческого. Для меня, скажу прямо, это была бы смерть. При-

знать, что шесть лет жизни с тобой были сплошным недоразумением, ошибкой, какой-то гнусностью – я не могу. А такой разрыв, как наш, означает именно это» [2, с.284–285].

Дурнев решил сказать об этом письме Лиде, он хотел быть честным. В результате он сел писать ответ под диктовку Лиды: письмо получилось злое, враждебное. Вновь возникают два центра женской власти, раздирающие главного героя, а он в свою очередь нащупывает третий путь, пока еще малопонятный, но увлекающий своей безграничной свободой... Компания друзей, в том числе Дурнев, едут в публичный дом... Отнюдь не для того, чтобы воспользоваться услугами жриц любви, а лишь имитировать измену. Но Дурнев увлекается одной из красавиц, забывая о невесте, ради которой он, собственно, и приехал. Этому странному повороту событий способствовали речи присяжного поверенного Прозоровского, который оказался там по своей воле и, как искуситель, весьма умно пронзал своими речами душу Ивана Андреевича: «Всякая нормальная женщина ищет сильного и властного мужчину, который сумел бы ее покорить и удержать. И мелкий мужчина, пользующийся ею на правах официальной собственности, всегда вызывает в ней одно раздражение» [2, с.308].

Дурнев увлекся Тоней из публичного дома и уговорил ее поехать к нему домой.

– Ведь это же дно, дно, самое дно жизни. Я на дне! – говорил он себе, удивляясь. – А мне вовсе не страшно и не гадко, а радостно. Здесь тоже живет и бьется человеческое сердце. Вот оно!

Он крепче и крепче сжимал Тоню за талию. В ней многое исковеркано, но она многое поняла и почувствовала. И самое главное в ней то, что она... (Иван Андреевич искал мысленно подходящего выраженья.) Да, то, что она не принадлежит себе. Вот именно. И ему показалось, что он нашел совершенно верное слово. Именно, надо не принадлежать себе и никому. Ведь это же старая, избитая истина. Надо принадлежать чему-нибудь большому. И в любви, как и во всем. И даже в любви, пожалуй, в особенности. А наши женщины всегда торгуются. Ведь это же гадость.

И Серафима, и Лида... Все они так называемые порядочные.

И сейчас, ласково и трепетно поддерживая Тоню за талию, он ехал и ощущал это самое веяние чего-то большего, чем он сам. Может быть, если бы кто-нибудь сказал ему об этом еще вчера, он бы рассмеялся над ним. Но сейчас он знал, что это так. Они ехали (к нему домой. – *А.Ю.*) и волновались, а Тоня полулежала молча, прижавшись к нему, как довер-

чивый ребенок. И он знал, что покорил ее сейчас уже не грубой силой, а властью открывшегося ему нового знания [2, с.374–375].

Но там, в его квартире, находилась Лида. Она зашла к нему вечером, чтобы помириться и признать его правоту после очередной размолвки. Ожидая его, она осталась на ночь. Увидев выпившего жениха с девушкой сомнительного свойства, Лида, глубоко оскорбленная, выскочила на улицу...

Дурнев не знал, что делать: несчастные события жизни закрутили его в какой-то вихрь непредумышленного зла. Он готов был увлечься и не готов был жениться, он готов был жениться и не мог этим увлечься – что-то большее, чем он сам, крутило его, и в этом вихре он не успевал даже подумать о последствиях...

Лида нашла дорогу к своей подруге Клавдии. Она знала, что у Клавдии муж уехал в командировку на две недели. Клавдия была очень удивлена ее визитом в четыре часа утра, но впустила ее. Лида увидела на вешалке военную одежду, замшевые белые перчатки, почувствовала запах мужских офицерских духов и табака. Клавдия не стала скрывать, что они с Сережей живут свободно – он уехал к циркачке в Одессу, а Клавдия... это было видно. Лида с трудом переживала увиденное, а разговор с Клавдией о свободе отношений между мужем и женой оказался для нее невыносимо тяжелым. Если Клавдия была бы счастлива, то Лида, наверное, смирилась бы. Но рассказ подруги, любившей своего мужа, Сергея Павловича, был скорее печальным, горестным, полным тоски, плохо скрываемой ревности. Лида видела, что свободный союз слабого мужчины и брошенной женщины не выход из положения, в котором оказалась и она сама, – это полнейший жизненный тупик. Что делать ей? Повторять жизнь Клавдии?..

Как в театральной пьесе, где все герои встречаются неслучайно, утром наступившего дня приехал Сергей Павлович, и Лида вынуждена была лицезреть эти свободные отношения супругов в полной мере. Клавдия в истерике кричала: «Сергей – тряпка, тряпка и тряпка! Я презираю его!».

Лида вернулась домой с мыслью «жизнь – грязь и люди слабы, нигде не годятся». Смерть казалась ей достойным решением всех проблем. Она пришла к врачу и попросила рецепт на покупку в аптеке морфия – большой дозы. Врач, заподозрив неладное, все же выписал рецепт, не очень-то веря, что такое количество морфия необходимо для усыпления большой собаки. Лида употребила эту гигантскую дозу, и, если бы не врач, подоспевший вовремя, она бы умерла. Несколько дней потребова-

лось бороться за ее жизнь. Воздействие яда было таким сильным, что Лида оказалась частично парализованной.

Иван Андреевич наконец осознал, что процедура развода – надругательство над личностью, но было уже поздно: свидетели видели его с девицей в публичном доме, они описали его неуклюжую попытку поговорить с Тоней в незакрытой плотно комнате как сцену разврата. Теперь предстояло отправить эту «грязь» в виде письма бывшей жене, чтобы она прочитала и согласилась с церковным разводом. «...это какое-то организованное надругательство над святостью прошлого чувства, прошлой связи, – сказал Иван Андреевич. – Кому и зачем это надо?» Но письмо отправил, хотя и просил бывшую жену не читать показания свидетелей...

Он не отходил от Лиды. Хотя их отношения охладели, но после известных событий Дурнев уже не мог ее бросить и старался загладить собственную вину.

В романе значительное место занимает история отношений Клавдии и Сергея Павловича: это одна из центральных линий романа. В истории отношений этих людей свобода от взаимных обязательств становится постепенно тяжким бременем. Клавдия пытается как женщина – после ночного разговора с Лидой и ссоры с мужем – найти компромисс. Она пытается воссоздать семью. Сергей Павлович ужасается самой мысли: «ее идеал – мещанский брак»?! Он не мог принять «союз супругов, основанный на принуждении», но союз, основанный на механическом понимании свободы от обязательств, не приносил счастья тоже. Клавдия в отчаянии пыталась убить мужа, сделала выстрел и ранила его. Придя в себя, Сергей Павлович благородно отвел от жены все обвинения в попытке убийства, хотя следователи выяснили, что стрелять в себя он никак не мог. Сергей Павлович упрямо говорил: сам, только сам стрелял в себя!

Страсти захватывают героев романа. Все они конфликтуют с действительностью, не принимают ее в том виде, в каком существует традиция – брака или семьи, любви или разврата. Но выхода из конфликта тоже не видят; мечтают, спрашивают друг друга, молятся, стыдятся – в их жизни нет ни грана пошлости, нет середины, которая умиротворяет обывателей, но нет и утешения, и только один вопрос не дает им покоя: а существует ли гармония плоти и духа?.. В романе нет плохих и хороших людей, но есть сильные и слабые натуры, неспособные найти себе места в столкновениях с привычной жизнью. Сильные сильны в присвоении чужой свободы, слабые – в неспособности отстаивать свои права личности.

Камень преткновения – чужая свобода...

Серафима пытается по письмам понять состояние мужа, она ощущает, что ему нужна помощь. Да и ребенок все время спрашивает, почему папа не любит его и маму. Постепенно Дурнев тоже осознает, что не любит Лиду, что привязан к ней только из чувства долга и вины. К нему постепенно возвращается прежнее чувство к жене и сыну, но как быть теперь?.. «Маскарад чувства» – это все грани любви и отчаяния, это непредсказуемость поведения человека, который живет страстно и полно. Все рациональные понятия брака и семейной жизни остаются за порогом этих страстей и мистических откровений.

Клавдия приходит к Лиде и рассказывает о своих последних мытарствах. Она многое поняла: «Наши "законные" жены или требуют себе равной свободы: получается разврат, что и было у меня с Сергеем Павловичем. Или начинают выслеживать мужей – тогда их бросают. И по заслугам. Я себе никогда не позволю унизиться до ревности к моему мужу». Она осознала: «Мы женщины. Нам нужна крепкая рука, власть» [2, с.493].

Лида потребовала от Дурнева во имя любви окончательно расстаться с прежней семьей, но это ему казалось бесчеловечным; приехавшая для подписания разводных документов Серафима тоже требовала, чтобы бывший муж решился, – с кем он? Иван Андреевич отрекался от невесты и жалостливо говорил, что ничего не может изменить: «Я, видишь ли, теперь не уважаю моей невесты. Больше того...я...я... – Он вскочил и болезненно стиснул кулаки. – Я ненавижу ее. И я все-таки женюсь на ней. Голос его упал. Он опустил в мучительном стыде голову» [2, с.530].

Интересно, что Криницкий не описывал ситуацию конфликта как нечто, что было «на самом деле»; нет, он художественно демонстрировал правоту каждого из участников драматических событий, более того – он доказывал, что нет действительности вообще, но есть отношение к чему-то признаваемому «действительностью», порой очень изменчивое, непредсказуемое...

Серафима то любит бывшего мужа, то ненавидит и понимает, что он заурядный эгоист, чинуша. Иван Андреевич то любит и боготворит Лиду, то видит ее ограниченной, даже тупой девицей. Лида любит Ивана Андреевича, но вдруг понимает, что не любит, а лишь верит в это, не более того. И так далее, и так далее – вот такая запутанная жизнь, но в сверхличностном ее измерении, которое не бывает статичным, ибо здесь не может быть пошлой середины, умиротворенности. Потому-то и трудно героям романа договориться: они сталкиваются своими правдами друг с другом, не зная правды иной, кроме своей... Читателю пред-

лагалось самостоятельно оценить аргументы героев романа, но при этом более чем очевидно, что главным проигравшим стал Иван Андреевич Дурнев: он проиграл все и остался ни с чем. Точнее сказать, ни с кем. Документ о разводе был подписан Серафимой, но вокруг Дурнева были одни руины прежних отношений, он уже не хотел жениться на Лиде, но он потерял и Серафиму. Он оказался одиноким и никому не нужным, но не потому, что кто-то виноват – с внешней стороны, – а потому, что сам ничего не смог создать, он не способен был творить, у него не было ни воли, ни желания к созидательной деятельности – только мужской эгоизм: эту горькую правду он в конце концов признал.

Так уж вышло, что господину Прозоровскому автор романа доверил сказать если не всю правду об отношениях мужчин и женщин, то, по крайней мере, ее важнейшую часть: «Мужской мир утратил силу» [2, с.565]. А без этой силы нет творчества, да и героев не найдешь!

В конце романа Дурнев приехал в публичный дом и попросил прощения у Тони. Она не пожелала вернуться к тому прошлому, когда вдруг в Иване Андреевиче проснулось искреннее чувство любви к ней и когда он почти насильно пытался затащить ее в свою квартиру... Дурнев поплелся за ней в ее комнату, как обычный посетитель публичного дома, – скука жизни окончательно брала верх!

«Женщина в лиловом»

«...он прислонился локтями к косяку и плакал, уже не сдерживая слез», – этими слезами и заканчивается роман о маскараде чувства.

В романе «Женщина в лиловом» главный герой, Нил Григорьевич Кольшко, архитектор, так же, как и герои предыдущих романов, оказался в ситуации выбора между двумя женщинами, одна из которых – двадцатилетняя Сусанна, весьма традиционная женщина, уже разведенная с мужем, а другая... странным образом возникла из ниоткуда: просто она захотела видеть его, слышать его, любоваться им, вопреки мещанской традиции, согласно которой мужчина первым знакомится. Кто эта экстравагантная дама? Она просила его позвонить по телефону – и архитектор не смог ей отказать во встрече. Она предстала перед ним в лиловых тонах, будто в отблесках заката солнца, необыкновенно изящная, аристократичная, умная и дерзкая... Вера Симсон сообщила ему письменно о страстной любви, сжигающей ее: «Я люблю вас безмерно. Не гневайтесь. Если я должна умереть, скажите».

Кольшко в своей жизни был предусмотрительным человеком, ему нисколько не мешало, что, наряду с Сусанночкой, у него была еще и дама для развлечений, Ядвига, из публичного дома: «Обнимая и целуя Сусанночку, он успокаивал себя мыслью о Ядвиге. И, наоборот, лежа на плюшевой тахте у Ядвиги, радовался, что где-то, в уединенном особнячке, в Сивцевом Вражке, есть невинная и чистая Сусанночка. Его Сусанночка» [2, с.593].

Но Вера Симсон никак не вписывалась в привычную картину жизни: она разрушала все стереотипы, пытаясь отвоевать для себя жизненное пространство в его отношении с Сусанной. Несколько раз Кольшко пытался прекратить отношения с этой необычной женщиной, и каждый раз шел на встречу с ней, как будто под гипнозом. Его увлекала женская неординарность, способность жить не по житейским правилам, а по внутреннему закону восприятия себя.

О том, что на горизонте появилась Симсон, узнала и Сусанна. Ревность ее захлестывала. Она стала вести себя грубо, чем вызвала неудовольствие Нила Григорьевича, человека отнюдь не слабого. Но и не одаренного большим полетом мысли и чувства.

Вере Николаевне удалось остаться наедине с Нилом во время приятельской прогулки за городом: она призналась ему в горячей любви, не требуя ничего взамен: «Я ваша раба!» Он никогда не слышал подобных слов, считал себя некрасивым и необаятельным человеком, и бесконечно удивлялся тому, что он, не желая того, внушил столь сильные чувства достойной женщине, готовой на все ради него.

Но как быть с Сусанной? Он не привык к сложным чувствам женщины. «Я простой мужик из Нормандии», – говорил он. Любовь Веры Симсон хотя и была свободна, без требований и обязательств, но все же ей необходимо было как-то соответствовать: она развивала в нем чувственность, которую он не знал в отношениях с Сусанной, теперь казавшейся ему слишком уж простоватой: «Он слышал запах ее кожи, смешанный с отвратительным запахом ее духов, которые из экономии покупаются в "угловом" аптекарском магазине, где их продают "на разлив"» [2, с.637].

Кольшко выбирал между спокойным течением реки и бурным водопадом, между Сусанной, для которой любовь – «спокойный и однообразный механизм», как он сам признавался, и страстной женщиной, готовой отречься от себя, от всего мира ради любви к мужчине. Выбор был не просто трудный, это был выбор метафизический: как жить?..

Ведь Кольшко со своей привычкой к продажной любви пугался сильных чувств и сильных женщин: «Жизнь, узкая, бедная и грязная,

сделала так, что он почти перестал чувствовать себя мужчиной». И все же он решился прийти на свидание с Симсон. После страстной ночи она призналась ему, что не годится для роли жены. Она вообще против брака. Она любит его не ради создания семьи, она любит его ради любви...

Обвивая его шею осторожным объятием, она нашептывала:

– Я бы хотела начать все больше любить и понимать законы и извилины страсти. О! Иначе я никогда не удержу вас при себе. Вы слишком свежи и девственны. Вы не знаете, что человеческие дух и тело должны вибрировать, как звук самой искусно выделанной скрипки [2, с.653].

Колышко не был человеком утонченным и потому не понимал, что же хочет эта женщина, если она не рвется в жены. Нил Григорьевич не всегда улавливал в ее поведении скрытый мотив протеста против всего устройства человеческой жизни. Он не улавливал, что не доли, не части, не крохи она хотела, а всего! Целиком его! Всего без остатка! И не ради семьи, а ради большой и страстной любви!

– Если бы я была ваша «жена», я должна бы была (о, предположим на момент!), оставшись одна, приняться за хлопоты «по хозяйству». Я бы думала о том, что лучше приготовить сегодня к обеду: майонез из дичи и цветную капусту или спаржу и цыплят. Союз сердец и кухни. С наложницами поступают еще проще: она может отправиться в пассаж и тратить деньги, оставленные ей под подушкой [2, с.659].

Он сказал, что готов расстаться с Сусанной. Вера настаивала на том, что если сказать сразу и честно, то любая женщина перенесет это легче, чем долгое прощание. Вера Николаевна верила, что перед ней – сильный мужчина, способный на поступок: «Я бы не перенесла в вас недостаток мужественности. Зрелище мужской слабости *не эстетично* вообще» [2, с.660].

Нет лжи и цинизму, нет спокойствию и трезвому расчету, ибо в океане страстей не живут размеренно! Это нравилось Колышко, но вся его натура была другой – он был силен в мире Сусанны и был слаб в мире Симсон. Он был мужествен в мире предсказуемых решений, трезвого расчета, но оказывался растерянным мальчиком в мире, где ни в чем, кроме чувств, не было опоры. Он то склонялся к миру привычек, то нервно двигался к страстям любви, он и сам уже не знал, чего он хочет. Симсон ставила его перед жестким выбором – или рассудительность вместо чувства, или безрассудство любви вместо культа разума, где нет правил, нет никаких законов, кроме закона любви...

В холодную, дождливую пору она пришла к нему босиком через всю Москву. Ноги ее были покрасневшими, но она излучала веселье и радость, – Кольшко, уже готовый было завершить с ней отношения, опять вспыхнул ответным чувством:

Все же у этой женщины было заражающее веселое безрассудство. Именно семь бесов. Не один из семи, а все семь. Он не мог себя понять, сердится ли он, или опять готов носить ее на руках. Дверь была не заперта. Он вбежал, задыхаясь от сердцебиения. Если она прошла босиком чуть ли не через всю Москву, это бог знает, что... Хотелось взять ее на руки, сжать их и злобно крикнуть:

– Да что это значит наконец? Комедии! Прошу оставить меня!

Он как был, в куртке, с которой бежала вода, и со стеклом, висевшим на руке (только сбросил фуражку), остановился в дверях кабинета.

Василий Сергеевич (помощник Кольшко. – *А.Ю.*) говорил в приподнятом тоне:

– Женщина для того и создана, чтобы вдохновлять на подвиги. Обязательно! А вы думаете ее роль на кухне? Тогда она нуль, а не женщина. Ниже нуля! Баба, пустое место! [2, с.667–668].

Вера Николаевна ощущала в нем противоборство разума и чувств – она понимала, что ее безрассудство ему нравилось и что он не привык к таким вспышкам эмоций:

О, мне страшно, – говорила она, сдвигая плечи. – Вы там стоите, точно моя судьба. Что вы готовите для меня, мой друг? Я боюсь вас. Вероятно, вы находите, что все это вовсе «не нужно» для любви. Это эксцентрично, необдуманно и лишено чувства меры. Вы уже готовитесь перечислить мне по пальцам то, что «нужно». О, я знаю: надо быть в сухих ботинках и сидеть дома. Вероятно, это такое безрассудство пройти пол-Москвы босиком в доказательство того, что ты любишь. Да еще попасть под дождь и бурю. Для этого надо сойти с ума.

– Да, это – сумасшествие, – сказал он, чувствуя, что говорит не то, что хочет и чувствует. Ему хотелось броситься к ней, схватить ее холодное, застывшее тельце, греть дыханием руки и ноги, расспрашивать, хохоча вместе с ней, удивляясь, как она совершила этот сумасшедший путь. Потом вместе упасть в бездну томительных, болезненных, может быть, смертельных ощущений [2, с.670].

Вера хотела, чтобы он позвонил Сусанне, и сказал ей, что все конечно. Назревал конфликт.

Она выпрямилась.

– Вы просто мне гадки. Вы – ничтожество. Это говорю вам я, женщина, которая полчаса перед тем молилась на вас. Теперь позвольте мне встать. Да, вы бездарны. Я видела ваш проект. (Она захохотала). Беспомощные колонки, поддерживающие бессмысленные груды кирпича. Хаос отчаявшийся в самой себе безвкусицы. Я прошу не считать меня вдохновительницей этой кучи мусора.

Ее смех перешел в крик.

– Мой друг, пропустите меня. Я согрелась и теперь могу уйти. Не смущайтесь, что я без ботинок... [2, с.673].

Неожиданно для себя Нил Григорьевич схватил стек и со словами «Женщин не оскорбляют, а наказывают» – ударил ее, потом еще раз, еще раз... Он был в ужасе от себя... Хлыстом избить женщину! Однако она очнулась от ударов со словами: «Я благодарю вас... Безмерно...» Вера заговорила с ним на незнакомом ему языке: «Вы поступили как мужчина. О, я была безмерно виновата перед вами!.. Вы простили меня?» Мужчина не должен быть марионеткой в руках капризной женщины: «Ты теперь видишь, что ты был прав, - говорила она, говоря ему по-новому, на «ты», точно они достигли теперь последней ступени нежности, когда было позволительно все. – Ты наказал меня и будешь наказывать всегда. Ты был милостив ко мне. О, я благодарю тебя! Она целовала ему руки. Он не отнимал их. Из души исчезли страх, раздражение, остатки обиды» [2, с.676].

Она говорила ему: «...я принесу тебе вдохновенье, силы, отвагу. Моя душа должна служить твоей. Хочу раствориться в твоей воле, в твоём разуме, в твоём гении. Теперь я принадлежу тебе вполне, Ты это чувствуешь? Да?» [2, с.677].

У него не было привычки к подобному обращению с женщинами. Но он чувствовал, что в него вливается неизвестная доселе новая и странная сила – «радость полного подчинения женщины» [2, с.677].

Сусанна, узнав о развитии отношений ее друга с Верой Симсон, взяла свою одежду и прочее имущество, и приехала к нему в дом. Кольшико был застигнут врасплох, он искренне не знал, что делать. Ей уже было сказано «нет». Но в отличие от Веры Симсон, пришедшей к нему босиком, Сусанна приехала с вещами. В отличие от Симсон, она была ему понятнее: она была из его мира, спокойного, трезвого, расчетливого, немного лживого и циничного; она была предсказуема и надежна, – и всему этому предстояло еще раз сказать: Нет!..

Кольшико поневоле сравнивал двух любимых женщин, и это сравнение было то в пользу одной, то в пользу другой. Сейчас – не в пользу

Сусанны: «Ее тело также было мало подвижно и расчленено, как и ее ум. Вся, с душой и всеми своими желаниями, она представляла одну инертную массу, движимую слепым, элементарным инстинктом» [2, с.683].

Нил вновь сказал ей «нет». Но она не поверила его словам. Она говорила страстно о любви, так страстно, что Колышко вдруг понял, что она действительно его любит...

В этот момент в дом архитектора приезжает Вера Николаевна. Она с удивлением встречает Сусанну. Разворачиваются незримые события. Колышко видит перед собой двух женщин, с каждой из них у него свой напряженный разговор о любви, но что такое любовь, если он видит себя то в умиротворяющем союзе с Сусанной, то в любовной схватке с Верой?.. Вдруг он понимает, что в этой области чувств нет никакой разумности, рациональности, нет никаких объяснений... Есть только сила или слабость.

Коварная Симсон оставила на диване в кабинете Колышко свой маленький пистолет. Она угадала, что, возможно, он потребует Сусанне... Так и вышло. Сусанна схватила его, ничего не сказав Колышко. Нил Григорьевич спохватился поздно, долго ее разыскивал, нашел живой, но именно в этот момент, когда он ее нашел, она выстрелила в себя. И осталась живой... Нил Григорьевич потерпел окончательное поражение и превратился, по выражению его старого товарища, Василия Сергеевича, в «телятину». Колышко осознавал, что привычный мир брал верх над ним, и уже почти не сопротивлялся. Василий Сергеевич безжалостно разоблачал его страх бросить Сусанну:

– Простите, – сказал он визгливым голосом, – самоубийство не довод. Это – насилие над чужой душой.

Он стукнул кулаком по чертежу.

– Паучиха съедает во время любовного экстаза паука. А здесь избирают другой способ поглощения: подчинись моему желанию, растворись в моих объятиях – иначе я отравлю тебе всю жизнь! Это, спрашивается, любовь? Простите: это – эгоизм, чувственная разнузданность. Это – надругательство над любовью, а не любовь. Любовь (вы меня извините!) не вынуждается насильем.

Он говорил так, как будто Колышко собирался с ним спорить.

– Кто способен принуждать к любви *террористкой* (так в тексте. – А.Ю.), тот не уважает не ценит, не понимает любви-с [2, с.728].

Нил Григорьевич получил письмо от Симсон. В нем она говорила о главном – о постыдности *всякой середины* в любви, всякой обыватель-

ской предсказуемости. Она хотела, чтобы он ее ненавидел или любил – только так! Ибо самый страшный враг любви – безразличие.

Он, наконец, понял: и Сусанна, и Вера были счастливее его: «В их жизни и чувствах была полнота. Они были способны на страдания и на жестокость». Колышко осознал, что он не жил еще, а только собирался жить. Но долго, слишком долго собирался. В какой-то момент он не выдержал пустоты и бросился на квартиру Веры Николаевны, но оказалось, что она уехала в Европу...

Он оглядывался во все стороны бульвара. Большой, мускулистый и неглупый человек, он был выброшен вон, потому что не пригодился даже на то, чтобы служить женской извращенной прихоти, исполняя жалкую и унижительную роль. Его даже не подпустили к душе. Ему указали место в нижней сфере бытия. Едва приблизившись к нему, в нем уже отчаялись. Со снисходительной улыбкой ему вложили в руки бич, и он возомнил себя властелином мира.

Колышко снял шляпу и вытер со лба пот.

Да, это так. Но он уже не испытывал ни стыда, ни боли. Для этого он был достаточно умен. Он поднялся со скамьи и медленно побрел, точно побитая собака, у которой переломана нога [2, с.762].

Эпицентр художественного сознания

Итак, один из важнейших эпицентров модернистского художественного сознания – это востребованность сильного мужчины, носителя героических и творческих начал.

Кому, как не ему, волевому и мужественному, доверить переустройство мира на новых основаниях. Социальный вопрос был прочно связан с семейно-брачными отношениями, потому что модернизм видел во всех преобразованиях исходную точку отсчета: по мысли Н.А.Бердяева, ею должна быть личность, восставшая против господства пола, рода, безличных связей, собственности, семьи.

Мужская сила – это энергия сопротивления любой безличной заданности, прежде всего – пошлости, как началу, подавляющему личность; это творчество как преодоление всякого застоя и традиции. Сила женщин – в женственности, в приспособлении к той форме, которую избрет для нее мужчина, это энергия, умиротворяющая и возвышающая. Мужская сила – это только половина человека, это даже не-до-человек. Ибо подлинная человеческая личность выражает себя в гармоничном

соединении (в том числе через соитие) двух начал – женского и мужского. Бердяев эту гармонию так определял: «Мистический смысл половой любви повелевает не механически уравнивать и уподоблять мужчину и женщину, а, наоборот, *высвободить и утвердить начало мужественности и начало женственности* (курсив мой. – А.Ю.) и искать личности в слиянии и взаимном дополнении этих полярных начал, тяготеющих друг к другу. Половина не может стать целым, сделать женщину мужчиной или наоборот и таким образом реализовать личность» [1, с.28].

Модернизм – это востребованность мужской силы, но не ради самой силы (физической или фаллической); это культ духовного (не материального) прогресса: ему потребны гигантские усилия для преобразования себя и общества, всей так называемой социальной сферы. Культ мужской силы в романах Криницкого выразил себя *не в образцово-положительных персонажах* – их просто нет, – но в ожидании чуда, что могучие личности придут наконец!.. Нет героев, нет истинных творцов жизни, но духовная потребность в них велика, – это едва ли не основная мысль всех трех романов о любви. Каждый герой романа – это нереализованная возможность: зло коренится в недостатке творческого усилия. Читатель не видит романтического героя, который бы удовлетворил спрос, но в развитии конфликта, в сюжете романа, он замечает очевидные ошибки, промахи, нелепости, слабости главного героя, и «достраивает» в своем воображении идеальную ситуацию. Домысливает романтический идеал!

Смысл любви в модернизме

Модернистская мысль не могла примириться с мыслью об изначальной власти рода и семьи над личностью. Женщина олицетворяла собой природную стихию, участвующую в закабалении личности, и, будучи силой стихийной, она не способна возвыситься над родом, над семьей. Женщина, как говорил Боржевский в романе «Маскарад чувства», опасна своим «бесконтрольным существованием», – «она вам без узды все на свете разнесет. Потому что – стихия» [2, с.567]. Совсем безудержной стихией стала «женщина в лиловом», Вера Симсон. Она не стремилась затащить Колышко в брак и жаждала только свободной любви, но для укрощения этой стихии требовалась мужская сила значительно больше той, которую демонстрировал Нил Григорьевич.

В горячих словах протеста Веры Симсон против брака как идеи жизни и любви – те же мотивы, что и в статьях Бердяева или Мережковского: «Женщина с широкими бедрами и большим бюстом – похожая на молочную корову и предназначенная родить детей. Я питаю к этой породе отвращение и страх. Мне кажется бессмысленной жестокостью разведение людей. Повторение жалких копий из поколения в поколение, когда люди еще не научились брать всех заложенных в них самих и в жизни возможностей» [2, с.653].

Соединить человечество необходимо «не в род, не по необходимости», а в богочеловечество! Для этого требуется мужская сила – это главное требование в преобразовательном процессе, неважно, в каких рамках – семьи ли, или всего государства. Критические высказывания в отношении женщин не означали их унижения, потому что женскую природу рассматривали не в модусе естественного воспроизводства, а в возвышенном духе нерассуждающей любви. Критика и обожание женщин не противостоят друг другу, но объясняют различные задачи мужчин и женщин в духовном развитии.

В основе всей этой идеологии – ницшеанские корни. Когда Нил Григорьевич избивал Веру Симсон и приговаривал «женщин не оскорбляют, а наказывают», он фактически цитировал слова старушки, обращенные к Заратустре: «Ты идешь к женщинам? Не забудь плетку». Плетка – это не физическое насилие, а духовное первенство: женщины любят сильных, а не слабых мужчин.

В субстрате модернистских высказываний, а также художественных образов Марка Криницкого был мощный стилобат – философская работа Владимира Соловьева «Смысл любви», опубликованная в 1892–1893 гг. В этой работе великий философ определил мистический смысл любви. Он не отрицал значение плоти и истинную духовность видел в ее мистическом перерождении, спасении, воскресении. Он настаивал на том, что мужское начало – активное, инициативное, а женское – пассивное, послушное: «Как Бог творит вселенную, как Христос создает церковь, так человек должен творить и *созидать свое женское дополнение* (курсив мой. – А.Ю.). Что мужчина представляет активное, а женщина пассивное начало, что первый должен образовательно влиять на ум и характер второй – это, конечно, положения азбучные, но мы имеем в виду не это поверхностное отношение, а ту "великую тайну", о которой говорит апостол. Эта великая тайна представляет существенную аналогию, хотя и не тождество, между человеческим и божественным отношением» [4, с.140].

Соловьев не считал, что между мужчиной и женщиной существует принципиальное неравенство – нет, он говорил только о первенстве инициативы, о первенстве духовном, не совпадающем с материальным процессом жизни, но преобразующем его: «...человек для своего творческого действия имеет в лице женщины материал, ему самому равный по степени актуализации, перед которым он пользуется только потенциальным преимуществом почина, только правом и обязанностью первого шага на пути к совершенству, а не действительным совершенством» [4, с.140].

Мистика же заключена в том, что мужчина (муж) в отношениях с женщиной (женой) неподобным образом повторяет путь божьего творения: «...человек (муж) есть творческое, зиждительное начало относительно *своего женского дополнения* (курсив мой. – А.Ю.) не сам по себе, а как посредник или проводник Божественной силы» [4, с.140]. Владимир Соловьев был настроен резко против идеи брака как утилитарного закрепления социальных функций семьи в обществе: «...недостойны человека и противоестественны и те союзы между лицами разного пола, которые заключаются и поддерживаются только на основании гражданского закона, исключительно для целей морально-общественных с устранением или при бездействии собственно духовного, мистического начала в человеке» [4, с.138].

В романах о любви Марка Криницкого видна общая асимметрия смысла: утверждается необходимость освободиться от брака и семьи, как от форм принуждения личности, но не ради вседозволенности или той мнимой свободы, от которой страдали герои романа «Маскарад чувства», Клавдия и ее муж Сергей, а ради восстановления *религиозного смысла* любви, можно даже сказать, максимально архаического, приближенного к библейским временам, когда еще не угасла мужская сила творчества как сила, преобразующая мир.

Список сокращений

НИОР РГБ. – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки.

Библиографический список

1. Бердяев Н. Метафизика пола и любви // Перевал. 1907. №6. С.24–36.
2. Криницкий М. Три романа о любви. М.: «Гелеос». 760 с.
3. НИОР РГБ. Ф.386. Картон 102.6.
4. Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. М., 1991: «Искусство». 702 с.

Наши авторы

Исхаков Салават Мидхатович

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт российской истории РАН

Жбанкова Елена Васильевна

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры
региональных исследований факультета иностранных языков и
регионоведения, МГУ имени М.В. Ломоносова

Менчинская Наталья Юльевна

архитектор, писатель

Костырченко Геннадий Васильевич

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института российской истории РАН

Каравашкин Андрей Витальевич

доктор филологических наук, профессор РГГУ

Розенталь Исаак Соломонович

доктор исторических наук,
академик Российской академии естественных наук

Соловьев Кирилл Андреевич

доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Института российской истории РАН

Шелохаев Валентин Валентинович

доктор исторических наук, профессор, руководитель
Центра «История России в XIX – начале XX вв.»
Института российской истории РАН

Юрганов Андрей Львович

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой
истории России Средневековья и Нового времени РГГУ

Our authors

Iskhakov Salavat Midkhatovich

D.Sci. historian, leading researcher, Institute of Russian History, the Russian Academy of Sciences

Zhbankova Elena Vasiljevna

D.Sci., historian, Associate Professor, Professor, Dpt. of Area Studies, Foreign Languages and Regional Studies of The Moscow State University

Menchinskaya Natal'a Yul'evna

architect, writer

Kostyrchenko Gennadii Vasil'evich

D.Sci., historian, leading researcher, Institute of Russian History, the Russian Academy of Sciences

Karavashkin Andrey Vital'evich

D.Sci., philologist, Professor, Chair of Early and Modern Russian History, Russian State University for Humanities

Rosental' Isaak Solomonovich

D. Sci., historian, Academician of Russian Academy of Natural Sciences

Solov'ev Kirill Andreevich

D.Sci., historian, senior researcher of Institute of Russian history of Russian Academy of Sciences

Shelohaev Valentin Valentinovitch

D.Sci., historian, Professor, a chief of the center «Russian history in the XIX – in the beginning of XX centuries» of Institute of Russian history of Russian Academy of Sciences

Yurganov Andrey L'vovich

D.Sci., historian, Professor, Chair of Early and Early Modern Russian History, Russian State University for Humanities

ПОДПИСКА И ПРОДАЖА

Подписной индекс П8643 – по объединенному каталогу «Пресса России» (подписка возможна с любого месяца)

Подписка на электронную версию журнала оформляется через Научную электронную библиотеку: www.elibrary.ru

УДОБНЕЙ ВСЕГО ЖУРНАЛ КУПИТЬ В РЕДАКЦИИ

Кроме того журнал «Россия XXI» можно заказать с доставкой по всей России или купить в книжном интернет-магазине «Русская деревня». тел. 8-495-922-60-36 сайт www.hamlet.ru

Журнал появился в киосках РОССПЭНа по 2 адресам:

- ул. Б. Дмитровка, д.15 тел.8-495-694-50-07;
- ул. Дмитрия Ульянова, д.19 тел. 8-499-126-94-18

ISSN 0869–8503

Учредитель: Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ

Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.
Регистрационное свидетельство №011074.
© «Россия XXI», 2018.
Цена свободная.

Адрес редакции:
123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2
Телефон (495) 691-74-79, факс (495) 694-17-54
E-mail: russia21@ecc.ru
<http://www.russia-21.ru>

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна.

Подписано в печать 07.08.2018. Формат 60x88 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 12 ¼ печ. л.
Тираж 1500 экз. (1 завод 300 экз.) Заказ №

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»,
428019, г.Чебоксары, пр. И.Яковлева, 13.

4. 2018 july-august

National Doctrine

Salavat Iskhakov

Revolutionary, Politician, State Activity
of Sh.-I.Shagiahmethov _____ **6**

Elena Zhbankova

Practical Implementation of the Soviet System
of Physical Education in 1920-s _____ **30**

Resources of Nation

Natal'a Menchinskaya

30 Years in the State Institute for the Higher Education
Institutions Designing _____ **52**

The Faces of Catastrophe

Gennadii Kostyrchenko

The Secretary General-Head of a Desk: Traits
of Constantine Chernenko's Biography _____ **80**

